

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2023

Том 23

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOLOGY. JOURNALISM

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Проблемы экологии современной научной речи 4

Байкулова А. Н. Повседневное деловое общение: коммерческий чат, его специфика и роль в организации быта горожан 11

Липина Ю. А. Межотраслевой характер терминологии таможенной деятельности (на материале английского языка) 17

Кудряшова С. В., Калинина М. Г. К вопросу о специфике юридического перевода (на материале немецкого, французского и испанского языков) 23

Милехина Т. А., Байкулова А. Н. Речевые предпочтения современных детей: влияние Интернета, чужих языков и культур 29

Малашенкова Е. Н., Незнаева О. С. Опыт создания и использования лингвострановедческих материалов по русскому языку как иностранному (на примере проекта «MULTI_Saratov») 36

Zaraiskiy A. A. The linguistic and cultural aspects of color meanings in the language picture of the world (Based on the material of English and Russian languages) [Зарайский А. А. Лингвокультурный аспект цветообозначений в языковой картине мира (на материале английского и русского языков)] 42

Литературоведение

Павлова С. Ю. Российское литературоведение XX века о комедии Мольера «Мизантроп» 48

Киреева Е. В. Жанровая доминанта в трудах профессора Т. М. Акимовой 55

Черемисинова Л. И. А. А. Фет и Д. А. Столыпин: диалог о крестьянском землевладении (по материалам неопубликованных писем) 62

Бигильдинская О. В. Символика волчка: звуковая деталь в пьесе А. П. Чехова «Три сестры» 67

Самоделова Е. А. О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на повесть «Яр» С. А. Есенина 73

Сягина Е. И. Проза Алексея Слаповского в восприятии Андрея Немзера 80

Юй Линхун. Китаизмы Владимира Сорокина в романе «Голубое сало» 86

Критика и библиография

Представляем книгу

Иванюшина И. Ю. «Мы – содружество, мы – общество, но мы не школа...»: к столетию объединения «Серапионовы братья» 91

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9)

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Дударева Светлана Сергеевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.02.23.
Подписано в свет 01.03.23.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 11,38 (12,25).
Тираж 100 экз. Заказ 9-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 20 000–30 000 знаков с пробелами.

Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках.

Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями: левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: iiyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода в свет номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Degaltseva A. V., Sirotina O. B.** The problems of ecology of modern scientific speech 4
- Baikulova A. N. Everyday business communication: A commercial chat, its specific features and role in organizing the life of citizens 11
- Lipina Yu. A.** The interdisciplinary nature of customs activities terminology (On the English language material) 17
- Kudryashova S. V., Kalinina M. G.** On the specific features of legal translation (A comparative study of the German, French and Spanish languages) 23
- Milekhina T. A., Baikulova A. N.** Speech preferences of modern children: The influence of the Internet, foreign languages and cultures 29
- Malashenkova E. N., Neznayeva O. S.** An experience of creating and using linguistic and cultural materials in Russian as a foreign language (On the example of the “MULTI_Saratov” project) 36
- Zaraiskiy A. A.** The linguistic and cultural aspects of color meanings in the language picture of the world (Based on the material of English and Russian languages) 42

Literary Criticism

- Pavlova S. Yu.** Russian literary criticism of the 20th century on Moliere's comedy “The Misanthrope” 48
- Kireyeva E. V.** Genre focus in the works by professor T. M. Akimova 55
- Cheremisinova L. I. A. A.** Fet and D. A. Stolypin: A dialogue on the peasants' land ownership (On the material of unpublished letters) 62
- Bigildinskaya O. V.** The symbolism of a spinning top: A sound detail in A. P. Chekhov's play *The Three Sisters* 67
- Samodelova E. A.** On the influence of the novel *What is to be done?* by N. G. Chernyshevsky on the story *Yar* by S. A. Yesenin 73
- Syagina E. I.** Alexey Slapovsky's prose in the perception of Andrey Nemzer 80
- Linghong Yu.** Chinese loanwords in the novel *Blue Lard* by Vladimir Sorokin 86

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Ivanyushina I. Yu.** “We are an association, we are a community, but we are not a school” – to the 100th anniversary of the “Serapion brothers” association 91

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Деметьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долнин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакр Абдулвахиду, кандидат филол. наук (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитар. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук (Харбин, КНР)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

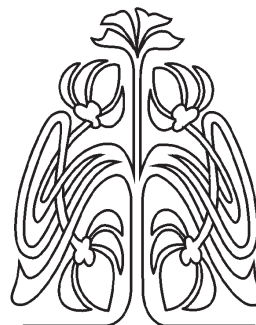
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

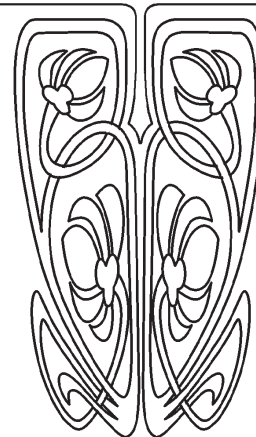
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaev (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Lina V. Razumova (Moscow, Russia)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Xie Chunyan (Harbin, People's Republic of China)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Olga B. Sirotnina (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Vasily T. Klokov (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–10

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–10

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-4-10>

EDN: GMKWEJ

Научная статья
УДК 811.161.1'27

Проблемы экологии современной научной речи

А. В. Дегальцева , О. Б. Сиротинина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, skunak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

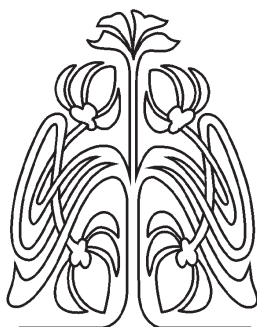
Аннотация. Изучение норм современной научной речи, а также факторов, влияющих на её эффективность, – одна из актуальных проблем лингвоэкологии. Типичными проблемами экологии научной речи являются случаи нарушения языковых норм и стилистические погрешности. Чаще всего они встречаются в неподготовленной профессиональной речи молодых учёных (особенно нефилологов). Нарушения подобного рода могут быть обусловлены, во-первых, недостаточно высоким уровнем коммуникативной компетентности адресанта, во-вторых, его информационными перегрузками, «клиповым» мышлением и «точечным» вниманием. Снижение эффективности научной коммуникации связано не только с речевыми ошибками и стилистическими погрешностями. К нему может приводить использование адресантом специальной лексики, не являющейся общепринятой в данной сфере коммуникации, обилие иноязычных слов и выражений (особенно – новых англицизмов), а также употребление синонимичных или вариативных терминов. Кроме того, рискогенность научной речи связана с изменением традиционных и появлением новых её жанров. Так, жанр анонимной («слепой») рецензии является конфликтогенным, поскольку предполагает выявление не только позитивных аспектов рецензируемого научного произведения, но и его недостатков. Обоюдная анонимность способствует тому, что рецензент, оставаясь неузнанным, может выражать критические замечания прямо и резко, не заботясь об эмоциональном состоянии неизвестного ему адресата. Кроме того, эффективность восприятия современного научного текста снижается из-за некоторых изменений в его оформлении. Наконец, изменяется отношение будущих специалистов к своему обучению. К сожалению, сегодня студенты и магистранты всё меньше задумываются о соблюдении речевых и языковых норм, всё чаще обращаются к научно-популярным или псевдонаучным интернет-источникам за поиском информации, всё реже проявляют заинтересованность в восприятии и обсуждении материала.

Ключевые слова: экология речи, культура речи, научная речь, нарушения речевых норм, жанры речи, статья, анонимная рецензия

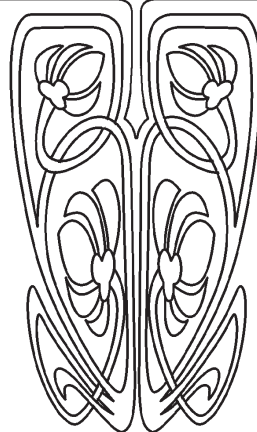
Для цитирования: Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Проблемы экологии современной научной речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–10. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-4-10>, EDN: GMKWEJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The problems of ecology of modern scientific speech

A. V. Degaltseva , O. B. Sirotinina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Olga B. Sirotinina, skunak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Abstract. The study of the norms of modern scientific speech, as well as the factors affecting its effectiveness, is one of the urgent problems of linguoecology. Typical violations of the ecology of scientific speech are cases of violations of language norms and stylistic inaccuracies. They are most often found in the unprepared professional speech of young scientists (especially non-philologists). Violations of this kind can be caused, firstly, by an insufficiently high level of the addressee's communicative competence, and secondly, by his information overload, "clip" thinking and "point" attention. The decline in the effectiveness of scientific communication is associated not only with speech errors and stylistic inaccuracies. It can be caused by the addressee using special vocabulary, which is not generally accepted in this field of communication, an abundance of foreign words and expressions (especially new English loan-words), as well as the use of synonymous or variable terms. In addition, the riskiness of scientific speech is associated with the change of traditional and the introduction of new genres. Thus, the genre of anonymous ("blind") review is conflict-generating, since it involves identifying not only the positive aspects of the reviewed scientific work, but also its shortcomings. Mutual anonymity contributes to the fact that the reviewer, remaining unrecognized, can express critical remarks directly and sharply, without caring about the emotional state of the addressee unknown to him. In addition, the effectiveness of the perception of a modern scientific text is reduced due to some changes in its design. Finally, the attitude of the future specialists to their training is changing. Unfortunately, nowadays undergraduates and Master's degree students are less likely to think about observing speech and language norms, they turn increasingly more often to popular scientific or pseudoscientific Internet sources for information, and less frequently display an interest in the perception and discussion of the material.

Keywords: ecology of speech, culture of speech, scientific speech, violations of speech norms, genres of speech, article, anonymous review

For citation: Degaltseva A. V., Sirotinina O. B. The problems of ecology of modern scientific speech. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–10 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-4-10>, EDN: GМКWEJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная коммуникация – одна из важнейших для развития человечества сфер его жизни. Её целью является «сообщение нового знания о действительности и доказательство его истинности» [1, с. 242]. Наиболее плодотворное изучение языка науки приходится в отечественной лингвистике на 60–70-е гг. XX в., что обусловлено возрастающим интересом к функциональной стилистике. Рассмотрение общих и частных особенностей научной речи связано с именами А. Н. Васильевой, М. Н. Кожинной, М. П. Котуровой, О. А. Лаптевой, Н. М. Лариохиной, О. Д. Митрофановой, Н. М. Разинкиной, М. П. Сенкевич и многих других. Эффективность научной коммуникации неоднократно становилась объектом изучения саратовских лингвистов [2–4].

Доминантной чертой научной речи является понятийная точность. Она определяет такие особенности научного стиля изложения, как объективность, абстрактность, точность, последовательность, ясность, некатегоричность, а также «логизированная оценочность» [1, с. 242].

Современная научная речь, несмотря на её стройность, чёткость, логичность, безусловно, не лишена недостатков, влияющих на её экологию. Под экологией речи мы, вслед за А. П. Сковородниковым, понимаем область лингвоэкологии, связанную с изучением «проблематики норм и компетенций речевого общения в их совокупности» [5, с. 15].

Одними из нарушений экологии научной речи являются орфоэпические, лексические и грамматические ошибки, а также стилистические погрешности. Риски нарушения этических норм создают новые жанры научной коммуникации, например анонимные рецензии.

Мешает эффективности восприятия современного научного текста изменение некоторых правил его оформления. Так, укоренившаяся во многих современных научных изданиях система цифровых отсылок к источнику позволяет экономить печатное пространство, но вредит восприятию текста и оперативности поиска информации.

Изменяется и отношение будущих специалистов к обучению. Особенно хорошо это заметно О. Б. Сиротининой, прожившей долгую жизнь (сейчас ей 99 лет), связанную с наукой и преподаванием. Так, если раньше студенты и магистранты внимательно слушали лекции и задавали очень много вопросов, теперь они проявляют меньшую заинтересованность в предмете. Часто они записывают речь преподавателя на диктофоны с помощью своих телефонов или ноутбуков, а сами занимаются чем-то другим. Кроме того, при написании рефератов или исследовательских работ студенты и магистранты всё чаще обращаются к псевдонаучным или научно-популярным интернет-источникам.

Итак, проблема изучения культуры речи современного учёного представляется весьма

актуальной. Цель данного исследования заключается в выявлении типичных случаев нарушения экологии научной речи. Оно базируется на материале 120 текстов разных научных направлений и жанров (прежде всего, письменных: статей, монографий, диссертаций и их авторефератов и др.).

Случаи нарушения речевых и стилистических норм наиболее часто встречаются в устной профессиональной коммуникации молодых учёных (особенно нефилологов). В речи студентов, магистрантов и аспирантов могут присутствовать слова-паразиты, лексические, стилистические и грамматические ошибки или погрешности. Собственноручные и представленные на вузовских сайтах расшифровки записей защит кандидатских диссертаций и выступлений молодых учёных на конференциях свидетельствуют о том, что такие нарушения экологии речи нередки. Возникают они, конечно, не только из-за недостаточно высокого уровня коммуникативной компетентности говорящих, но и вследствие неподготовленности, спонтанности устной научной речи и даже волнения (например, на защите диссертации): *Я как бы читала много литературы по своей теме; По второму замечанию скажу, что деление прогнозно-геологических задач на задачи первого и второго рода не зависит от масштаба проводимых работ; Прежде всего, я хочу поблагодарить всех пришедших на защиту моей диссертации и надеюсь, что все пришедшие не пожалеют о проведённом сегодня здесь времени; Хочу выразить учёному секретарю отдельную благодарность за заботу ко мне при подготовке к настоящей защите; Я прекрасно понимаю геологов, которым, помимо теоретических примеров, нужно всё посмотреть на реальной геологической карте и всё потрогать своими руками; Я в своей диссертации прилагал эти парадигмы исключительно к области естествознания; Для Плотина чистый образчик манифестационизма – вечность; <...> хотел бы искренне и сердечно Вас поблагодарить за такой благожелательный заряд обсуждения моей скромной работы.* Конечно, устная научная речь имеет свои особенности. Она отличается от письменной (особенно в непосредственном и ситуативном общении), ей свойственны типизированные устно-разговорные слова и конструкции, слабо оформленные синтаксические построения [6].

К сожалению, даже в письменных жанрах научной речи встречаются случаи нарушений лексических, грамматических и стилистических норм. Так, М. П. Котюрова отмечает, что из 100 прочитанных ею авторефератов кандидатских диссертаций по филологии лишь в одном отсутствовали речевые ошибки или стилистические

погрешности [7, с. 118]. Проведённый нами анализ показывает, что такие случаи действительно нередки даже в подготовленной речи учёных.

Среди нарушений лексических норм, выявленных нами в научных текстах, чаще всего встречаются анахронизмы, неверная лексическая сочетаемость слов, ошибки в употреблении паронимов.

Анахронизмы обычно присутствуют в статьях по истории и культурологии. Согласно концепции Т. В. Шмелёвой, они могут быть двух типов: архаизирующие и модернизирующие. Архаизирующий анахронизм «предполагает осмысление нового на фоне известного, он апеллирует к опыту адресата; модернизирующий анахронизм нацелен на сближение дистанции между обсуждаемыми реалиями и адресатом, он тоже апеллирует к опыту адресата, но актуальному. При этом и в том, и в другом случае возникают побочные эффекты иронии, комичности» [8, с. 152]. Как показывают наши наблюдения, в научных текстах преобладают модернизирующие анахронизмы, использование которых приводит к тому, что реалии прошлого описываются с помощью новейших англицизмов: *Таким образом, для европейского теизма XIX в. была характерна персоналистическая тенденция, которая имела тренд на усиление <...> (Эзри Г. К. Философские основания европейского теизма XIX); Начинает своё развитие бренд «Юбилейное» в России со второй половины XIX в. <...> (Малышкина Е. А. История бренда или история о бренде); Процесс становления селебрити начинается в Лондоне в середине XVIII века (Колпинец Е. В. Фигура из пустоты: селебрити как феномен цифровой повседневности); Формирование феномена селебрити-идентичности происходит с XIX века (Крылов А. Н. Селебрити-идентичность как элемент самоидентификации молодёжи в условиях постиндустриального общества).*

Случаи нарушения лексической сочетаемости нередки, главным образом, в статьях нефилологического профиля: *<...> для конструктивистской эпистемологии наличие этого иного мира не играет значения, поскольку его невозможно отобразить, а конструктивисты к этому и не призывают (Ардашкин И. Б. Особенности интерпретации проблемы как формы знания в конструктивизме); <...> «братства», стремясь одержать первенство в политической борьбе и реализовать свои интересы, ориентированы на насаждение своего мировидения <...> (Косов Г. В., Станкевич Г. В. Религиозный фактор в политическом процессе: опыт восточных политий (исламская проекция)). Кроме того, неоправданно расширяет свою сочетаемость в научных текстах наречие достаточно. Приведём примеры*

его ненормативного и даже абсурдного употребления: **Достаточно много преступлений экстремистской направленности совершается несовершеннолетними** (Малакаев О. С. Экстремизм в социальных сетях); **До настоящего времени было высказано достаточно мало новых идей, носящих сугубо научный контекст** (Романова О. С. Многоаспектность изучения организационной культуры); **В последнее время достаточно часто происходят возвраты детей в детский дом, что обусловлено некоторыми причинами** (Кошетова М. Д. и др. Основные проблемы вторичного сиротства в России); **Балтийское море относится к районам, где достаточно часто происходят аварии** (Немировская И. А. и др. Особенности распределения углеводородов в районе месторождения Кравцовское в Балтийском море).

Случаи смешения паронимов тоже нередки в научной речи, причём встречаются они и в текстах гуманитариев: **Любезные манеры, учтивость и порядочность в общении, почтительный возраст, говорят о благородстве и внушительном достоинстве персонажа** (Князева Н. А. Образ автора драматического произведения (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион»)); **<...> необходимо <...> нанести пояснительную надпись и поставить роспись участвующих лиц, в том числе и понятых** (Тамбиев С. А. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ).

Среди грамматических ошибок в письменной научной речи следует отметить, прежде всего, неправильное образование падежных форм родительного падежа множественного числа: **Сборный альбом рисунков по проектированию новых знаков различия – петлиц и погонов для личного состава Красной Армии (1942–1943 гг.)** (Бардыго Н. С. Российский военный мундир); **Распространялось на бойцов истребительных батальонов, которые содержались по нормам Красной армии, и партизанов постановление СНК СССР № 1269 от 16 июля 1940 г.** <...> (Терновский А. Н. Роль истребительных батальонов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Кроме того, в письменной научной речи нередки случаи неверного выбора падежа управляемой словоформы, а также нарушения порядка слов: **Поэтому ей характерно искать основание общественной жизни и государства не в разуме или материи, а чём-то третьем** (Воробьёва Е. Н. Проблема сущности государства в философии XIX века); **В речевом обиходе и в печатном иногда встречается ошибочное использование слова фактор вместо факт** <...> (Амирова П. Р. Проблемы употребления паронимов в речи); **Важно использовать не только психологические тесты, но и**

уметь диагностировать поведение пациента по значимым ситуациям (Русина Н. А. Психотерапия пациента психосоматического профиля).

Обратимся к рассмотрению случаев нарушения стилистических норм в научных текстах.

В работах учёных, не специализирующихся на изучении филологии, нередко встречается неоправданное употребление жаргонизмов: **Следом нарисовался «новый комсомол» – «Идущие вместе», «Наши», «Молодая гвардия»** (Сергеев Д. В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, избрётённая архаика); **Российский айтишник уже сегодня любит работать из дома за несколько тысяч километров от головного офиса** (Гриднева М. А., Федосова М. Ю. Особенности работы с персоналом в IT-сфере).

Неуместно, на наш взгляд, используются в научных статьях разговорные слова и выражения: **Диалектическая логика (т.е. просто диалектический стиль мышления) ещё какое-то время находилась в фаворе** (Бажанов В. А. Партия и логика. К истории одного судьбоносного постановления ЦК ВКП(б) 1946 года); **Однозначных доказательств как безвредности, так и вреда мобильных нет, но, с другой стороны, всё больше свидетельств жертв излучения мобильных телефонов** (Одинаев Ф. И. и др. Электромагнитные излучения и здоровье человека); **К сожалению, <...> борьба человечества с катастрофической нестабильностью ведётся ни шатко ни валко** <...> (Кононов А. А. Общая теория неуничтожимости человечества (ОТН)).

Присутствуют в современных научных трудах и просторечные лексемы: **<...> десять лет с 1935 года по 1945 год <...> ушло на ментальную подготовку к главной книге его жизни, ещё десять лет до 1955 года – на её создание, а последние пять лет аккурат до смерти – на её защиту** (Воробьёва А. Е. Вневременные требования Иммануила Канта в эссе «Ответ на вопрос: что такое просвещение?»); **В конечном счёте Марселлис и Акема отняли у Виниуса его дело, но Виниус всё же не остался внакладе** (Нефёдов С. А. Начало российской модернизации и менталитет XVII века); **Очевидно, правозащитники уже сызмала видят мир в другом ракурсе** (Шеманова Н. А. К биографии Сильвии Семёновны Белокриницкой – лингвиста и переводчика) и под.

Среди нелитературных слов в научных исследованиях наиболее часто используются слова схожий, схожесть: **Клиническое течение электроожогов во многом схоже с течением термических ожогов** (Кочин О. В. Электротравма: патогенез, клиника, лечение); **<...> лексемы, имеющие схожие семантические компоненты** <...> (Ященина Ю. С. Лингвистический кон-

текст как средство актуализации семантики фразеологизмов в современных СМИ (на материале немецких и русских фразеологизмов с милитарным компонентом)). В толковом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой лексема *схожий* квалифицируется как просторечная и устаревшая [9], тогда как в «Большом универсальном словаре» под ред. В. М. Морковкина [10] и в «Большом толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова [11] она получает статус разговорного слова. Согласно мониторингу СМИ, регулярно проводимому О. Б. Сиротининой, *схожий* и *схожесть* активно употребляются в прессе и телепередачах.

Нелитературные вкрапления, однако, являются вполне оправданными, если жанр исследовательской работы не предполагает строгого следования канонам научного стиля. Так, Б. Р. Мендель избирает для одной из своих статей, опубликованных в московском журнале «Образовательные технологии», жанр дискуссии с элементами эссе. Работа адресована не только учёным, но и студентам. Для создания дружеской тональности, характерной для душевной беседы с читателем, он использует разговорные и жаргонные слова и выражения: <...> и работа по специальности **не клеится**, не интересуется, не **идёт**, не удовлетворяет, не обеспечивает; Не создать ли несчастным студентам свои правила, которые соответствуют их требованиям и помогают учиться? Так вернёмся к языку студентов и поговорим с ними [на нём]: будь **фартовым**; будь обаятельным; умеешь **шарить** <...>; если хочешь **свалить** – не стоит об этом предупреждать всю группу одновременно <...> (Мендель Б. Р. Приглашение к дискуссии о причинах прогулов и пропусков занятий).

Некоторые нелитературные лексемы входят в научную речь на правах терминов. Так, в статьях, посвящённых политологии, экономике, криминалистике, активно функционируют жаргонизмы, использующиеся в качестве новой терминологической лексики: <...> в научно-правовой оборот вошёл **термин «отмывание денег»**, что было обусловлено необходимостью правовой квалификации нового в тот период явления, связанного с ростом финансовых операций организованных преступных групп по легализации нелегально полученных доходов <...> (Саруханян В. О. Международно-правовые средства борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путём)); В последние годы появилось несколько новых слов, означающих взятку. Во-первых, **«откат»**. Это совершенно новое понятие взятки, появившееся в конце 80-х гг. прошлого века, вероятно, на ВАЗе, в Тольятти, когда из полученной покупателем партии автомобилей один «добровольно» **от-**

катывали назад как плату (взятку) за быстрое получение, оформление и т.п. Таким образом, **«откат»** означает возврат части из полученного имущества (денег) тому, кто это имущество предоставил. **Откат** дело добровольное, но если откат не получен, то он **«выбивается» накатом, наездом. «Накат», «наезд»,** кроме прочего, – вымогательство взятки, принуждение к даче взятки теми, кто обладает большей силой, властью, возможностями, например, правоохранительными органами или преступниками. **«Отстежка», «отстегнуть»** – добровольно отдать часть, во избежание притеснений или для сохранения целого. **«Крышевание»** – систематическое и по предварительному сговору получение взятки за покровительство (Подгрушный М. А. Взятничество и коррупция: вопросы терминологии и средства противодействия).

Почему даже в письменной научной речи не всегда соблюдаются нормы и правила русского языка? По мнению М. П. Котюровой, можно выделить, по крайней мере, три причины появления в ней речевых ошибок и стилистических погрешностей. Первой из них является «информационная перегрузка, можно сказать, “вихрь”, отнюдь не способствующий логическому развертыванию общей идеи и доведению её до логического завершения в форме текста, соответствующего литературной норме. <...> Вторая причина заключена в самом мышлении исследователя, а именно его одностороннем – аналитическом/синтезирующем – характере. Один из фундаментальных типов мышления – аналитико-синтезирующий – всё более подвергается разрыву, резкой дифференциации, что приводит к доминированию аналитичности и тем самым “остановке на полпути” либо случайной синтетичности, не обоснованной посредством анализа» [7, с. 118–119]. Третья причина, как полагает М. П. Котюрова, кроется в «точечном» внимании адресанта, которое фиксируется лишь на отдельных речевых единицах и не способно охватить более широкий контекст [7].

Благодаря прочно вошедшей во все сферы нашей жизни цифровизации информации многие научные труды сегодня находятся в Интернете в открытом доступе. Это, конечно, способствует тому, что научное знание охватывает более широкий круг учёных. С целью повышения качества исследовательских работ в последние годы ужесточаются требования к публикациям и работе диссертационных советов. Для повышения эффективности и оперативности передачи информации в структуру одного из важнейших жанров научной речи – статьи – были внесены изменения. Так, в большинстве журналов, входящих в перечень ВАК, а также базы данных Web

of Science, Scopus и других, тексту исследования стали предшествовать довольно объёмная аннотация и список ключевых слов. Эти структурные компоненты статьи обычно повторяются на английском языке. С одной стороны, теперь учёному – русскому или зарубежному – достаточно прочитать предтекстовую информацию, чтобы сразу же решить, насколько полезна та или иная публикация для его собственного исследования. С другой стороны, сегодня авторам научных работ приходится более ответственно подходить к выбору лексики для названий, аннотаций и ключевых слов, руководствуясь принципами доступности, точности и целесообразности. В противном случае возникают коммуникативные риски. Так, выбор узкоспециальных, не являющихся общеупотребительными, лингвистических терминов и понятий в качестве ключевых слов затрудняет сетевой поиск научных работ, в которых они используются: *квазиидиома, маркер-аппроксиматор, ориентационная метафора, прагматема, полужазаема, синтагматический паттерн* и др. Такие термины снижают доступность восприятия научной работы в целом: *Автор анализирует структуру переносного значения предикатов 'становиться/стать меньше', реализующих ориентационную метафору 'LESS IS DOWN'*; *Мы проанализировали эти группы для определения релевантных синтагматических паттернов, в которых может быть реализована метафора <...>* (Культепина О. А. *Less is down: корпусный анализ структуры метафорического значения русских глаголов падать и упасть*); *Анализируемые единицы <...> становятся особыми условно-речевыми единицами, которые можно назвать прагматемами: при ослаблении своего основного лексического значения они способны приобретать функцию маркера-аппроксиматора <...>* (Кудлаева А. И. Пятый и десятый: на пути к прагматеме).

Не способствует эффективности научной коммуникации и вариативность терминологии: *лингвоаксиология / аксиолингвистика, эколлингвистика / лингвозеология, морбиальный / морбуальный, милитарный / милитаристский* и под.: **Лингвоаксиология** является одним из новых разделов лингвистики, поэтому остаются вопросы, требующие решения (Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности); *Статья посвящена изучению художественного текста с позиции презентационной теории дискурса, аксиолингвистики, концептологии* (Палашевская И. В., Аль Саммаррайе С. Дж. М. Языковая символизация воспоминаний в романе Т. Моррисон «Beloved»); **Морбиально-религиозная метафорика в романе**

Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (название статьи Н. А. Азаренко); *К вопросу о морбуальном коде русской литературы* (название статьи Е. Г. Трубецкой); *Лингвистический контекст как средство актуализации семантики фразеологизмов в современных СМИ (на материале немецких и русских фразеологизмов с милитарным компонентом)* (название дис. ... канд. филол. наук Ю. С. Ящениной); *В статье анализируются <...> средства, составляющие часть стратегий милитаристского дискурса политической элиты <...>* (Вьюркова Е. В. Критический анализ милитаристского дискурса Ф. Олланда как представителя политической элиты Франции).

В научной коммуникации появляются новые жанры, например анонимная рецензия на научную статью. Этот жанр «по своей природе является конфликтогенным, поскольку предполагает как позитивную, так и негативную оценку, оказывающую эмоциональное воздействие на автора статьи. <...> Хотя в данной коммуникативной ситуации взаимодействие адресата и адресанта происходит опосредованно и безличностно, рецензент передаёт своё отношение через оценочные высказывания, которые оказывают существенное воздействие на автора статьи и сказываются на его эмоциональном состоянии. Воздействуют они и на третьего участника коммуникации – редактора журнала или члена редколлегии, через которого осуществляется общение и который, выступая в качестве медиатора, принимает на себя ответные эмоциональные удары-реакции» [12, с. 39].

Анонимное рецензирование называют «слепым», поскольку ни рецензент, ни автор рецензируемого научного произведения не имеют информации друг о друге. Задачи этой новой для российского научного сообщества процедуры далеко не всегда верно понимаются её субъектами. Конечно, «рецензент призван дать заключение о качестве статьи и возможности её публикации», однако «не менее важной коммуникативной целеустановкой анонимной рецензии является не только оценка рецензируемой статьи, но и внесение конструктивных предложений по её улучшению. То есть рецензент должен выступать не только в роли критика, но также и в роли советчика и помощника, что не всегда учитывается авторами рецензий» [12, с. 42]. В новом жанре научной речи нередко можно обнаружить случаи нарушения этических норм. Они, как правило, связаны с тем, что рецензент проявляет излишнюю категоричность по отношению к автору рецензируемого материала.

Как верно замечает Т. В. Ларина, в русскоязычных анонимных научных рецензиях «на-

блюдается усиление негативной оценки, для чего используется эмоционально окрашенная лексика, а также её усилители: *Текст крайне небрежен. В 99% случаев анализ совершенно не развернут. Язык очень некорректный, изложение часто хаотичное, отдельные рассуждения в статье крайне категоричны. Статья по многим параметрам не выдерживает никакой критики*» [13, с. 43].

Наши наблюдения над текстами данного жанра подтверждают, что русским рецензентам действительно присуща излишняя категоричность в сочетании с эмоциональностью. Приведём примеры из анонимных рецензий на статьи саратовских лингвистов: **Категорически неверно! Эта форма – результат элементарной пассивизации, и никакого медиативного значения она не несёт; Анализ некорректен и ведёт к ложным выводам.** При этом стремление авторов статей снизить степень категоричности своего высказывания нередко подвергается критике рецензента: *Вы часто используете «как нам кажется», «нам представляется». Приведите в соответствии с научным стилем! Как говорится, когда кажется, сами знаете, что делать надо.* «В результате автор статьи получает обязательные к выполнению предписания, ему не представляется выбор как стратегия смягчения воздействия» [13, с. 44].

Высокая степень категоричности, которая, на наш взгляд, не является допустимой для данного жанра, выражается ещё и в завышенных требованиях анонимных рецензентов к глубине проработки научной проблемы: *В статье рассматривается актуальная, но не новая проблема <...>. Этот вопрос уже был подробно освещён во многих работах, в том числе специально – в диссертации <...>, причём более подробно; Громкий объём проанализированного материала в тексте не виден, потому что приведённых примеров не так много.* По мнению рецензентов, степень глубины исследования проблемы и количество анализируемых примеров в научной статье и диссертации должны быть примерно одного уровня.

Итак, случаи несоблюдения языковых и этических норм являются типичными нарушениями экологии научной речи. Такие нарушения далеко не всегда возникают из-за недостаточно высокого уровня коммуникативной компетентности адресанта. Они могут быть вызваны и экстралингвистическими причинами: информационными перегрузками, «клиповым» мышлением и «точечным» вниманием говорящего или пишущего.

Возникновение рисков в научной коммуникации связано, конечно, не только с речевыми ошибками и стилистическими погрешностями. Её эффективность снижают использование специальной лексики, не являющейся общепринятой в данной сфере общения, обилие иноязычных слов и выражений (особенно – новых англицизмов), а также употребление синонимичных или вариативных терминов. Кроме того, рискогенность научной речи связана с изменением традиционных и появлением новых её жанров.

Список литературы

1. Кожина М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стер. М. : Флинта ; Наука, 2011. С. 242–248.
2. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2015. 188 с.
3. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : ИЦ «Наука», 2019. 236 с.
4. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. 256 с.
5. Сквородников А. П. Экология русского языка. Красноярск : Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2016. 388 с.
6. Современная русская устная научная речь : в 4 т. Т. 2. Синтаксические особенности / под ред. О. А. Лаптевой. М. : НТЦ «Консерватория», 1994. 416 с.
7. Котурова М. П. Речевые погрешности в научном тексте. Только ли результат небрежности? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 117–121.
8. Шмелёва Т. В. Анахронизм как погрешность и как стилистический прием // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 146–159.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1174 с.
10. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. М. Морковкина. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 1456 с. (Словари XXI века).
11. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. М. : Норинт, 2008. 1536 с.
12. Ларина Т. В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 38–57. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57>
13. Ларина Т. В. Эмоции и вежливость в стиле анонимной научной рецензии // Актуальные проблемы стилистики. 2019. № 5. С. 40–46.

Поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 30.11.2022

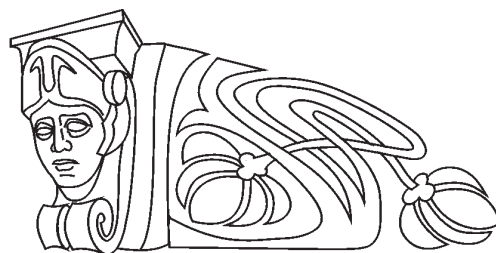

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 11–16
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 11–16
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-11-16>, EDN: HGWJYK

Научная статья
УДК 811.161.1' 27' 42

Повседневное деловое общение: коммерческий чат, его специфика и роль в организации быта горожан

А. Н. Байкулова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Аннотация. Статья посвящена исследованию повседневного виртуального делового общения. Цифровая эпоха оказывает огромное влияние на человека, существенно изменяя его быт: социальная жизнь общества всё больше погружается в виртуальное пространство. Материал исследования – интернет-коммуникация, групповое общение горожан, жителей Саратова, в одном из коммерческих чатов: речь продавцов женской одежды и покупателей. Цель исследования – показать развитие жанра чата, его функционирование в деловой коммуникации. В работе использовался метод включённого наблюдения и методики дискурсивного анализа. Специфика чата проявилась в устойчивой тематике общения (не происходит смены тем), которая отражает одну из важных коммуникативных практик в повседневной жизни людей, связанную с покупкой / продажей товара. Деловая сфера накладывает отпечаток на выбор типа общения: реализуется общение смешанного типа (полуофициальное). Доминантная коммуникативная стратегия – стратегия кооперативного речевого взаимодействия, включающая тактики вежливости (тактика, репрезентирующая инициальный и финальный контакт, тактика выражения благодарности, тактика комплимента и др.). Формируется культура делового общения в виртуальной коммуникации, основанная на принципе взаимного уважения. Исследованы языковые особенности чата: в речи коммуникантов актуализируется преимущественно лексика тематической группы «Одежда и головные уборы»: *блузка, водолазка, джинсы, джемпер, капор* и др., встречается иноязычная лексика, относящаяся к миру моды, которая ещё не закрепились в русском языке (*джеггинсы, снуд, скинни, момы* и др.). Сигналами разговорности в чате являются диминутивы (*кофточка, юбочка, новиночка*), коммуникативы (например, начальное *А* в вопросительных конструкциях); проявления официально-делового стиля в сфере торговли – профессиональные речевые стереотипы: *есть в наличии, новое поступление* и др. Обращено внимание на использование эмодзи: их набор ограничен и специфичен для различных чатов. Общение в чате можно определить как эффективную коммуникацию, способствующую улучшению быта горожан.

Ключевые слова: русский язык, интернет-коммуникация, сфера торговли, деловое общение, речевые жанры, стратегии и тактики, чат, культура речи

Для цитирования: Байкулова А. Н. Повседневное деловое общение: коммерческий чат, его специфика и роль в организации быта горожан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 11–16. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-11-16>, EDN: HGWJYK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Everyday business communication: A commercial chat, its specific features and role in organizing the life of citizens

A. N. Baikulova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Abstract. The article deals with the study of everyday virtual business communication. The digital age has a huge impact on individuals, significantly changing their lives, and the life of society is increasingly immersed in the virtual space. The material of the study is Internet communication, specifically group communication of citizens, residents of Saratov, in one of the commercial chats: the speech of women's clothing sellers and buyers. The purpose of the study is to show the development of the chat genre and its functioning in business communication. The methods applied are those of participant observation and of discursive analysis. The specific features of the chat were manifested in a steadily followed topic of communication (no changes of topic occur). This reflects one of the important communication practices in people's daily lives – the one related to the purchase / sale of goods. The business sphere leaves its mark on the choice of the type of communication: a mixed type of communication (semi-official) is being implemented. The dominant communicative strategy is the strategy of cooperative speech interaction, including courtesy tactics (tactics representing initial and final contact, gratitude expression tactics, compliment tactics, etc.). These developments represent the process whereby a culture of virtual business communication based on the principle of mutual respect is being formed. The article also studies

linguistic features of the chat. In the speech of the communicants, the vocabulary of the thematic group "Clothes and hats" is mainly used: *blouse, turtleneck, jeans, jumper, bonnet*, etc. Another word group constitutes foreign vocabulary related to the world of fashion which has not yet been fixed in the Russian language (*jeggings, snood, skinny, moms*, etc.). Conversational signals used in the chat include diminutives (*blouse, skirt, novelty*), communicatives (for example, the conjunction *A* used in the initial position in interrogative constructions). The chat contains manifestations of the official business style in the field of trade – professional speech stereotypes: *available, new arrival*, etc. Attention is drawn to the use of emoticons: their set is limited and chat-specific. Chat communication can be defined as effective communication that improves the life of citizens.

Keywords: Russian language, Internet communication, trade, business communication, speech genres, strategies and tactics, chat, culture of speech

For citation: Baikulova A. N. Everyday business communication: A commercial chat, its specific features and role in organizing the life of citizens. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 11–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-11-16>, EDN: HGWJYK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процесс развития информационных технологий становится переломным во многих сферах человеческой деятельности (см.: [1, 2]), в том числе и в повседневной. Фактически с самого детства происходит вовлечение человека в виртуальное пространство Интернета, и зависимость от него очень быстро нарастает (см.: [3]). Формируется «человек медийный», не представляющий жизнь без современных телефонов, телевизоров, компьютеров и других устройств: доступные для большинства граждан многофункциональные смартфоны экономят время, позволяют в упрощённой форме получать информацию и обмениваться ею, организовывать для удовлетворения разных потребностей виртуальные сообщества или участвовать в них. Е. Л. Варганова считает, что «процесс медиатизации, который связан с производством, хранением, переработкой и потреблением информации, становится одним из основополагающих в личном и социальном опыте»: «социальное, индивидуальное бытование фактически реализуется в информационных и коммуникационных процессах» [4].

Пространство Интернета охватило все жизненные сферы. Интернет-пользователи, попадая в него, не только усваивают новые принципы общения, овладевают новыми жанрами электронного общения, но и подчас сами становятся творцами вариантов жанровых форм в развивающихся коммуникативных практиках. Бранко Тошович считает очень важным для стилистики изучать способы выражения интернет-пользователей, которые «создают такой интересный и разнообразный материал, что можно выделить особую часть сетевой стилистики – стилистику интернетян» [5, с. 41].

Цифровизация породила абсолютно новую форму языка – «устно-письменную» разновидность речи с присущими ей особенностями (см.: [1, 5–14] и др.).

В центре нашего внимания бытовая сфера современного горожанина, которая испытывает в настоящее время интенсивное техническое переоснащение. Это существенным образом изменило социальную и личную жизнь человека: интернет-коммуникация становится одной

из форм социальной коммуникации, тогда как социальная коммуникация стремительно перемещается в виртуальную плоскость (см.: [15]).

Наша цель – рассмотреть на конкретном примере специфику одного из основных жанров интернет-коммуникации – жанра чата, функционирующего в бытовой сфере и отражающего повседневное деловое общение горожан. Материал исследования собирался на протяжении 2021–2022 гг. В работе использовались современный описательный метод, методики дискурсивного анализа, а также метод включённого наблюдения.

Слово «чат» (от англ. *chat* – разговор, беседа) уже вошло в современные словари вместе с его словообразовательными дериватами *чатиться, чатланин, чатовый* (в научных работах встречается *чаттеры*) и толкуется как «обмен сообщениями между пользователями через информационную сеть в режиме реального времени» [16, с. 1056–1066]. Этот коммуникативный интернет-жанр содержит неподготовленные, спонтанные тексты, в которых появляются языковые / речевые новации [17, с. 293], очевидно, поэтому чаты привлекают внимание лингвистов (см.: [6, 11, 18–20] и др.). Во многих работах чат рассматривается, прежде всего, как жанр интернет-коммуникации, в котором участники удовлетворяют свои потребности в общении, проводят досуг в обсуждении разных тем; выявляется специфика жанра в сопоставлении с другими жанрами, изучаются стратегии и тактики коммуникантов. Но жанр чата активно развивается: он стал пригоден не только для фатического общения, но и для решения коммерческих проблем, появились бизнес-чаты крупных компаний и чаты отдельных предпринимателей, объединяющие большие и малые социальные группы.

В центре нашего внимания чат как жанр повседневного делового виртуального общения. Под деловой коммуникацией мы, вслед за М. В. Колтуновой, понимаем «взаимодействие коммуникатора и его адресата для информирования, волеизъявления в целях достижения внекоммуникативных и коммуникативных результатов» в сфере деловых (коммерческих, служебных) отношений [21, с. 11–12].

В повседневном деловом общении горожан этот жанр используется представителями разных социальных групп: жильцами многоквартирных домов и даже жителями отдельного подъезда, родителями и учителями, предпринимателями и др. И в каждом из чатов можно наблюдать реалии современной городской жизни, процесс изменения менталитета людей, особенности в использовании языка. Так, например, в чате жильцов многоквартирного дома происходит социализация соседей для решения бытовых проблем, идентификация себя как собственников (в дискурсе чата об этом свидетельствуют маркеры категории «свой – чужой»: *мы – они, заезжие, наши – не наши* и т.п.), формируется менталитет ответственного хозяина, развивается самоуправление (участник чата) *Будем обсуждать и обрабатывать внимание на все мелочи и будет самый клёвый и дружный дом на всём белом Солнечном (район Саратова); преодолевается состояние социальной апатии: Набираемся оптимизма! Сделаю что смогу!*; возникает инициатива: *можно посмотреть и перенять опыт. Для этого у нас всё есть – двор, ворота, площадка.*

Для сопоставления представим ряд фрагментов общения в разных чатах жителей Саратова (на платформе мессенджера «Viber»).

Чат «Стиль на Ч... 2» (Ч... – изменённое название улицы, 2 – номер дома) объединяет 1626 участников – продавцов и покупателей магазина одежды (орфография и пунктуация в текстах чатов здесь и далее сохранены; ники интернет-пользователей частично изменены): Наташа (продавец): (фотография костюма) *Костюм флисовый* 🔥 🔥 🔥 (эмодзи «огонь») *Размер 44–46 Цена 3600* 💣 💣 💣 (эмодзи «бомба»);

Юля (участник группы, покупатель): *Отложите пожалуйста! Добрый вечер! Не успеваю к вам сегодня доехать с работы ((оставьте пожалуйста до завтра. Завтра обязательно приеду! – Наташа: Добрый вечер, оставим;*

продавец (фотография платья) *В наличии платье* 🎉 (эмодзи «праздник») *Размер 44, 48 Цена 1800* 🔥 ; *Юбочка карандаш В синем цвете Размер 42-48 Цена 1600* 🔥 🔥 🔥.

Чат «Доставка продуктов» (513 участников – продавец и заказчики продуктов, покупатели):

продавец: (фотография продукта) *Акция от производителя! Масло Вкусноеево 82.5% 200 гр - 160 руб (в наличии 4 шт) 400 гр - 314 руб (в наличии 6 шт);*

продавец: *Друзья, суммы напишу в 20:00-20-10. Напоминаю, с сегодняшнего дня оплата доступна по терминалу.*

заказчик продуктов: *Казакова 1 кг.*

заказчик продуктов: *Леночка, на четверг 1 кг, пожалуйста. И если чисто свиной фарш будет, то тоже 1 кг.*

Чат «ЖК Ч... 2» (Ч... – название улицы, 2 – номер дома) объединяет 201 участника – членов правления ТСЖ и жильцов многоквартирного дома:

Андрей: *На крыше 9 подъезда мотыляется железный конёк скоро может оторваться.*

Людмила: *Это что после кап ремонта?*

Маша: *парапеты мы не делали все посмотрим.*

Родительский чат «5Т2Родители» (38 участников – родителей учеников 5 технологического класса 2):

Дарья: *Добрый вечер. Уважаемые родители, хотелось бы поднять 2 вопроса по поводу дня рождения:*

1. *Будем ли что-то дарить детям*

2. *Будем ли носить угощения для класса*

Юлия: *в прошлом году нельзя было носить угощения.*

В названиях сайтов прямо («Доставка продуктов») или косвенно («Стиль на Ч... 2»; «ЖК Ч... 2») обнаруживается их предназначение. В каждом из этих чатов отражаются новые реалии жизни горожан: возможность, не выходя из дома, получить услугу по доставке продуктов, вступить в общение с продавцом, родителями, соседями. Всё это говорит о том, что в повседневной сфере развивается деловая интернет-коммуникация: реализуются разные коммуникативные практики, связанные с коммерческой деятельностью, с решением насущных хозяйственных проблем, проблем обучения и воспитания детей и др.

Как показывают наблюдения, в чатах актуализируется общение смешанного типа (полуофициальное) (о смешанном типе общения см.: [22]), что отличает их от чатов фатической направленности, где распространена неофициальная коммуникация. В текстах каждого из исследованных нами чатов наблюдаются специфические языковые и стилистические особенности, происходит отбор наиболее эффективных, удобных для обмена информацией языковых средств, складываются особые коммуникативные нормы. К сожалению, объем статьи не позволяет показать результаты наблюдений за общением в каждом из чатов (наблюдения за родительскими чатами представлены в [23]), поэтому мы представим анализ одного из них – «Стиль на Ч...2».

Организатор этого чата (по всей вероятности, частный предприниматель, владелец магазина одежды) преследует коммерческую цель: увеличение роста продаж за счёт привлечения клиентов, побуждения их к посещению магазина, который находится в Саратове по указанному в названии адресу. Для этого создана группа постоянных покупателей. Продавцы-консультанты подключают к чату тех, кто осуществляет покупки и желает получить информацию о товаре. Потенциальные покупатели (поскольку в магазине

продаётся только женская одежда, покупатели – представительницы женского пола) регулярно информируются о новых поступлениях одежды, которая рекламируется с помощью фотографий и краткого описания (фасон, цвет, размер, цена изделия). Развивается и диалоговое общение: консультанты отвечают на просьбы чаттеров сообщить дополнительные сведения об интересующих моделях одежды или отложить товар.

В чате фиксируется дата и время общения, что позволило определить временные рамки активности группы в течение дня. Случайная выборка постов за 10 дней показала, что самое раннее время вступления в контакт – 8.35, а самое позднее – 22.37, это время не совпадает с временем работы магазина – с 10.00 до 20.00, т. е. общение выходит за рамки рабочего времени продавцов. Количество постов в разные дни неодинаково: варьируется от 5 до 61. Среднее количество постов – 18–19 в день. Таким образом, 1626 участников чата вовлечены в ежедневное виртуальное деловое общение.

Общение в чате носит статусно-ориентированный характер: продавец → потенциальный покупатель (посетитель магазина) → продавец. Реализуются следующие коммуникативные схемы: один (но представляют магазин в чате три продавца-консультанта) → многим; многие → одному; один → одному (запрос покупателя – ответ продавца, интеракция видна всем). Между собой покупатели не общаются. Для диалогового взаимодействия характерна тематическая закреплённость – продажа / покупка одежды.

Коммерческим целям чата соответствуют коммуникативные стратегии и тактики продавцов. Доминирует кооперативная стратегия, которая задаёт модель эффективного речевого общения – не только результативного, но и поддерживающего баланс отношений коммуникантов. Продавцы проявляют клиентоориентированность – внимание к вопросам и просьбам покупателей, умение выявлять потребности, а также удовлетворять их с максимальной пользой. Цель покупателей – удовлетворение собственных запросов, связанных с приобретением товара.

В рамках этой стратегии можно выделить тактики вежливости: в текстах часто используются приветствия, прощания, благодарности, приглашения, комплименты; графические средства придают общению позитивную тональность. Обычно потенциальные покупатели начинают свой пост с этикетных формул *Добрый день (вечер)!*, *Доброе утро* (смайл «солнце»), *Здравствуйте!* При этом обычно используются скобки как символ улыбки: *Здравствуйте) такое платье есть в наличии? размер 42. – Здравствуйте) У них один размер) на 42 подойдёт*). Далее излагается

просьба или звучит запрос информации, которые также сопровождаются формулами вежливости: *Будьте добры! Отложите мне пожалуйста...; Добрый день!, скажите пожалуйста а есть ли у Вас платье? Так сказать праздничные.*

За полученный ответ покупатели благодарят продавцов, включают в свой текст добрые пожелания и комплименты: *Спасибо!*; *Благодарю (эмотикон); Огромнейшее вам спасибо)) Хорошего вечера))*; *Очень добрые внимательные и приятные девушки работают на Ч... 2 (эмотикон).* *Спасибо (эмотикон); Хочу выразить слова благодарности продавцам-консультантам. Вы супер!!! (открытка с надписью «Спасибо Вам за работу»).* Возможна тактика выражения оценки: (покупатель о товаре, сопутствующем одежде): *Отличный рюкзак, на вид маленький, но очень вместительный!* Оценка выражается и посредством эмотиконов: *Сумка-рюкзак (сочетание «смайлов»: «поднятый большой палец», «огонь»).* Положительная оценка работы продавцов и качества товара способствует формированию положительного имиджа магазина, продвижению брендов одежды и увеличению продаж. Из этого следует, что посетители чата невольно становятся участниками коммерческой деятельности его организаторов.

Иногда посты покупателей содержат личную информацию, что приближает деловое общение к межличностному, снижает степень официальности: *Будьте добры, отложите мне пожалуйста, эту шапочку, такого цвета до завтра)))) Я завтра к вам приду, сегодня на сутках (Заранее спасибо))*). О неформальном характере такого общения свидетельствуют и обращения. Покупатели иногда называют продавцов девочками: *Девочки, отложите пожалуйста...*, а продавцы, в свою очередь, ласковыми именами, ориентируясь на ники: *Наташенька, Танечка* и т.п.

Таким образом в виртуальной среде формируется культура делового общения, закрепляется привычка вежливого речевого взаимодействия, которая может переходить и на ситуации реальной коммуникации.

Языковые особенности чата. Доминантной тематической группой лексических единиц в нём является группа «Одежда и головные уборы», поэтому актуализируется лексика с семантикой «названия одежды и головных уборов»: *блузка, водолазка, джинсы, джемпер, капор, куртка, платье, плац, пуховик, пояс, сарафан, свитер, шорты* и др. В этой группе встречаются лексемы, называющие только (или преимущественно) женскую одежду: *блузка, платье, сарафан, капор*. Современная индустрия моды способствует распространению новых слов иностранного происхождения, которые ещё не закрепились в русском

языке, например *джегинсы* – разновидность женских брюк, *снуд* – шарф в виде кольца, связанный / сшитый по кругу, *скинни*, *момы* – джинсы определённого фасона, *шуба тедди* – шуба из плюша, напоминающего натуральный мех, и др.

В дискурсе чата проявляется разговорность: часто коммуниканты используют диминутивы: *шапочка*, *костюмчик*, *кофточка*, *шубка*, *юбочка*, *кепочка*, *новиночка* (новая вещь в магазине). Такая лексика – средство «смягчения» речи, она придаёт общению доброжелательную тональность.

Широко используются лексемы, обозначающие фасон изделий: (брюки) *клёш*, *трубы*, *на молнии*, *на пуговицах*, *на замке*, *на резинке*, *с молнией на шее*, *водолазка-лапша*, *кофта-лодочка*, *брюки-карго* (мешковатые брюки свободного кроя). Для покупателя важны материал изделия и его цвет, поэтому в активном употреблении участников чата слова, обозначающие материал: *флис* (флисовый), *кожа* (кожаны́й), *экокожа*, *синтепон*, *ангорка* / *из ангорки* (ангора) и другие, и прилагательные цвета: (кофточка) *белая*, *голубая*, *чёрная*, *темно-серая*, *хаки*, *лавандового цвета* и т.п. Размер и цена изделий обычно указывается цифрами (иногда размер обозначается латинскими буквами): *У вас есть кофты 58 размера?; Размер 42-48; размер s; Цена 1500.*

Многие выражения, которые используют продавцы, характерны для делового стиля в сфере торговли. На первое место в таких словосочетаниях ставится существительное, а затем употребляются определения, среди которых много несогласованных, например, *кофточка в разных расцветках*, *штаны спорт* (сокращение от *спортивные*) *утеплённые*, *джинсы клёш от колена утеплённые*, *размер единый* (т. е. вещь безразмерная), *рубашка шёлк в одном цвете*. Это могут быть номенклатурные номинации изделий, но, как правило, трансформированные по образцу номенклатурных: *кофточка всеми любимая*, *кофточка в одном экземплярике*. Характерны стереотипы, присущие деловому общению в сфере торговли: *есть в наличии*, *новое поступление*, *куртки осень или зима*; *большой выбор* (*носочков*, *кофточек* и т.п.); *сделаем обмен или возврат* и т.п.

Вопросы покупательниц тоже стереотипны, носят разговорный характер, отражая устную речь (начальное А, свободный порядок слов): *У вас есть (в наличии) ... ?; А цвета можно?; А сколько такие курточки стоят? Платья есть у вас 50 размера?; А Какая цена и размер?; Вы сегодня работаете?* Вопросительная конструкция может быть сокращена до одного слова: *Цена?; Размер?*

Информационная стратегия в речи продавцов реализуется не только в сообщениях о

новинках, их расцветках, фасоне и цене, но и в структурной организации текста: демонстратив (фотография самого изделия или девушки-модели, его рекламирующей), указание расцветки, размера и цены. Например:

(фотография) <i>Платье новинка *** В разных расцветках Размер 42-48 Цена 1500 (смайл – 3 искры)</i>	(фотография) <i>Снова в наличии водолазки лапша в разных расцветках ●●● Размер S-M L-XL Цена 1200 (смайл – три бомбы)</i>
--	--

Чёткая структура расположения предположений в тексте, очевидно, способствует его лучшему восприятию, знаки препинания часто опускаются. Типичны используемые «смайлы»: «бомба», «огонь», «взрыв», утром – «солнце», реже – «улыбающаяся кошачья мордочка с глазами-сердечками». Они выполняют эмотивную функцию (создают настроение) и функцию воздействия, привлечения внимания.

Деловой характер общения ограничивает применение в речи коммуникантов языковой игры, её фактически нет. Набор «смайлов» уникален для каждого из чатов. Например, в чате «Доставка продуктов» обычно эмодзи не используются, но иногда встречаются «смайлы» «пирожное», «аплодисменты», «танцующая женщина». Таким образом, чат становится узнаваемым, формируется его стиль.

Итак, мы рассмотрели специфику одного из коммерческих чатов, в котором участвуют жители Саратова. Состав коммуникантов – 1626 человек – выводит его за рамки малой социальной группы и является показателем востребованности чата. Поскольку чат – жанр интернет-коммуникации, в нём проявляются особенности этой «новой речевой формации» [24]. Однако сфера делового повседневного общения влияет на тематику диалогового взаимодействия в чате: она чётко задана и регулярно воспроизводится, в отличие от чата в неформальном общении, где тематика не ограничена и не имеет строгой закреплённости за ситуацией. Деловой характер общения определяет цели коммуникантов: коммерческие – у продавцов-консультантов и бытовые (удовлетворение потребности в информации и приобретении товара) – у остальных участников общения (потенциальных покупателей). Наиболее отчётливо в чате проявились кооперативная стратегия и тактики обоюдной вежливости коммуникантов. Языковые особенности наблюдаются в использовании лексики тематической группы, актуальной для данной коммуникативной практики. Смешанный тип общения (проявления официальности и не-официальности) порождает, с одной стороны,

использование в речи шаблонов официально-делового стиля речи, а с другой – разговорных единиц. Чату свойственна специфическая организация текста, способствующая эффективности общения. Формируется культура делового общения в виртуальной среде.

Подобного рода чаты позволяют горожанам экономить время, эффективно решать бытовые проблемы, упрощают способы получения информации, а в целом способствуют комфортному повседневному существованию. Создатели чата имеют коммерческую выгоду. Однако, учитывая то, что современный человек вовлечён в разные интернет-сообщества и ему приходится постоянно реагировать на поступающие сообщения, возможен негативный эффект от такого общения.

Список литературы

1. Лутовинова О. В. Языковая личность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. 2-е изд., стер. М. : Флинта ; Наука, 2014. С. 124–138.
2. Маринова Е. В. Понятийная область «информация, её качества и их оценка»: особенности вербализации в речи интернет-пользователей // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург : Изд. дом «Ажур», 2019. С. 141–142.
3. Давлетшина М. И. Медиапрактики современных детей младшего школьного возраста // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 5. С. 3–26. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.326>
4. Абаев М., Ежихина М. «Человек медийный» – новая ступень эволюции или приложение к гаджету? URL: <https://www.nkj.ru/open/27523/> (дата обращения: 13.08.2022).
5. Тошович Б. Интернет-стилистика. 4-е изд., стер. М. : Флинта, 2018. 238 с.
6. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55–67.
7. Галичкина Е. Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. 2-е изд., стер. М. : Флинта ; Наука, 2014. С. 53–71.
8. Ефремов В. А. Русский язык в Интернете // Октябрь. 2013. № 5. С. 71–76. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/5/russkij-yazyk-v-internete.html> (дата обращения: 13.08.2022).
9. Компанцева Л. Ф. Специфика нормы и узуса в интернет-дискурсе // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету. Сер. Філологічні науки. 2004. С. 31–55.
10. Кузнецова Н. В. Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 25 с.
11. Рыжков М. С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 25 с.
12. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. 2-е изд., испр. и доп. М. : РУДН, 2009. 436 с.
13. Шкапенко П. В. Специфика реализации прагматико-лингвистических принципов в интернет-дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 26 с.
14. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа. М. : Красанд, 2010. 294 с.
15. Бондаренко Т. А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 326 с.
16. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. М. : Эксмо, 2006. 1136 с.
17. Штукарева Е. Б. Языковая специфика интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовиновой. 2-е изд., стер. М. : Флинта ; Наука, 2014. С. 291–302.
18. Овчарова К. В. Компьютерные чаты в интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 32 с.
19. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Перемена, 2009. 476 с.
20. Кубракова Н. А. Коммуникативный гедонизм в жанре чат интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 19 с.
21. Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М. : Академия гуманитарных исследований, 2005. 228 с.
22. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. 216 с.
23. Байкулова А. Н. Групповое общение в мессенджерах и его роль в жизни современной семьи // Языковое сознание. Речевая коммуникация : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова. Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 220–231.
24. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. 2-е изд., стер. М. : Флинта ; Наука, 2014. 328 с.

Поступила в редакцию 03.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 03.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 30.11.2022

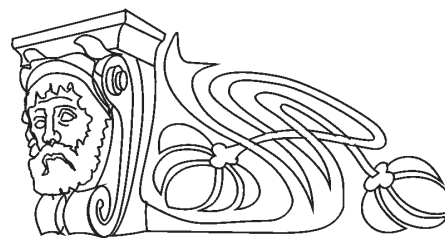

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 17–22
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 17–22
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-17-22>, EDN: HNBVIM

Научная статья
УДК 811.111'373.46:339.543

Межотраслевой характер терминологии таможенной деятельности (на материале английского языка)

Ю. А. Липина

Омский государственный технический университет, Россия, 644050, г. Омск, пр-т Мира, д. 11

Липина Юлия Алексеевна, преподаватель кафедры «Иностранные языки», julia.omsk@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3990-8430>

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования терминосистемы как совокупности терминов профессионального знания на примере сферы английской таможенной деятельности. Ключевую роль в формировании профессионального языка играет терминологическая лексика данной области знания. Проблемы систематизации и классификации лексических единиц можно решить разными способами: во-первых, рассмотреть состав таможенного словаря как единую, цельную структуру, включающую в себя отдельные компоненты – тематические группы слов; во-вторых, проанализировать тесную взаимосвязь таможенных понятий с другими профессиональными сферами деятельности. Исследование проводится на материале англоязычных законодательных актов, в том числе таможенных, периодических изданий, словарных статей и др. Вариант структуры таможенной терминосистемы, предложенный автором, включает шесть объемных семантико-тематических групп: таможенный менеджмент, таможенные процедуры, таможенная номенклатура, таможенные платежи и сборы, таможенная статистика, таможенный контроль. Каждая группа содержит перечень таможенных понятий, которые, в свою очередь, связаны не только между собой, но и с остальными группами. Это подтверждает тот факт, что терминосистема таможенной деятельности функционирует как целостный механизм. На развитие и формирование терминосистемы таможенной деятельности большое влияние оказывают также терминосистемы смежных с таможенной сфер. Представляется возможным проследить взаимосвязь терминосистем таможенной деятельности и законодательной отрасли, уголовного права, международной деятельности, административного права, сферы IT-технологий, транспортной логистики, делопроизводства, экономики, внешней торговли, медицины и многих других отраслей, что еще раз подтверждает межотраслевой характер рассматриваемой области знания.

Ключевые слова: термин, терминосистема, таможенная деятельность, право, межотраслевой характер

Для цитирования: Липина Ю. А. Межотраслевой характер терминологии таможенной деятельности (на материале английского языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 17–22. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-17-22>, EDN: HNBVIM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The interdisciplinary nature of customs activities terminology (On the English language material)

Yu. A. Lipina

Omsk State Technical University, 11 Mira Ave., Omsk 644050, Russia

Yulia A. Lipina, julia.omsk@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3990-8430>

Abstract. This article deals with the issues of the terminological system formation as a set of professional knowledge terms on the example of English customs activities. The terminology of this field of knowledge plays a key role in the formation of a professional language. It is possible to use different approaches in the study of the problems of systematization and classification of lexical units. Firstly, the composition of the customs dictionary should be considered as a unique, integral structure, including separate components – thematic groups of terms. Secondly, the close relationship of customs concepts with other professional fields should be analyzed. The study is conducted on the English legislative acts material, including customs, periodicals, dictionary entries, etc. The variant of the customs term system structure proposed by the author of the article includes six comprehensive semantic and thematic groups: customs management, customs procedures, customs nomenclature, customs duties and taxes, customs statistics, customs control. Each group contains a list of customs concepts, which, in turn, are related not only to each other, but also to other groups. This confirms the fact that the term system of customs activities functions as an integral mechanism. On the other hand, the development and formation of the term system of customs activity is greatly influenced by the term systems of spheres related to that of customs. It seems possible to trace the relationship between the terminological systems of customs activity and the legislative branch, criminal law, international law, administrative law, IT-technology, transport logistics, office management, economics, foreign trade, medicine and many other spheres, which once again confirms the interdisciplinary nature of the field of knowledge under consideration.

Keywords: term, term system, customs activity, law, interdisciplinary nature

For citation: Lipina Yu. A. The interdisciplinary nature of customs activities terminology (On the English language material). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 17–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-17-22>, EDN: HNBVIM
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Любая профессиональная сфера взаимодействия предполагает обмен информацией между участниками коммуникации, речемыслительная деятельность которых реализуется в тексте. Таможенная деятельность (далее – ТД) не является исключением и представляет собой область профессионального общения, где хотя бы один из коммуникантов выступает специалистом определенной сферы деятельности, так или иначе связанной с ТД. Важная роль в этом случае отводится вопросам лексики, используемой при данных обстоятельствах.

Акт профессиональной коммуникации совершается с использованием специальных лексических единиц (далее – ЛЕ) – терминов, которые участвуют в формировании специального языка. В данном исследовании, вслед за Н. М. Шанским, не будет проводиться разграничений между терминами и профессионализмами, которые действуют как «специальные термины», обозначая специальные понятия, орудия и продукты труда, производственные процессы, и принадлежат «речи определенного говорящего коллектива, объединенного какой-либо производственной деятельностью, специальностью или профессией» [1, с. 79], и которые предназначены «для удовлетворения специфических нужд общения в сфере определенных профессий» [2, с. 3]. Под термином понимается слово / словосочетание, которое соотносится со специальным предметом / явлением / понятием в системе профессионального знания. О. С. Ахманова пишет, что «совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания» образует «особый пласт лексики, поддающийся регулированию и упорядочению» [3, с. 474]. Сознательно формируемое сообщество терминов образует терминосистему, «систему понятий определенной теории» [4, с. 101], «упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями» [5, с. 15].

Что касается терминологии сферы таможенной деятельности, то она может быть классифицирована и систематизирована по различным аспектам. В терминологической теории встречаются разные типы классификаций ЛЕ: структурная, функциональная, тематическая, онтологическая и другие, но ни одну из них нельзя принять за базовую. В то же время проводить анализ и описание терминологической системы не представляется возможным без

установления иерархии исследуемых понятий и отношений между ними. Вследствие того, что классификации подвергаются именно специальные понятия, а не обозначающие их термины, иерархию понятий можно рассматривать как модель терминосистемы.

Терминосистему ТД можно рассмотреть:

1) как экспериментально смоделированную структуру, представляющую собой самостоятельное, цельное предметно-тематическое образование;

2) как форму устройства, которая учитывает наличие общих для некоторых сфер деятельности межотраслевых областей и взаимосвязи смежных отраслей научного знания.

Следует уточнить, что выборка примеров к данному разделу исследовательской работы производилась из ряда таможенных законодательных актов на английском языке, научных статей таможенной тематики, англо-английских и англо-русских словарей и глоссариев, международных правил Инкотермс словарного формата [6–10].

В ходе экспериментальной попытки создания терминосистемы ТД были выделены следующие семантико-тематические группы, которые можно условно обозначить терминами, представляющими основные понятия: **customs management** – *таможенный менеджмент*, **customs procedures** – *таможенные процедуры*, **customs nomenclature** – *таможенная номенклатура*, **customs duties and taxes** – *таможенные платежи и сборы*, **customs statistics** – *таможенная статистика*, **customs control** – *таможенный контроль*.

Таможенный менеджмент (**customs management**) представляет собой специфический вид менеджмента в государственной службе, который связан с решением задач в сфере ТД путем воздействия через принятие решений и путем роста организованности таможенной системы [11]. Аспект управления деятельностью и развитием ТД в узком смысле является системой организаций, институтов, технологий, кадров и выражается в ряде следующих англоязычных терминов: **customs** – *таможня*, **internal customs post** – *внутренний таможенный пост*, **border customs office** – *пограничный таможенный пост*, **customs infrastructure** – *таможенная инфраструктура*, **Customs Union** – *Таможенный союз*, **Customs Law** – *таможенное законодательство*, **free trade area** – *зона свободной торговли*.

Таможенные процедуры (**customs procedures**) – это совокупность норм и правил мероприятий по таможенной очистке товаров, находящихся на таможенной территории [12]: *internal traffic* – *внутренние перевозки*, *drawback* – *возврат*, *temporary admission* – *временный ввоз*, *temporary storage of goods* – *временное хранение товаров*, *prohibitions of goods* – *запреты на товары*, *tariff description* – *описание тарифов*, *clearance* – *таможенная очистка*, *examination of goods* – *досмотр товаров*, *customs warehouse procedure* – *процедура таможенного склада*, *re-exportation* – *реэкспорт*, *customs transit* – *таможенный транзит*.

Для классификации товаров при декларировании их на таможенной границе используется таможенная номенклатура (**customs nomenclature**) – идентификатор, созданный для применения таможенными и другими государственными органами, участниками ВЭД, для обеспечения однозначной кодификации товаров, взимания таможенных пошлин, а также для упрощения автоматизированной обработки таможенных деклараций [13]: *tariff classification of goods* – *тарифная классификация товаров*, *quantitative quota* – *количественная квота*, *tariff nomenclature* – *тарифная номенклатура*, *codenumber* – *кодированный номер*, *origin of goods* – *происхождение товара*, *degree of processing of goods* – *степень обработки товара*.

Таможенные платежи и сборы (**customs duties and taxes**) представляют собой таможенные пошлины, взимаемые при перевозке товаров через государственную границу, государственные налоги с экспорта и импорта товаров: *ad-valorem duties and taxes* – *адвалорные пошлины и налоги*, *assessment of duties and taxes* – *оценка пошлин и налогов*, *relief of import duties and taxes* – *освобождение от ввозных пошлин и налогов*, *excise duty* – *акцизный сбор*, *customs value* – *таможенная стоимость* [14].

С целью полного и достоверного учета данных о внешней торговле ведется таможенная статистика (**customs statistics**) ВЭД: *customs statistics of foreign trade* – *таможенная статистика внешней торговли*, *statistical indicators* – *статистические показатели*, *primary forms of statistical reporting* – *первичные формы статистической отчетности*, *analysis of key trends, structure and dynamics of foreign trade flows* – *анализ ключевых тенденций, структуры и динамики внешнеторговых потоков*; *customs payments control* – *контроль таможенных платежей*, *forecasting of macroeconomic performances* – *прогнозирование макроэкономических показателей* [15].

Таможенный контроль (**customs control**) – это процесс досмотра, проверки и осмотра та-

моженными органами товаров, транспортных средств, почтовых отправлений и посылок в соответствии с законом страны: *administration settlement of a customs offence* – *административное урегулирование таможенного правонарушения*, *customs inspection of goods and vehicles* – *таможенный досмотр товаров и транспортных средств*, *personal inspection* – *личный досмотр*, *customs expertise* – *таможенная экспертиза*, *technical means of customs control* – *технические средства таможенного контроля*.

Каждая указанная выше семантико-тематическая группа по-своему структурирована и может включать более мелкие элементы, подгруппы. В целом все выявленные группы связаны между собой и во многом взаимообусловлены, так как, например, выполнение таможенных процедур предполагает применение действий таможенного контроля, исполнение обязательств по уплате таможенных платежей и др.

Данная классификация понятий и обозначающих их терминов и терминосочетаний представлена как единая терминологическая структура. Но поскольку исследуемая терминосистема ТД носит комплексный характер и не функционирует сама по себе, изолированно, ее можно рассмотреть во взаимодействии со смежными профессиональными сферами деятельности.

Отношения в сфере ТД можно разделить на группы, которые являются отличными друг от друга и регулируются нормами разных отраслей права: государственного (конституционного), административного, уголовного, гражданского, финансового, международного и др. [16]. И в любой из этих отраслей имеются свои цели и функции, обусловленные нормами данной сферы деятельности. ТД включает процесс перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу и все мероприятия, связанные с этим процессом и направленные на соблюдение порядка перемещения. Следовательно, одним из основных элементов ТД можно назвать таможенное право и правоотношения в области ТД, а за фундаментальные понятия терминосистемы ТД принимаются понятия сферы деятельности таможенного права.

Таможенное право нельзя отнести в чистом виде к одной из отраслей права и рассматривать его в рамках одного вида общественных отношений. Но и самостоятельной отраслью права, несмотря на наличие присущих только ему специфических черт (как то собственный предмет и метод регулирования, таможенное право) тоже считаться не может. Некоторые специалисты относят его к группе комплексных отраслей законодательства [17, 18]. Поэтому в правоотноше-

ниях ТД можно выделить признаки, присущие и правоотношениям других отраслей (общественный характер отношений, конкретные участники и отношения между ними, наличие волеизъявления, принудительная сила государства в случае правонарушений и их предотвращения и др.), а также специфические стороны, характерные для сферы ТД (относительная самостоятельность, наличие собственных органов власти, административно-правовой характер отношений).

Следовательно, можно допустить, что терминосистема ТД основывается на понятиях таможенного права, которые принадлежат данной области права (*customs authority – таможенный орган, customs broker – таможенный брокер, customs documents – таможенные документы, customs procedures – таможенные процедуры, customs control – таможенный контроль, goods and vehicles status – статус товаров и транспортных средств*; большая часть таких терминов являются составными и часто включают элемент *customs*).

Как было отмечено выше, правоотношения в ТД имеют межотраслевой характер и включают различные сферы права, нормами которых регулируются эти отношения. Также и терминосистема ТД включает межотраслевые понятия, выражаемые межотраслевыми терминами. Например, привлечение к уголовной ответственности лиц, причастных к совершению тяжких преступлений в сфере ТД, регулируется уголовным правом. Последствия для правонарушителей предполагаются разные: от административного штрафа до полной конфискации товара или заключения под стражу (*contraband – контрабанда, drug contraband – контрабанда наркотиков, contraband carrying on the body – перевозка контрабанды на теле, evasion of customs payments – уклонение от таможенных платежей, illegal technology export – незаконный экспорт технологий, currency crime – валютные преступления*).

Отношения по таможенным налогам и платежам, взимаемым при ввозе товаров в страну, осуществляются налоговыми органами, входящими в систему финансового права. Взаимодействие ТД с налоговой сферой прослеживается в обеспечении взимания таможенных платежей и специальных пошлин, контроля их начисления и осуществления уплаты, во внедрении механизмов отслеживания и контроля товаров и других совместных проверочных мероприятий (*accommodation – размещение, credit amount – сумма кредита, value appraisal – оценка стоимости, annual audit – ежегодный аудит, customs duty – таможенная пошлина, non-payment of the tax amount – неуплата суммы налога, taxation – налогообложение, tax base – налоговая база, bill – счет*).

В аспекте гражданского права ТД охватывает отношения, связанные с договорными обязательствами между частными лицами и отдельными субъектами ТД по провозу товаров, деятельностью таможенного представителя, услугами по хранению товаров на таможенных складах и т. д. Механизмы публично-правового и частноправового регулирования, как составляющие гражданского права, способствуют эффективной организации ТД (*temporary admission – временный ввоз, temporary storage of goods – временное хранение товаров, drawback procedure – процедура изъятия, customs clearing agent – агент по таможенному оформлению, legal person – юридическое лицо, private person – частное лицо, intellectual property protection – защита интеллектуальной собственности*).

Присутствие в ТД норм трудового права связано со службой в органах ТД. Хотя такие правоотношения происходят внутри организации, таможенная служба есть институт таможенного права, а сотрудники таможенных органов осуществляют функции ТД и находятся в трудовых правоотношениях. Правосубъектность сотрудников формируется в результате взаимодействия различных норм и правил о службе в таможенных органах, в этих нормах и правилах определяются различные особенности, которые позволяют заниматься данным видом деятельности: возраст, состояние здоровья, гражданство, уровень профессиональной подготовки и др. (*employment agreement – трудовой договор, customs employee – сотрудник таможни, material liability – материальная ответственность, labor legislation – трудовое законодательство, trade union – профсоюз, harmful working conditions – вредные условия труда, customs internal regulations – правила внутреннего распорядка*).

Весомая роль в механизме реализации правоотношений в сфере ТД принадлежит нормам и приемам административного права, подотраслью которого считается таможенное право (*inaccurate declaration of goods and transport vehicles – недостоверное декларирование товаров и транспортных средств, concealment of goods from the customs control service – сокрытие товаров от службы таможенного контроля, violation of the customs control zone regime – нарушение режима зоны таможенного контроля*).

Процедуры таможенного контроля и досмотра обычно проводятся с применением различных технических средств, поэтому имеет смысл упомянуть о вовлечении в терминосистему ТД технических терминов, которые образуют отдельную подгруппу (*stationary metal detector – стационарный металлоискатель, luminescent*

magnifier – люминесцентная лупа, technical videoscope – технический видеоскоп, fluorescent marker pen – флуоресцентный маркер, device for identification of vehicle unit numbers – устройство для идентификации номеров транспортных средств, spectrometer with semiconductor detector – спектрометр с полупроводниковым детектором).

Исследование сферы ТД позволяет выявить частое использование в ней химической терминологии. Таможенное декларирование химических товаров для различных нужд требует соблюдения всех условий, которые позволят предотвратить вероятность технологической или экологической катастрофы, а также ввоза на территорию государства запрещенных химических веществ, часто содержащих психотропные или наркотические компоненты (acetone – ацетон, meconic acid – меконовая кислота, amphetamine – амфетамин, belladonna – белладонна, benzylmorphine – бензилморфин, cannabinal – каннабинол, coca leaf – лист коки, metazocin – метазоцин, naphthalene – нафталин, oxymorphone – оксиморфон).

Очевидна тесная связь сферы ТД с деятельностью транспортной логистики, которая включает весь процесс организации, планирования, контроля и продвижения товарного потока (включая импорт, экспорт, внутренние и внешние перемещения) для полного удовлетворения требований потребителей (barrel – баррель, belt-freezer – ленточная морозильная камера, hazardous cargo – опасный груз, carriage – перевозка, tin-lined case – жестяной ящик, chartering – фрахтование, cistern – цистерна, route – маршрут, flat pallet – плоский поддон, returnable container – возвратный контейнер, consignee – грузополучатель, standard size load – стандартный размер груза).

Деятельность таможни обеспечивается обширной системой документации, которая зависит от различных факторов: компетенции таможенных органов и порядка, рассматриваемых ими вопросов, от объема и способа взаимодействия как самих таможенных органов, так и с другими организациями. Делопроизводство в сфере ТД связано с изданием различных правовых актов (приказов, распоряжений, положений, правил, инструкций) и других документов, соответствующих компетенции таможенных органов, а также с рядом требований к оформлению, обработке и исполнению соответствующих документов (bill of entry – накладная на въезд, bond – залог, surety bond – поручительство, act book – книга актов, phytosanitary certificate – фитосанитарный сертификат, bearer check – чек на предъявителя, pre-arrival advice

of clearance – предварительное уведомление о таможенном оформлении, barter agreement – бартерное соглашение).

Внешнеэкономическое развитие таможенного дела зависит от результативного управления ТД, в связи с этим задачей таможенных органов является создание целостной, эффективной и гибкой системы управления ТД. Такая система управления способствует внедрению международных стандартов в экономику страны, стабильности производства и привлечению иностранных инвестиций. Поэтому концепции и идеи общего менеджмента применяются во всех сферах внешнеэкономической деятельности, образуя самостоятельную область таможенного менеджмента, и затрагивают вопросы импорта и экспорта товаров и услуг, лизинга, операций по инвестированию и др. (administrative authority – административные полномочия, inventory management – управление запасами, organizational arrangement – организационное устройство, establishment of a customs regime for the movement of goods and vehicles – установление таможенного режима для перемещения товаров и транспортных средств, organizational and administrative management methods – организационные и административные методы управления).

Постоянный рост объемов внешней торговли и увеличение нагрузки на таможенные органы способствуют цифровизации и компьютеризации всех сфер ТД. С применением современных информационных технологий и средств программного обеспечения значительно ускоряются и упрощаются процессы таможенного оформления и контроля, повышения борьбы с таможенными правонарушениями, проведения информационно-аналитического обеспечения, кадровой подготовки, развития инфраструктуры таможенных органов. Следовательно, в терминосистеме ТД наблюдается использование терминов и терминосочетаний информационно-технологической направленности (electronic declaration form – форма электронного декларирования, electronic regulatory framework – электронная нормативно-правовая база, database – база данных, departmental integrated telecommunications network – ведомственная интегрированная телекоммуникационная сеть, customs post subscriber point – абонентский пункт таможенного поста, automated external access system – автоматизированная система внешнего доступа).

Деятельность таможни связана с выполнением большого количества задач экономического плана (развитие национальной экономики, защита экономических интересов государства, обеспечение экономической безопасности, регулирование внешнеэкономических связей

и др.), которые оцениваются экономическими показателями. Проникновение экономических терминов в терминосистему ТД очевидно (*foreign-trade deal – внешнеторговая сделка, competitive strength – конкурентоспособность, variable costs – переменные издержки, gross national product (GNP) – валовой национальный продукт (ВВП), The World Trade Organization (WTO) – Всемирная торговая организация (ВТО), planned economy – плановая экономика, demand and supply – спрос и предложение, commodity turnover – товарооборот, business process – бизнес-процесс*).

Таким образом, терминологическую составляющую профессиональной сферы ТД можно рассматривать с точки зрения ее целостности как единое образование, состоящее из нескольких емких семантических групп (таможенный менеджмент, таможенные процедуры, таможенная номенклатура и др.). С другой стороны, терминосистема ТД функционирует в тесной взаимосвязи со смежными ТД предметными областями (гражданское право, уголовное право, международное право и др.).

Каждое специализированное понятие терминосистемы ТД определенным образом взаимодействует с другими понятиями, и вместе они образуют профессиональную систему, структура которой оформляется по мере развития ТД в целом.

При классификации понятий сферы ТД, терминов, обозначающих эти понятия, и при формировании терминосистемы ТД представляется возможным выделить разнообразные специализированные группы. Следовательно, можно утверждать, что терминосистема ТД – это комплексное образование, которое возникает на границах различных научных дисциплин и сфер деятельности по запросу социума.

Список литературы

1. Шанский Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка : пособие для студентов-заочников фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. М. : Учпедгиз, 1957. 168 с.
2. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М. : Высшая школа, 1987. 104 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
4. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М. : Либроком, 2014. 264 с.
5. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
6. Entering UK. URL: <https://www.gov.uk/uk-border-control> (дата обращения: 01.06.2022).
7. Review articles in ECONOMY. URL: <https://www.researchgate.net/topic/Economy/publications> (дата обращения: 01.06.2022).
8. Графова Л. Л., Палей С. М. Англо-русский таможенный словарь. М. : [Б.и.], 2010. 784 с.
9. Trade Facilitation Terms: An English – Russian Glossary. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/Glossary%202011.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
10. Условия поставки Инкотермс в 2022 году. URL: <https://anvay.ru/incoterms-new> (дата обращения: 01.06.2022).
11. Ершов А. Д., Черных В. А. Таможенный менеджмент: модели и информационное обеспечение. М. : Изд-во Российской таможенной акад., 2009. 172 с.
12. Best Practices in Customs Procedures. URL: https://www.researchgate.net/publication/289545353_Best_Practices_in_Customs_Procedures (дата обращения: 01.06.2022).
13. The Combined Nomenclature | Taxation and Customs Union. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/business/calculation-customs-duties/customs-tariff/combined-nomenclature_en (дата обращения: 01.06.2022).
14. What is Customs Duty? // The Financial Express. URL: <https://www.financialexpress.com/what-is/customs-duty-meaning/1769174/> (дата обращения: 01.06.2022).
15. Methodology of Customs Statistics. URL: http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/metodologiya/Pages/default.aspx (дата обращения: 01.06.2022).
16. Козырин А. Н. Организационно-правовые основы таможенного регулирования в Таможенном союзе ЕврАзЭС // Реформы и право. 2012. № 1. С. 2–14.
17. Кислинская М. В. Место и роль таможенного права в системе российского права // Современное общество: проблемы, идеи, инновации. 2017. № 6. С. 82–85.
18. Матвиенко Г. В. Таможенный процесс в структуре права // Современное право. 2012. № 6. С. 31–35.

Поступила в редакцию 02.07.2022; одобрена после рецензирования 18.09.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 02.07.2022; approved after reviewing 18.09.2022; accepted for publication 30.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 23–28
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 23–28
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-23-28>, EDN: JTAQEU

Научная статья
УДК 811.11/.12'25'42

К вопросу о специфике юридического перевода (на материале немецкого, французского и испанского языков)

С. В. Кудряшова, М. Г. Калинина

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Кудряшова Софья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, sophiaku@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4260-0306>

Калинина Марина Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, mar1976.01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4930-0018>

Аннотация. Юридические термины не являются единообразными на международном уровне, но тесно связаны с соответствующей национальной правовой системой, что подразумевает серьезные концептуальные несоответствия. Эта системная связь приводит к тому, что границы значений терминов из разных юрисдикций или степень их экспликации могут сильно отличаться. Несмотря на некоторые сходства в правовых системах, прежде всего европейских стран, каждое государство имеет свои собственные правопорядок, понятийную и терминологическую систему, специфические правовые нормы, формы и процедуры судебного разбирательства. Целью статьи является анализ основных причин сложностей перевода юридической терминологии с немецкого, французского и испанского языков. Для достижения данной цели в работе были поставлены следующие задачи: проанализировать особенности юридического языка, особенности перевода документов и вопросы эквивалентности при переводе юридических текстов; отобрать примеры из вышеуказанных языков, наглядно демонстрирующие трудности, возникающие при переводе текстов из сферы гражданского и уголовного права, административного и гражданского кодексов и т.д. Проблемы, которые ставятся перед переводчиком вследствие социокультурного содержания юридических терминов, могут быть решены с использованием различных ресурсов. В качестве метода исследования использовался метод сравнения, типичный для сравнительного правоведения. Также были использованы метод непрерывной выборки юридических терминологических единиц французского, испанского и немецкого языков, сравнительный анализ терминов и их переведенных эквивалентов, метод письменного перевода. Результаты проведенного анализа будут полезны для дальнейших исследований юридического дискурса, использования на теоретических и практических занятиях по переводу юридических текстов.

Ключевые слова: перевод, юридический перевод, юридическая терминология, немецкий язык, французский язык, испанский язык

Для цитирования: Кудряшова С. В., Калинина М. Г. К вопросу о специфике юридического перевода (на материале немецкого, французского и испанского языков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 23–28. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-23-28>, EDN: JTAQEU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the specific features of legal translation (A comparative study of the German, French and Spanish languages)

S. V. Kudryashova, M. G. Kalinina

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Sofya V. Kudryashova, sophiaku@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4260-0306>

Marina G. Kalinina, mar1976.01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4930-0018>

Abstract. Legal terms are not uniform at the international level, but they are closely connected with a national legal system. This implies serious conceptual inconsistencies. The above-mentioned systemic connection leads to the fact that either boundaries of terms' meanings belonging to different jurisdictions or the degree of their explication may vary. Despite some similarities in legal systems, primarily of European countries, each state has its own legal order, conceptual and terminological systems, specific legal rules, forms and procedures of judicial proceedings. The purpose of the article is to analyze the main causes of difficulties in translation of legal terminology from German, French and Spanish languages. To achieve this goal, the following tasks have been set in the research: to analyze the specifics of legal language and of legal documents translation as well as the issues of equivalency in legal translation; to select the samples from the above-mentioned languages that clearly demonstrate difficulties in translation of texts from such branches as civil and criminal law, administrative and civil codes, etc. The problems a translator faces due to the socio-cultural content of legal terms can be solved by means of various resources. As research methods the authors have used the method of comparison, typical for a comparative law, the method of continuous sampling of legal terminological units in French, Spanish

and German legal texts, comparative analysis of terms and their translated equivalents, and the method of written translation. The results of the conducted analysis will be useful both for further studies of legal discourse and in theoretical and practical classes on legal text translation.

Keywords: translation, legal translation, legal terminology, German language, French language, Spanish language

For citation: Kudryashova S. V., Kalinina M. G. On the specific features of legal translation (A comparative study of the German, French and Spanish languages). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 23–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-23-28>, EDN: JTAQEU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Международные отношения интенсивно развиваются, и обмен юридической информацией различного рода между носителями разных языков и культурных ценностей просто необходим. Область юриспруденции является одной из самых сложных для перевода, так как терминология данной сферы знаний тесно связана с нормами и традициями тех языков, в которых она используется, и зачастую терминосистемы разных языков не могут быть сопоставлены друг с другом [1, S. 280]. Важно также понимать, что каждое государство обладает своей правовой системой со специфическими, присущими только ей чертами и традициями [2, S. 119].

За последнее время появилось немало исследований юридических текстов как в нашей стране, так и за рубежом (И. Г. Федотова, 2008; И. Альбрехт, 2013; С. Райнарт, 2009; К. Шмидт Кениг, 2005; И. Ришар, 2005; И. Петру, 2016; П. Лерат, 1995). Так, А. С. Киндеркнехт [3], М. Форстнер [4], А. Борха Альби [5] характеризуют юридический перевод как интерлингвистический процесс и работу между правовыми системами, поскольку невозможно перевести всю смысловую нагрузку юридических текстов без установления сравнений между правовыми системами соответствующих языков.

Актуальность вопросов сравнительного анализа языков в правовой сфере, а также методологии и техники перевода юридических текстов обусловлена значительными изменениями, произошедшими в сфере политических и экономических международных отношений в последние десятилетия.

Перевод специализированных текстов всегда сопряжен с определенными сложностями, особенно в том, что касается интерпретации узкоспециализированных терминов и взаимосвязей. Одним из самых сложных видов перевода считаются переводы текстов и документов из области юриспруденции. Они содержат множество ловушек и тонкостей, с которыми справляются только профессионалы.

Объектом данного исследования является немецкая, французская и испанская терминология. Материалом исследования послужил корпус примеров терминов, полученных методом выборки из конвенций, договорных

документов, кодексов, статей конституций Франции, Испании, Германии.

Хотя юристы часто используют легко понятные слова и термины из обычного повседневного языка, юридические тексты по-прежнему часто кажутся громоздкими и их трудно понять не юристам. Это связано с тем, что юридический язык характеризуется некоторыми специфическими особенностями, которые отличают его от других профессиональных языков.

Абстрактные формулировки гарантируют, что законы и правовые правила могут применяться к различным случаям и фактическому поведению. Таким образом, происходит обобщение, позволяющее юристам одновременно принимать единичные решения.

Трансдисциплинарность также является характеристикой юридических текстов, означающей, что закон распространяется на все сферы жизни и проникает во все предметные области.

Многие юридические термины могут иметь различное значение в зависимости от области права. Таким образом, толкование юридических терминов четко контекстуальное и требует обширного опыта.

Законы, договоры, доверенности, другие юридические документы не только полны специализированных слов и выражений, но и имеют вполне определенный синтаксис. Характерным для юридических текстов является, в частности, чрезмерное использование причастных конструкций и равноправных звеньев предложений, а также непривычный для обычного естественного языка порядок слов. В разных языках синтаксическая структура юридических текстов имеет свои особенности, что обязательно должно учитываться при профессиональном переводе. В качестве примера мы можем привести некорректное использование герундия: *... (el Juez o Tribunal) acordará la remisión de la pena, ordenando la cancelación de la inscripción...* Кажется, судья выносит постановление и согласовывает одновременно, на самом деле он согласовывает «после постановления» [6, с. 21].

При переводе юридических документов профессиональный переводчик обязательно должен обратить внимание и на культурный аспект. В юридических текстах довольно часто

встречаются терминологически-идиоматические фразы и идиомы с ярко выраженным культурным оттенком. Например, *to make default* – 1. не исполнять обязанности, 2. не являться в суд; *Marshal of the court* – судебный исполнитель; *voir dire* – предварительный допрос свидетелей; *indignité successorale* – лишение наследственных прав; *sur un pied d'égalité* – равным образом, *saisir le juge* – обратиться в суд. Переводчик должен не только обладать превосходными знаниями в области юридической терминологии двух языков, но и ориентироваться в специфике двух правовых систем [7, с. 4].

Юридический перевод всегда начинается с неязыкового этапа анализа понятий и исходного текста (внутрисемиотический перевод) и заканчивается фазой лингвистического переноса в текст, созданного на целевом языке (интерсемиотический перевод). Первую фазу декодирования сообщения, выраженного на исходном языке, можно уподобить интерпретации в юридическом смысле, тогда как вторая фаза состоит из межъязыкового перевода в смысле повторного кодирования исходного сообщения. Наконец, именно во время этой второй лингвистической фазы переводчик может мобилизовать целый ряд переводческих методов и приемов: методы дословного перевода, с одной стороны (заимствование, калька, дословный перевод в строгом смысле и транспозиция), и методы косвенного перевода, с другой стороны (модуляция, эквивалентность и адаптация). По мнению Иво Петру, все методы перевода могут быть полезны в соответствующих обстоятельствах [8].

Проблемы, которые ставятся перед переводчиком вследствие социокультурного содержания юридических терминов, могут быть решены с использованием различных ресурсов. Первый из них – это метод сравнения, типичный для сравнительного правоведения. Сравнительное правоведение – это первый шаг к выполнению юридического перевода и преодолению социокультурного барьера, поскольку перевод с помощью кальки может предоставить ложную информацию о первоначальном смысле. С помощью сравнительного права можно избежать ситуаций антинимии и терминологических неточностей.

Например, французские и немецкие термины *contravention* (проступок), *juges de proximité* (местные судьи), *Garde des Sceaux* (министр юстиции), *Cour des comptes* (Счетная палата), *magistrat du siège* (судья), *Leistungsschutzrecht* (нормы права, регулирующие правоотношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений искусства), *Folgerecht* (право на часть от после-

дующей продаже) не имеют прямого эквивалента в российской юриспруденции. В этом случае переводчик стремится передать смысл с помощью функционального аналога, описательного перевода или калькирования с языка оригинала.

Различия между правовыми институтами затрудняют поиск эквивалентов, в этом случае можно прибегнуть к описательному переводу. Например, в связи с отсутствием соответствующих должностей в российской судебной системе термины *juge d'instruction* (следственный судья), *juge de l'expropriation* (судья, определяющий размер возмещения при экспроприации имущества), *juge des référés* (судья по срочным вопросам), *juge de la mise en état* (судья по движению дела) невозможно перевести дословно. Знание функций юридических институтов позволяет переводчику найти эквивалентный термин в другой правовой системе (*le tribunal de grande instance* – суд большой инстанции по гражданским делам). Что касается онимических компонентов (названий институтов, организаций, государственных органов), существуют способы заимствования или калькирования (экзотизмы), т. е. использование термина на языке оригинала с последующим объяснением или дословным переводом (*Le conseil de prud'hommes* – Совет прюдомов).

При переводе Французского кодекса административного правосудия переводчикам пришлось постараться не только передать сам текст, но и дать множество пояснений, замечаний в сносках к тексту, оставаясь в рамках текста закона, который должен быть ясным, точным и не вызывать недоразумений или путаницы. Французский кодекс административного правосудия относится к области законодательства, не имеющего реального, точного эквивалента в российском правовом поле. Например, *cinquante pas géométriques* (пятьдесят геометрических шагов – ст. L521-3-1) составляют во французском праве правовой статус, применяемый к заморским территориям, которые определяют условия принадлежности конкретной территории к естественному морскому общественному достоянию. *Droit de panachage* (панаширование – ст. R232-9) является правом, которое позволяет голосовать за кандидатов из разных списков. *Les entités adjudicateurs — pouvoirs adjudicatrices* (ст. L551-1–551-19) – государственные заказчики – организации, выступающими в качестве продавца от имени государственного заказчика, и все, что связано с этими процессами транзакций от имени государства [9, с. 79].

Элементом выражения обязательства в нормативных текстах является глагол. Выражение

обязательства посредством глагола отражается в настоящем и простом будущем временах, а также в повелительном наклонении. Во французском и испанском языках настоящее время имеет, несомненно, императивное значение. Изабель Ришар иллюстрирует это при анализе ст. 10.1 Конституции Франции: *Le Président de la République promulgue les lois dans les quinze jours...* (Президент Республики должен обнародовать законы через пятнадцать дней...) [10, р. 71].

Следует отметить, что императивность, выраженная в этом постановлении, проявляет свои последствия не только *ad intra*, обязывая президента как главу государства обнародовать законы в течение пятнадцати дней, но также и *ad extra*, предоставляя ему исключительную компетенцию и, следовательно, лишая другие органы государства данных полномочий. В ст. 62 Конституции Испании мы наблюдаем такую же ситуацию: *Corresponde al Rey sancionar y promulgar las leyes*. Императивное значение настоящего времени действует *ad intra*, так что король должен санкционировать и обнародовать законы, а также *ad extra*, что никакая другая власть государства не может взять на себя вышеупомянутую компетенцию, закрепленную исключительно за королем как главой государства.

В испанском, французском и русском языках есть также определенные расхождения в употреблении временных форм глагола. Например, во французских договорных документах глагол стоит в будущем времени, в то время как в русском языке он употребляется в настоящем времени:

Le mandataire transmettra au maître de l'ouvrage les demandes d'acceptation des sous-traitants et fera agréer leurs conditions de paiement. – Уполномоченный представитель направляет заказчику запрос на приемку субподрядчика и утверждает условия оплаты.

Что касается простого будущего времени, в испанском и французском языках оно используется для разработки норм отложенной эффективности, т. е. норм, в которых нет элементов для немедленного применения. Например, в ст. 11 Гражданского кодекса Франции *L'étranger jouira en France des mêmes droits civils que ceux qui sont ou seront accordés aux Français par les traités [...]* и аналогичной ст. 13.1 Испанской Конституции *Los extranjeros gozarán en España de las libertades públicas [...] en los términos que establezcan los tratados y la ley* будущее время способствует отсрочке выполнения постановления, особенно когда вмешиваются международные договоры и законы. Эта отсроченная эффективность обозначается простым будущим временем в качестве вербального маркера обязательства.

При переводе юридических терминов не всегда легко найти полную терминологическую эквивалентность. Для преодоления двусмысленности перевода Пьер Лерат предлагает две формулы:

1) функциональная эквивалентность, которая подразумевает приблизительный перевод (например, *hypothèque* (гарантия, обременяющая недвижимость в гражданском праве) и *mortgage* (гарантия, которая обременяет собственность в целом в общем праве) – оба термина переведены с помощью функциональной эквивалентности «ипотека»);

2) частичная эквивалентность включает анализ семантических характеристик терминов и семантических отношений между ними (многозначность, синонимия, гиперонимия), так называемая эквивалентность по пересечению или по включению [11].

В качестве характерных особенностей немецких юридических текстов обычно выделяют следующие черты: сочетание высокой степени детализации правовых предписаний и системных начал; развитый понятийный аппарат; развернутая система обязательных предписаний, зафиксированная в письменных источниках [12, с. 145]. Вышеуказанные особенности в большей степени обусловлены спецификой формирования германской правовой системы, которая является не вариантом континентального европейского права, а относится непосредственно к германской ветви права.

Проблемы с переводом юридических текстов часто создают различное использование терминов в повседневном и юридическом языках. Гражданское право Германии, например, работает с терминами *Zustimmung* (согласие – общее понятие), *Einwilligung* (согласие до юридической сделки) и *Genehmigung* (последующее согласие), в то время как в повседневном языке эти выражения более или менее взаимозаменяемы.

В юридическом языке, например, проводится различие между юридической силой – *Rechtskraft*, в которой возникают судебные решения, и юридической силой – *Rechtswirksamkeit*, которая относится к соглашениям (контрактам). Другой пример разбавления юридических терминов повседневным языком: гарантия – *Gewährleistung*, которую часто путают с гарантией – *Garantie*. *Gewährleistung* – это обязательство, определенное законом, об устранении недостатков, выявленных во время срока, указанного в законе, а *Garantie* – обязательство, определенное самим продавцом/производителем. Например, продавец новой машины согласно закону

обязан дать гарантию *Gewährleistung* на два года, но согласно договору может дать гарантию *Garantie* на пять лет.

К. Шмидт-Кениг различает внешнюю и внутреннюю многозначность в немецком юридическом языке: большинство юридических терминов в основном имеют разное значение в общем языке. Таким образом, существует несколько значений термина как в юридическом, так и в повседневном языке, что неизбежно может привести к трудностям [13, S. 37–38]. Примером внешней многозначности является термин *Frucht* или *Früchte* – «фрукт» или «фрукты». В общем значении плоды – это урожай земли, зерна и т. д. Однако на юридическом языке этот термин также обозначает «доход» от вещи и права [13, S. 43–44]. Внутренняя многозначность описывает тот факт, что несколько значений термина могут существовать в пределах одного юридического языка. Распространенным примером немецкого юридического языка является понятие вины *Schuld*: в уголовно-правовом смысле вина обозначает предпосылку уголовной ответственности и является причиной преступления. С другой стороны, в смысле гражданского права этот термин относится к обязательству, т. е. «договорным отношениям между двумя или более людьми», например, при заключении договоров [13, S. 51–52]. Немецкие термины достаточно многозначны, особенно если анализировать уголовный кодекс: *Täter* – 1) лицо, совершившее преступление, 2) преступник, 3) лицо, совершившее преступное деяние, 4) правонарушитель, 5) виновный, 6) исполнитель; *Straftat* – 1) преступление, 2) преступное деяние, 3) деяние; *Urteil* – 1) суждение, 2) приговор.

Недостаточный уровень специальных знаний становится еще более очевидным, если переводчик не проводит различия между областями права, такими как гражданское право и уголовно-процессуальное право.

Вот пример из анкеты Министерства юстиции Норвегии [14], который показывает, что переводчик не обладает минимальным уровнем специальных знаний, который был определен выше как абсолютно необходимый:

Auflage zur Abgabe einer Klageerwiderung
[...]

Hat der/die Beklagte Einwendungen dagegen, daß der Fall beim Gericht anhängig gemacht wird, hat er diese in der Klageerwiderung vorzubringen. Der/die Beklagte sollte in der Klageerwiderung auch mitteilen, ob er/sie zu Termin, Ort und Benachrichtigung über die Hauptverhandlung etwas zu bemerken hat, und ob er die Bestellung von Schöffen verlangt.

Заголовок в примере показывает, что контекст – это заявление защиты, и термин «заявление» относится к гражданскому процессуальному праву. Тем не менее, в дальнейшем в ходе перевода речь идет об основных слушателях и народных заседателях, а это уже из терминологии уголовно-процессуального права. Это свидетельствует о том, что переводчик не знает разницы между уголовным и гражданским процессуальным правом.

Анализ основных причин сложностей перевода юридической терминологии в немецком, французском и испанском языках показал, что основные трудности перевода юридических текстов связаны, как правило, с интерпретацией профессиональной юридической терминологии. Способы перевода юридических документов могут варьироваться и комбинироваться, однако переводчику всегда следует помнить не только о различной структуре языков, но, что немаловажно, об этнокультурных различиях правовых систем разных стран, стараясь при этом сохранить структурную близость перевода оригинальному тексту, обращая особое внимание на значение специальных юридических терминов и случаи их употребления в тех или иных ситуациях.

Описательный перевод, дословный перевод, различные методы культурного переноса, добавление смысловых компонентов помогают добиться однозначности и лучшего понимания текста, способствуют устранению нагроможденности и тавтологии, делают текст доступнее рядовым гражданам. Трудности могут быть преодолены путем обращения к большому объему аутентичных документов для выяснения лингвистического окружения термина и его сочетаемости.

Список литературы

1. *Albrecht J.* Übersetzung und Linguistik. Tübingen : 2 Aufl. Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co.KG, 2013. 313 S.
2. *Reinart S.* Kulturspezifik in der Fachübersetzung. Berlin : Frank amp: Timme, 2009. 558 S.
3. *Киндеркнехт А. С.* К вопросу о трудностях перевода юридической терминологии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 2 (52). С. 242–246.
4. *Форстнер М.* К вопросу о специальной терминологии в юридическом переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. Вып. 14 (725). С. 100–112.
5. *Borja Albi A.* El texto jurídico inglés y su traducción al español. Barcelona : Ariel, 2000. 206 p.

6. Кудряшова С. В. Современное состояние испанского юридического языка // Лингвометодические аспекты преподавания иностранного языка в вузе : межвуз. сб. науч. тр. Вып.14. Пенза : Изд-во ПГУ. 2019. С. 19–26.
7. Федотова И. Г. Теория и практика устного и письменного юридического перевода. Дубна : Феникс+, 2008. 176 с.
8. Petru I. La traduction juridique: entre equivalence fonctionnelle et equivalence formelle // Etudes romanes de Bmo. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/310659613_La_traduction_juridique_entre_equivalence_fonctionnelle_et_equivalence_formelle (дата обращения: 27.02.2022).
9. Царева М. С. Французский кодекс административной юстиции: опыт перевода (на фр. яз.) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 1. С. 77–81. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.65.1.077-081>
10. Richard I. Les marqueurs verbaux de l'obligation en français et en anglais dans les textes juridiques à fonction normative: quelques pistes de traduction // La langue, le discours et la culture en anglais du droit. Paris : Publications de la Sorbona, 2005. P. 69–86.
11. Lerat P. Les langues spécialisées. Paris : Presses Universitaires de France, 1995. 202 p.
12. Галушка К. Правовая система Германии как элемент романо-германской правовой семьи // Право, общество, государство: проблемы теории и истории : материалы Междунар. студ. науч. конф. (Москва, 27–28 апреля 2018 г.) / отв. ред. Е. Н. Трикоз. М. : РУДН, 2018. С. 145–147.
13. Schmidt-König Ch. Die Problematik der Übersetzung juristischer Terminologie. Eine systematische Darstellung am Beispiel der deutschen und französischen Rechtssprache. Münster : LIT, 2005. 320 S.
14. Husabø E., Asbjørn S. Norwegen // Strafrechtsentwicklung in Europa. Landesberichte 1993/1996 über Gesetzgebung, Rechtsprechung und Literatur / Eser A., Huber B., Hrsg. Übersetzung von I. Simonnaes. Freiburg : Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht, 1997. S. 473–562.

Поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 21.09.2022
The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 21.09.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 29–35

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 29–35

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-29-35>, EDN: WADLUH

Научная статья

УДК 811.161.1'23'27'42

Речевые предпочтения современных детей: влияние Интернета, чужих языков и культур

Т. А. Милехина, А. Н. Байкулова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Милехина Татьяна Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, tmilehina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5931-9708>

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Аннотация. Анализируется современная речь детей в возрасте от 2-3 до 14 лет, рассматривается влияние на нее других языков и культур. Материал исследования – ручные и расшифрованные аудио- и видеозаписи детской разговорной речи, переписка детей в мессенджере Viber – собирався в течение 2016–2022 гг., его общий объем составил около 22 тыс. словоупотреблений. В работе применялись метод включенного наблюдения, методики дискурсивного анализа. Использование англоязычной и «интернет-лексики» детьми в возрасте от 2-3 до 14 лет показал динамику в пополнении словарного запаса ребенка единицами этих лексических пластов. Анализ устных и письменных жанров (пост, сториз (Stories), баттл (Battle), «прямой эфир»), созданных детьми в рамках популярных интернет-программ TikTok, Likee, Instagram (2017 г.), позволил установить характерное копирование речевых образцов, моделей поведения популярных блогеров. Исследование голосовых и письменных сообщений детей в мессенджерах смартфона Viber, Telegram (2022 г.) выявило формирование в детской речи специфического словаря, включающего не только англицизмы и школьные жаргонизмы, но и яркую примету интернет-общения – сокращение слов до одного слога. Письменные сообщения характеризуются особым способом организации текста, при котором каждое высказывание представляет собой отдельный пост. Распространенными являются различные опросы, разного рода задания по схеме «ответь и перешли другу». Используя виртуальную реальность, дети стремятся к самореализации: поют, разыгрывают диалоги с игрушками, проводят «научные исследования», однако используют при этом не лучшие, чаще всего иностранные, образцы для подражания. В статье делается вывод о значительном влиянии на современную детскую речь не только англоязычного языкового контента интернет-пространства, но и речевого поведения, идеалов и ценностей, рекламируемых популярными, прежде всего западными, лидерами блогосферы.

Ключевые слова: русский язык, детская речь, иноязычные заимствования, культура речи

Для цитирования: Милехина Т. А., Байкулова А. Н. Речевые предпочтения современных детей: влияние Интернета, чужих языков и культур // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 29–35. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-29-35>, EDN: WADLUH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech preferences of modern children: The influence of the Internet, foreign languages and cultures

Т. А. Milekhina, A. N. Baikulova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatyana A. Milekhina, tmilehina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5931-9708>

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Abstract. The article analyzes the modern speech of children aged from 2-3 to 14 years and examines how other languages and cultures influence it. The research material comprises handwritten and transcribed audio and video recordings of children's colloquial speech, correspondence of children in the Viber messenger. The material was collected during 2016–2022, its total volume amounts to about 22,000 instances of word usage. The methods used are those of included observation and discursive analysis. The vocabulary of children aged 2-3 to 14 years was shown to be actively supplied with lexical units sourced from the English language and Internet slang. The analysis of oral and written genres (post, stories, battle, live broadcast) created by children within the popular social networks TikTok, Likee, Instagram (2017) allowed us to establish that children typically copy speech patterns and behaviors of popular bloggers. A study of children's voice and written messages in smartphone messengers Viber, Telegram (2022) revealed the formation of a specific vocabulary in children's speech, including not only Anglicisms and school jargon, but also a telltale sign of Internet communication – the reduction of words to one syllable. Written messages are organized in a specific manner,

consisting of statements, each of which is presented as a separate post. Various surveys and different types of tasks based on the “reply and send to a friend” pattern are common. Using virtual reality, children strive for self-realization: they sing, act out dialogues with toys, conduct “scientific research”, but in the process they use less than perfect, most often foreign, role models. The authors conclude that not only the English language content of the Internet, but also the speech behavior, ideals and values advertised by popular, primarily Western, leaders of the blogosphere, have a significant impact on modern children’s speech.

Keywords: Russian language, children’s speech, foreign borrowings, culture of speech

For citation: Milekhina T. A., Baikulova A. N. Speech preferences of modern children: The influence of the Internet, foreign languages and cultures. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 29–35 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-29-35>, EDN: WADLUH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Глобальная экономика, включение нашей страны в мировое экономическое пространство обусловили значительные изменения в речи современных российских детей: ощущается влияние западной культуры, иноязычного языкового давления. Приоритетными в картине мира ребенка и подростка стали иностранные культурные тренды.

Такая ситуация во многом связана с развитием интернет-коммуникации, научно-технических процессов, поскольку языковой контент популярных гаджетов преимущественно англоязычный. Речь современного ребенка формируется под сильным влиянием английского языка. Более того, необходимо признать, что дети в России растут в двуязычной действительности, в которой наряду с кириллическим кодом фиксации реальности работает и латиница: городская среда переполнена англоязычными эргонимами; одежда, игрушки, еда зачастую снабжены завлекательными иностранными ярлыками, которые ребенок учится произносить уже в раннем детстве. Об этом с тревогой пишут педагоги и психологи.

Вместе с тем безопасность развития ребенка становится частью концепции национальной безопасности, а полноценное овладение русским языком – стратегической задачей, поскольку напрямую затрагивает ценностную систему воспитания граждан России [1].

Еще в 2014 г. исследователями было отмечено, что под влиянием речевого окружения иноязычные лексемы входят в речь детей уже в дошкольном возрасте, а в речи младших школьников таких слов до полусотни. Преобладают техническая, в том числе компьютерная, спортивная терминология, лексика бытовой сферы, еды и массовой культуры [2]. А ведь речь ребенка является средством репрезентации его индивидуальной языковой личности и способом выражения индивидуальной языковой картины мира, формирование представлений о которой происходит в результате чувственного восприятия, формирования представлений, развития речемыслительных процессов [3].

Погружение детей в виртуальную реальность меняет их представление о мире. Иссле-

дования показывают, что в России 93% детей в возрасте 5–11 лет уже являются активными интернет-пользователями [4]. Общение в интернет-чатах влияет на формирование языкового сознания, которое в процессе коммуникации более подвержено внешним воздействиям, манипуляции, что приводит к снижению критического мышления и способности к сопротивлению навязываемым СМИ стереотипам [5].

В данной статье предполагается рассмотреть влияние Интернета, иноязычной культуры и чужого языка на речь детей и подростков. Материал исследования – ручные и расшифрованные аудио- и видеозаписи детской и подростковой разговорной речи, а также доступная авторам переписка детей (15 чел.) в мессенджере Viber (материалы используются с согласия детей). Записи осуществлялись в течение 2016–2022 гг., общий объем – 22 000 словоупотреблений. В работе применялся метод включенного наблюдения, использовались методики дискурсивного анализа.

Важнейшим процессом, характеризующим современную детскую речь, является широкое распространение иноязычных заимствований. Англоязычные заимствования наблюдаются в речи детей уже с двух–трех лет [6]. Это, прежде всего, имена собственные героев популярных мультфильмов «Свинка Пеппа», «Щенячий патруль», «Супер-крылья», «Юху и его друзья», «Дуда и Дада»: *Пеппа, Сюзи, Ребекка, Скай, Дизи, Донни, Рокки* и др. Многие из них ребенок не может выговорить, например, *Джордж* произносит как *Джодж*, *Юху* – как *Дюху* и др.

Персонажи мультфильмов становятся главными героями детских игр: (во время игры) *Где же Скай?* (девочка-собачка из мультфильма «Щенячий патруль») *Я не могу найти // А / вот Скай! Я нашла.* В таких играх нередко употребляются запомнившиеся ребенку выражения: *Щенячий патруль! Все на базу!; Котики вперед! Котики назад!; Джером / ты сможешь нам / Джером? Джером / как дела? Кто первый? Я первый; Вспыш / обгони меня! Мы все вместе!* Быстро заучиваются и песни из мультфильмов: *Наш отряд / шесть щенят / героев настоящих // День и ночь вам помочь*

летит патруль щенячий // Когда беда случилась / не плачь и не грусти / Райдер и его щенки спешат всегда спасти (12.08.2016).

В речи шестилетнего ребенка группа заимствований расширяется. Вот как выглядит диалог двух сестер 6 и 11 лет, рассматривающих свои игрушки. Элла: *Рембл Деи // Это моя любимая пони / и Эппл Джек // Надо Сансет Шиммер и другую пони* // – Лиза: *Я люблю Пинки Пай / а еще какую пони?* – Элла: *Я поняла / ты любишь Пинки Пай и Рарити* // – Лиза: *Я говорю / Эппл Джек / Сансет Шиммер / Пинки Пай // А Эппл Джек у меня была* // (09.06.2019). Из 45 использованных девочками лексем 19 единиц (42%) – иноязычные номинации героев.

В составе иностранной лексики в речи детей можно выделить несколько лексико-семантических групп. Одна из них – номинации детских игрушек. Появление новых популярных детских игрушек вызвало закрепление в речи детей таких слов, как *слайм-смузи* (от английского *slime* – *слизь*) / *слаймикс* / *слаймик* – игрушка из вязкого материала); *стикерочка* (этикетка, наклейка), *снейперс* / *снаперс* (игрушка-антистресс); *миньон* (мягкая игрушка) и др. [7]. Другие группы включают наименования: детских игр – «Play Do», «Lost Kitties»; компьютерных игр – «Red Ball», «Peppy Cat», «Kitt Cat Story»; блокнотов разных видов – *скетчбук*, *артбук*, *крафтбук*; конфет и кондитерских изделий – «*Чупа Чупс*» (*чупа чупс*), «*Skittles*» (*скиттелс*), «*Мамба*» (*мамба*) и др. Многие из этих слов в активном употреблении детей, например, слово *чупа чупс*: Лиза: *Давай я подержу чупа чупс / а ты расскажешь* // (09.05.2019).

Часто дети используют иностранные междометия *вау*, *уху*. Элла: *Уху! У Искорки тоже знак отличия* // (09.05.2019); Элла: *Вау! Какая красота! Мам / можно мне себе на руке оставить / на пальчике? Вау! Ну у меня будет блеснуть* // (20.03.2019).

Дети восьми лет, которые для общения уже используют смартфоны, оказываются в англоязычной языковой среде, поскольку практически весь контент современных смартфонов основан на английском языке, а преобладающее большинство игр – англоязычные. Кроме того, в смартфоне у восьмилетнего ребенка оказывается рекламный контент не всегда детской направленности. Например, в самом популярном среди младших школьников мессенджере Viber существует специальная программа «Клуб хорошего настроения Good Vibes», которая предлагает рекламу новых книг, фильмов, шутки, полезные советы, новинки из мира кино. Например: *8 августа – Всемирный день котов. Скачай на планшет приложения для тех, у кого есть лапки*

и развлекайся вместе с ним. «Игра для кошек», «Кот-рыбак»; Веселого Хеллоуина! Будь злодеем, но веди себя хорошо! (31.10.2022). Однако целый ряд рекламных роликов предназначен не для детей, а для взрослых. Например: *Суровые, мистические твои уже такие любимые скандинавские сериалы. Если не один не смотрел – срочно исправляйся! Спорим, ты любишь блеснуть эрудицией в компании друзей? Эти книги созданы, чтобы сразить всех наповал. «Власть роботов», «Как подготовиться к неизбежному?»; В «Сорокалетнем девственнике» эпиляцию груди Стиву Кареллу делала настоящая владелица спа-салона, которая понятия не имела, что говорить на камеру. Если ты пересмотришь эту сцену сейчас – будешь очень удивлен* (27.10.2022) (орфография и пунктуация в рекламных текстах сохранены). Реклама знакомит ребенка с западным образом жизни, побуждает к различным действиям, советует читать и смотреть отнюдь не детские книги и фильмы, поэтому можно говорить о ее прямом и манипулятивном воздействии.

Вторая группа, формирующая языковую личность ребенка, – компьютерная лексика и интернет-лексика. Если трехлетний ребенок оперирует словами *телефон*, *планшет*, *интернет*, *вай-фай* (Wi-Fi), «*Мегаго*» (сайт Интернета, на котором демонстрируются мультфильмы), например, *Я выбрала «Мегаго»; Мама / нет вай-фая* // (14.06.2017), то лексикон шестилетнего ребенка содержит более широкий круг слов: *телефон*, *планшет*, *качать / скачать* (игру), *уровень* (игры), *проценты* (зарядки), *зарядка* (телефона), *разрядился* (телефон), *хештек*, *селфи*, *лайки*: *Хештек с котярами* // (04.06.2019); *Это мой телефон // Он был еще когда-то старым и разбитым / я в него играла; Если у него три процента там / три процента окажется! В моем телефоне // Надо пройти уровень / чтобы заметно пролетело время* // (19.03.2019).

В жизни более старших детей огромную роль начинают играть популярные интернет-программы: Tik Tok, Likee, Instagram и сопутствующая им лексика: *Интернет*, *вай-фай*, *аккаунт*, *профиль*, *лайфхак*, *селфи* (2019–2020 гг.). Яркой особенностью речи детей в это время становится появление речевых жанров, связанных с использованием Интернета: *пост*, *сториз* (Stories), *баттл* (Battle), «*прямой эфир*» в Инстаграме. Интернет позволяет подросткам «преодолеть психологический барьер, более свободно общаться, чувствовать себя самостоятельнее и увереннее» [8, с. 25].

Интернет-жанры имеют письменную и устную формы, а также зачастую представляют собой контаминацию устного и письменного. Примером письменных интернет-жанров, осво-

енных 11-летней Лизой, являются посты на странице в Инстаграме, где у девочки есть несколько аккаунтов. Например (орфография и пунктуация сохранены): *Кто я вообще такая? Я думаю что по моему аккаунту понятно что Лиза // Я просто на голову больная // Очень люблю Историю // 11 лет // Живу в Саратове // Учу немецкий язык // Люблю черный цвет и еще лиловый и нежно розовый // Люблю фисташки // (25.01.2020).*

В данных постах мы можем видеть традиционный жанр представления. Это рассказ девочки о себе: имя, увлечения, электронный адрес, возраст, знак зодиака, пристрастия (любимые цвета). В речи наблюдаются заимствованные высказывания, традиционные для такого жанра стереотипы: *Кто я такая?; На этих фактах остановлюсь.*

Пост может иметь и более развернутый характер. В этом случае он подчинен определенной теме, например продвигаемой в молодежной культуре модной теме похудения: *Приветик. Сегодня я хочу рассказать, как довольно быстро похудеть. Первое, что нужно сделать, это настроить себя на то, что я худею. Если у вас рядом есть лес, то это очень хорошо, но вообще это не важно. Даже если вы живете в городе, то можно гулять просто по улицам. Главное, чтобы вы гуляли утром и вечером. После 6 не есть, но если очень хочется, то можно съесть фрукты – яблоки, виноград, апельсины. Знаете, я не понимаю таких людей, которые хотят за 5 мин. похудеть. Худение – это процесс довольно долгий, требующий усилий. Думаю, немного помогла кому-то (29.01.2020).* Через Интернет ребенок воспринимает, а затем транслирует своим сверстникам мысль о пользе здорового образа жизни, необходимости соблюдать каноны моды, но активное продвижение этой темы, следование различным детским советам может нанести непоправимый вред.

Представленный пост свидетельствует о том, что Лиза старалась писать его в стилистике книжного публичного текста. Во-первых, обращение на Вы, наречие-интенсификатор *довольно (довольно долгий, довольно быстро)*; причастия и причастные обороты: *процесс, требующий усилий*; сложные предложения с придаточными: *таких людей, которые хотят за 5 мин. похудеть, первое, что нужно сделать, если у вас рядом есть лес*; однородные члены: *фрукты – яблоки, виноград, апельсины*; книжные существительные: *худение, процесс*. Обращает на себя внимание присутствие дискурсивов, которые структурируют текст: *первое, главное, знаете*. Однако встречаются и разговорные особенности, которые нарушают стилистическое единство текста: *приветик*.

Устные интернет-жанры представлены формой монолога. Они получают различные наименования и имеют различные модификации. Наиболее распространены так называемый прямой эфир и stories в Инстаграме.

Stories создаются Лизой по определенным моделям, сопровождаются специфической интонацией. Начальные и финальные фразы в таких интернет-рассказах – воспроизведение распространенных в этом жанре шаблонов: *Всем привет! Это я / Лиза // (25.06.2019); Привет / мои ребятеньки! (26.06.2019); Всем приветики! (24.03.2020); Ну всем пока / пока / подписывайтесь на мой профиль // Я надеюсь / что вам понравилось это видео // Ставьте лайки // Я вас очень всех люблю // Пока / пока // (25.06.2019); Ну ладно всем пока // Мои пупсики // (26.06.2019); Ладно / короче / всем пока / буду искать идеи для поста // (24.03.2020).* В основной части анонсируется основная идея, программа интернет-рассказа: *И сегодня я хочу показать некий слайм // (25.06.2019); Знаете / сегодня я хочу в первый раз рассказать / один случай // (26.06.2019); Короче говоря / я вообще пропала / вообще надолго / в общем у меня много дел было // Я сейчас / наверно / буду писать посты для моего второго аккаунта // (24.03.2020).*

Интерес представляет используемая девочкой лексика. Это смесь заимствований из лексикона популярных блогеров, в которой книжные «умные» слова и выражения (*некий, преобразила, найти идеи*) соседствуют с разговорными уменьшительно-ласкательными (*коробочка, штучки, тетрадки, смайлики, слаймики*) и слащавыми гламурными словечками (*ребятеньки, пупсики, приветики, классенькие, заколочки, фоточки*). Намеренно неправильно произнесенные слова *невые (новые), поэзия (пожалуйста)* соседствуют со словами общего жаргона (*офигенский, блин, пофиг, нафиг, классно*) и интернет-лексикой (*профиль, комментарий, лайк, видео, видео голосовое, смайлик, пост, вайфай, аккаунт*).

Важно обратить внимание на тематическую организацию таких речевых текстов: покупки (самая распространенная тема), их демонстрация, заказ суши, пиццы, уход за ногтями и волосами: *Но я смотрела / конечно / в кино уже //; Сейчас я сделала ногти / очень классенько // Синенькие // (24.03.2020); И сейчас мы еще заказываем / заказываем суши / и скоро будем их есть // (24.03.2020).* Особая тема – изготовление слаймов, блокнотов, мягких игрушек.

По определенным модным лекалам построен и следующий интернет-жанр – так называемый баттл в Инстаграме. Лиза: *Алина / привет // Передавай мне баттл / я очень хочу / пожалуйста // Жду твоего ответа и поэзия // –*

Алина: *Привет / О-кей! только давай никаких там менее жесткие // – Лиза: Ок! Всем привет! И это первое задание // Лови! Короче / надо открыть окно и прокричать // Привет / корона-вирус! Я жду // – Алина: Хорошо / я выполнила твоё задание // (посылает видео) – Лиза: Ты большая молодец!* (12.04.2020). Опасно то, что подросткам навязывается модель поведения, предполагающая бездумное подчинение, когда один заставляет другого сделать что-либо по приказу, без размышлений. Практически вся речевая канва этого баттла представляет собой буквальную цитацию интернет-образцов: *Соответственно все это заснять; продержаться вот так на камеру 10 секунд*. Таким образом, речь популярных блогеров, их образцы речевого поведения активно усваиваются и применяются детьми.

Наблюдения 2022 г. показывают, что огромную роль в жизни современных детей играет смартфон. Посредством смартфона дети общаются между собой, вместе играют в игры, отправляют голосовые и письменные сообщения, стикеры, эмодзи, видео. Наиболее популярны среди детей в настоящее время программы Viber, YouTube, Telegram. Viber чаще всего используется для передачи голосовых и письменных сообщений. Например: Элла: (голосовое сообщение) *Софа / ты сейчас где / дома? Я уже три часа жду // Ты где / блин / приходи быстрее!* (12.06.2022); Софа: (письменное сообщение) *Привет! Как дела? Что делаешь?* – Элла: (пост) *Привет. У меня все норм. Я играла в айпад* (13.06.2022); Элла: (голосовое сообщение) *Софа / почему ты уехала?* – Софа: (пост) *Я уехала потому что мама с папой так решили, потому что дождь молния гром, начелся;* Элла: (голосовое сообщение) *Софа тогда позвони мне пожалуйста просто с тобой поговорить охота;* Софа: (пост) *Я даже писать успеваю ты раньше меня голосовые сообщения присылаешь* (5.07.2022); Софа: (пост) *Давай мериться* – Элла: (пост) *Хорошо прощу* (22.09.2022). Характерно, что каждая фраза представляет собой отдельное сообщение. Например: Соня: *Привет;* Соня: *Элла – Соня: Как дела?;* Соня: *Ты не хочешь завтра погулять со скейт бором?* – Элла: *Ну (орфография и пунктуация оригинала сохранены).*

Дети посылают друг другу видео, вместе играют. Самая популярная игра, в которую можно играть с разных телефонов, – «Roblox». У каждого ребенка свой персонаж. Например: Элла: *Ваня / вот я пришла домой / давай / заходи в Roblox или фоткай свой ник / я тебе добавлю и я тебе пришлю ... пришлю тебе карту //* (5.09.2022); Ваня: *Что не отвечаешь?* – Элла: *Я на сольфед-*

жио – Ваня: Позвони мне когда в Роблекс будешь играть (7.10.2022); Элла: *Если че приложение для слежения друзей я скачала просто не могу номера телефона кому-то звонить. Мне просто пишут что э ... теперь ха-ха-ха теперь введи свой телефон по-настоящему – Ваня: Попробуй вот в приложении вон там вот чтобы отслеживать друзей завести дата рождения там мое например попробуй вдруг получится – Элла: Ок!* (2.11.2022). Разговор завершается пересылкой семи стикеров.

Обращает на себя внимание орфография и пунктуация детей в письменных сообщениях: наблюдается большое количество орфографических и пунктуационных ошибок. Отличительная особенность такого общения – использование большого числа стикеров. Например: Соня: *Привет Элла* (25 стикеров) – Элла: *Привет. Я заболела поэтому не смогу погулять у меня насморк. – Соня: Я могу тебе позвонить?* – Элла: *Да* (25 стикеров) (13.09.2022).

Специфическими особенностями характеризуется общение детей в групповых чатах мессенджеров. Дети сами создают виртуальные группы, в которые входит ограниченное число участников (от 2 до 6), например: «Котики», «Волчонок Ютуб», «Супер Миша», «Тили Вили», «Киси Миси», «Школа», «Крутые моменты», «Разговоры о важном» и др.

В Viber дети поют, разыгрывают небольшие сценки. Так, Миша (7 лет) демонстрирует постановочные видео с участием мягкой игрушки Хагги-Вагги (Huggy Wuggy) из популярной игры «Poppy Playtime»: *Всем привет! Меня зовут Миша и вы на канале Супер Миша // Сегодня мы будем лепить из вот этого / из этих колючек / мне они очень нравятся ... (обращается к игрушке) Стив / ты че так запыхался?* – «Стив» (Миша отвечает за игрушку): *Да ниче // У меня живот урчит и знаешь почему?* – Миша: *Почему?* – «Стив»: *Да потому что ты мне печеньку не дал // – Миша: Какую?* – «Стив»: *Обычную печеньку / печеньку // – Миша: Ладно // Иди пока // Иди отсюда // Вот он печеньку попросил // Так / че бы слепить? Ребята / давайте ему печеньку слепим //* (10.11.2022).

Виртуальная среда способствует развитию у детей непринужденности, раскованности в поведении. Дети подражают своим сверстникам, популярным в интернет-среде, увлекаются американскими сайтами, на которых можно представлять интерпретации текстов песен. Так, Миша демонстрирует не только актерские способности, но и певческий талант, исполняя голосом мягкой игрушки по имени Хагги придуманную им самим песенку:

*Дунц-ду-ду-дунц / Мышка зависка (нрзбр.) /
Дунц-ду-ду-дунц / Собачка жевачка /
Дунц-ду-ду-дунц / Кошка картошка /
Дунц-ду-ду-дунц / Ку-ку я немножко.*

Далее разыгрывается диалог с игрушкой: Миша: *Хагги / за что двойка?* – Хагги (Миша говорит за игрушку): *Я забыл / как пишется А //* (25.08.2022).

Активно выступая в интернет-пространстве, Миша возмущается, обращаясь к друзьям: *Почему мне так мало лайков? Лайки сами себя не поставят* (7.09.2022). Во всем этом проявляется стремление к лидерству, популярности в Интернете, желание получить как можно больше маркеров успеха – заветных лайков. Поэтому неудивительно, что на вопрос, кем ты хочешь стать?, дети 6–8 лет отвечают: тиктокером, лайкером.

Помимо творческих выступлений, ребята посылают друг другу задания. Например: Софа из группы «Поняшки» предлагает: *Найди расколотое сердце. Закрой руку и не открывай. Загадай два желания. Сильно подуй. Отправь к 3 группам. Открой и посмотри на руки.* Популярны различные опросы: *Вы любите своих братьев и сестер?* – Да; *Очень; Очень сильно; Какие видео вы хотите?* – Смешные. Страшные; *Какой канал лучше? Крутые моменты, Волченки ютуб?*

Специфично и общение в чате одиннадцатилетних детей. Приведем примеры письменных диалогов (в скобках авторами статьи указаны расшифровки сокращений и непонятных слов; каждое слово, начинающееся с заглавной буквы, представляет собой отдельное сообщение). Амина: *Пр* (привет) *Как дела?* – Яна: *Привет Номрик* (нормально) *А у тебя?* – А.: *Пон* (понятно) *Тож* (тоже) *норм* (нормально). *Го* (пойдем) *гулять* – Я.: *Ща* (сейчас) *дз* (домашнее задание) *посмотрю какое* – А.: *Ок Там вообще изи* (легко); Динара: *Тебя кто-нибудь нравится из нашего класса?* – Яна: *Нет книш* (конечно) – Д.: *Хахл* (смех) – Я: *Мм Сколько у тебя лэшек* (лучших подружек)? Ахах; Георгий: *Исключи из чата плз* (пожалуйста) – Яна: *Кого?* – Г.: *Меня Надо* – Я.: *Ну сам удались* (2.11.2022).

Как видим, для того чтобы понять смысл такого общения, необходимо использовать специальный словарь. Такой справочник по просьбе авторов работы составили сами дети: *го* – давай; *крч* – короче; *лол* – смешно; *чсв* – человек с завышенной оценкой; *вайб* – атмосфера; *пруфы* – доказательства; *краш* – человек, который нравится; *рофл* – шутка; *шмот* – одежда; *зз* – знак зодиака; *буллит* – издеваться; *чс* – черный список. Сокращения, англицизмы, жаргонизмы формируют состав лексикона пятиклассников в мессенджере.

Взрослые дети, подростки 14 лет, общаются в той же манере, добавляя скатологическую и нецензурную лексику. Темы общения – «Школа», «Домашние задания», «Отношения с учителями», «Уроки». Приведем примеры общения в группе «Противгитлера» (25 человек) учеников 8-го класса. Морская черепашка (ник ученика): *скиньте пожалуйста классную работу по химии* – Гриша: (посылает скан с работой) *поймете че ок ок Ща норм* (нормально) *сфоткаю* – Яна: *о спасибо* – Саня: *пон жоски* (понял, жестко) – Морская черепашка: *Кайф* (21.10.2022); Tw1nki: *Все домой Быстро ОА отпустила Дз по русскому в дневнике будет ВСЕ НА ХАТУ* – Валерия: *это ОА сказала?* – Ася: *Всм* (в смысле) *Чо за движ* (что за движуха?) (25.10.2022); Валерия: *ребят, обжшник будет вызвать вроде двух человек на разборку и сбору автомата, +4человек на звания к доске+домашка* – Ильдар: *Я на разборку* (2.11.2022); Лиза: *Блин, я боюсь, что она завтра спросит ж...пой чувствую* – Лиза: *дажадададада Это прям в точку!!!* – Валерия: *дажадададададададададада* – Лиза: *Так и есть!!! А что там за таблицу надо распечатать?* – Валерия: *ща о нашла таблица квадратов вот* (каждое слово – новое сообщение) (7.11.2022).

Как видим, в речи подростков сохраняются сокращенные слова (*норм, пон, всм, движ, дз*); в активном употреблении жаргонизмы (*кайф, обжшник, домашка*), экспрессивизмы (*дажададададада, блин*); не соблюдаются правила правописания, не прописываются заглавные буквы в начале предложений. В то же время встречаются и развернутые письменные сообщения, вполне соотносимые с литературным языком: *Так и есть!!! А что там за таблицу надо распечатать?*

Наблюдения за речью маленьких детей и подростков в течение нескольких лет (2016–2022) позволяют констатировать огромное давление на современную детскую речь чужого языка и культуры. С самого раннего возраста (в нашем материале 2 года и 8 месяцев) ребенок оказывается в англоязычной языковой среде: его окружают иностранные наименования детских мультфильмов, любимых героев, игр, игрушек, конфет. Преимущественно англоязычной является коммуникация в интернет-пространстве – основной среде общения детей и подростков. Подрастая, дети снимают *сториз*, участвуют в виртуальных *баттлах*, мечтают получать *лайки* и стать *тиктокерами*. На книжной полке 14-летней девочки преобладает зарубежная литература: Кэт Кроули «Любовь в каждой строчке»; Микки Дотри, Рейчел Липпинкотт «Все это время»; Кэйси Уэст «Расстояние между нами»; Мона Кастон «Начни сначала»; Энн Петцольд «Когда мы мечтаем» и др.

Смартфон, социальные сети, популярные мессенджеры вырабатывают у детей особый словарь, в котором широко распространены заимствования, тогда как русские слова и выражения представлены зачастую в виде обрывочных сокращений. Посылая письменные сообщения, дети не соблюдают правила орфографии и пунктуации, используют (особенно младшие школьники) большое количество эмодзи, составляют письменный текст, в котором каждое слово представляет собой отдельный пост. Таким образом, изменения касаются не только лексики, но и всех уровней языка.

Социальные сети знакомят детей с молодежными кумирами, предоставляют доступ к не самым лучшим моделям поведения «звезд». Проведенный анализ позволяет говорить не только о широком внедрении англоязычных заимствований, в том числе и через современные гаджеты, но и о распространении западного образа мысли, западного восприятия мира. У детей развивается сетевая культура интеллекта.

Такое воздействие может и должно компенсироваться влиянием семьи, родителей, школьного образования, спортивными, музыкальными, художественными увлечениями детей, важно сохранять национальные культурные традиции. Представляется необходимым на государственном уровне заниматься развитием и продвижением отечественной русскоязычной интернет-среды, созданием детских компьютерных игр и программ на русском языке.

Список литературы

1. *Вяткина Л. А.* Самодетельная подростковая пресса в системе средств массовой информации : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 200 с.
2. *Макеева С. Г.* Современные лексические заимствования в контексте бытования культуры русской речи // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1 (Гуманитарные науки), № 4. С. 163–165.
3. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. 5-е изд. М. : Флинта, 2011. 296 с.
4. Mediascope провела исследование аудитории детского интернета // Mediascope. URL: <https://mediascope.net/news/1021394/> (дата обращения: 13.04.2021).
5. *Подгорная Е. А.* Влияние интернет-коммуникации на формирование образов языкового сознания подростка: по данным психолингвистического эксперимента : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 24 с.
6. *Милехина Т. А.* Речевой портрет девочки в возрасте двух лет и восьми месяцев // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2017. Вып. 17. С. 171–180.
7. *Байкулова А. Н.* Повседневная семейно-родственная коммуникация: новая реальность, динамика языковых и культурных процессов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 273–277. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-273-277>
8. *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2017. 376 с.

Поступила в редакцию 13.11.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 13.11.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 30.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 36–41

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 36–41

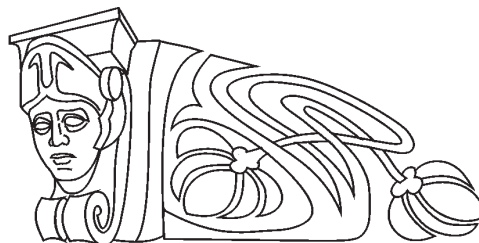
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-36-41>, EDN: JGZUYS

Научная статья

УДК [811.161.1:37](470.44-25)

Опыт создания и использования лингвострановедческих материалов по русскому языку как иностранному (на примере проекта «MULTI_Saratov»)

Е. Н. Малашенкова, О. С. Незнаева ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Малашенкова Елена Николаевна, ассистент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, malashenkova.en@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1880-5571>

Незнаева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, osneznaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4281-3969>

Аннотация. В статье на примере реализованного проекта кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ им. Н. Г. Чернышевского раскрываются возможности использования видеоматериалов лингвокультурологической направленности в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Отмечается, что регионально-локальный материал обеспечивает погружение студентов в новую культурную среду и способствует процессу их адаптации. Авторы описывают этапы реализации проекта, включающие: проведение для студентов, владеющих русским языком на уровне В1 (выбор уровня обусловлен тем, что именно он является обязательным при поступлении в российские вузы на программы бакалавриата), цикла офлайн- и онлайн-экскурсий, тематически связанных с историко-культурным прошлым Саратова; создание на основе этих экскурсий небольших адаптированных видеосюжетов; работу над рабочими листами, сопровождающими каждое видео. При описании процесса создания видеороликов особое внимание уделяется способам обработки материала. Кроме того, в статье рассматриваются принципы разработки рабочих листов, содержащих печатные тексты видео, лексико-грамматическую информацию, а также задания для ее закрепления. По мнению авторов, подобный комплекс дидактических материалов, во-первых, знакомит студентов с историко-культурной жизнью Саратова, во-вторых, способствует формированию и развитию коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика РКИ, лингвострановедение, региональный компонент, аудиовизуальные материалы, работа с текстом

Для цитирования: Малашенкова Е. Н., Незнаева О. С. Опыт создания и использования лингвострановедческих материалов по русскому языку как иностранному (на примере проекта «MULTI_Saratov») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 36–41. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-36-41>, EDN: JGZUYS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

An experience of creating and using linguistic and cultural materials in Russian as a foreign language (On the example of the "MULTI_Saratov" project)

E. N. Malashenkova, O. S. Neznaeva ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Malashenkova, malashenkova.en@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1880-5571>

Olga S. Neznaeva, osneznaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4281-3969>

Abstract. Based on the study conducted by the Department of the Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language, Saratov State University, the possibilities of using linguistic and cultural video materials in the practical aspect of teaching Russian as a foreign language (RFL) are revealed. It is noted that the regional and local materials provide students' immersion in the cultural and historical environment and facilitate the process of their adaptation. The authors describe the stages of the project implementation, which include: conducting a course of offline and online excursions with the themes of the historical and cultural past of Saratov; creating small video clips adapted for foreign students based on these tours; designing worksheets accompanying each video. When describing the process of creating videos, special attention is paid to ways of adapting the material for students whose Russian is at the B1 level. The choice of the level is due to the fact that B1 is required for admission to Russian universities for undergraduate programs. The article also discusses the principles of developing worksheets containing

transcripts of videos, lexical and grammatical information, as well as tasks for its consolidation. The authors believe that such a training kit, firstly, introduces students to the history and culture of Saratov, and, secondly, it promotes the formation and development of communicative competence.

Keywords: Russian as a foreign language, RFL methodology, linguistic and regional studies, regional component, audiovisual materials, text adaptation

For citation: Malashenkova E. N., Nezayeva O. S. An experience of creating and using linguistic and cultural materials in Russian as a foreign language (On the example of the "MULTI_Saratov" project). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 36–41 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-36-41>, EDN: JGZUYS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние годы возрастает количество иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья, обучающихся в вузах Саратова. Изучая русский язык, студенты-инофоны стремятся познакомиться также с национальными традициями, культурой и историей страны изучаемого языка.

О взаимосвязи языка и культуры начали говорить исследователи, занимающиеся методикой обучения русскому как иностранному (далее – РКИ), ещё во второй половине XX в. В частности, основы лингвострановедения были заложены в 1970-х гг. в работах В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина. Ученые показали целесообразность изучения языка через приобщение к национальной культуре [1].

Исследователи сходятся во мнении о важности включения в процесс обучения РКИ не только страноведческой информации, но и информации, связанной с конкретным регионом пребывания студентов-иностранцев (см.: [2–6]). В связи с этим в последние годы особую популярность приобрел лингвокультурологический подход, который способствует привлечению внимания студентов к России (об этом см.: [5]).

Благодаря использованию региональных материалов в практике преподавания РКИ студенты приобретают дополнительную мотивацию для изучения языка, получают возможность лучше адаптироваться в условиях определенного региона России [2], что помогает всестороннему овладению русским языком и формированию коммуникативной компетенции [3].

А. А. Пылкова сравнивает состояние студентов, начинающих жить в России, с «лингвокультурным дайвингом», так как в это время они наиболее активно погружаются в необычную для них социокультурную и языковую среду. По мнению исследователя, использование материалов, содержащих лингвокультурологическую информацию регионального значения, поможет преодолеть культурный шок [2, с. 322]. Приобретенные в процессе освоения региональных материалов знания и умения могут пригодиться в реальных ситуациях взаимодействия студентов с окружающей их языковой средой [6].

Однако, несмотря на признание важности материалов, содержащих региональную инфор-

мацию, способы их применения в практике преподавания РКИ недостаточно разработаны [6]. В частности, информация культурологического характера, которая вводится при обучении, представлена преимущественно общими сведениями о стране: в современных пособиях по русскому языку как иностранному содержатся материалы в основном о самых крупных городах России. Вместе с тем в региональных центрах набирают популярность краеведческие экскурсии, выставки и блоги, но в языковом отношении они слишком трудны для инофонов.

В практике преподавания РКИ существуют разные способы подачи лингвокультурного материала. В последние годы среди преподавателей и студентов особую популярность приобретают видеоматериалы. Это связано с тем, что видеоматериалы:

- помогают развивать навыки аудирования;
- «учат инофонов понимать разговорную речь носителей языка в естественном темпоритме» [7, с. 317];
- «способствуют развитию ... механизмов языковой догадки и вероятностного прогнозирования» [8, с. 244];
- являются материалом для проведения ролевых игр, развития коммуникативной компетенции;
- помогают развивать навыки невербального общения, т.е. понимать и оценивать мимику и жесты;
- влияют на эмоциональное состояние студентов, повышают их мотивацию, помогают преодолеть страх общения вне аудитории, так как обучающиеся видят функционирование языка в реальных ситуациях повседневного общения [8, с. 244–245].

Обзор теоретической литературы свидетельствует о возрастающем интересе к материалам региональной направленности и актуальности применения в практике преподавания РКИ такого инструмента подачи материала, как видео. Как показывает практика, студенты проявляют интерес к подобной тематике, поскольку им важно узнать больше о городе, в котором они учатся.

В связи с этим возникла идея создания сотрудниками кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного ви-

деоматериалов, посвящённых Саратову. Эта идея нашла воплощение в проекте «MULTI_Saratov», который стал победителем конкурса грантовой поддержки гуманитарных исследовательских и проектных инициатив молодёжи имени академика В. Г. Костомарова.

Цель проекта заключалась в популяризации русского языка через погружение в культурно-историческую среду Саратова.

Предполагалось решение следующих задач:

1) знакомство иностранных студентов с Саратовом;

2) создание культурологического контента для преподавателей РКИ;

3) создание привлекательного облика Саратовской области как места для развития туризма;

4) привлечение иностранных абитуриентов для обучения в вузах Саратова.

Целевой аудиторией данного проекта стали иностранные студенты вузов Саратова, будущие абитуриенты, а также преподаватели РКИ.

Отметим, что подобные проекты для изучающих русский язык как иностранный уже есть, например каналы «Твои сибирские каникулы» или «LearnRussian», канал автора учебников «Русский сувенир» и «Новый сувенир» Ирины Мозеловой, но каждый из них концентрирует внимание на самых известных для иностранцев городах России: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Красноярск и др. Однако видеоматериалов, посвящённых городам Поволжья, адресованных иностранной аудитории, практически нет.

Реализация проекта проходила в несколько этапов. Первым этапом стало проведение цикла офлайн- и онлайн-экскурсий, тематически объединённых идеей национального многообразия Саратова. Студенты саратовских вузов посетили экскурсии «Немцы Поволжья», «Вдоль по улице

Цыганской», «От армянской слободы до древнего центра», «Французы в Саратове», «Мусульманский Саратов», «Еврейский Саратов» и др. Всего в наших экскурсиях приняли участие более 200 иностранных студентов.

Следующим этапом стало создание адаптированных для иностранных студентов небольших видеосюжетов на основе проведённых экскурсий. Формат видео, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ. Во-первых, аудиотекст сопровождается визуальным рядом, в связи с чем неправильное восприятие звучащей речи минимизировано. Во-вторых, просмотр и обсуждение коротких аутентичных видео, адаптированных с учётом лексического минимума, наилучшим образом реализует принципы наглядности и коммуникативности в преподавании языка. В-третьих, информация о стране изучаемого языка способствует расширению фоновых знаний учащихся. Наконец, аудиовизуальные материалы позволяют сделать занятия разнообразнее.

В процессе создания видео авторы проекта столкнулись с необходимостью адаптации некоторых фрагментов звучащего текста, поскольку видео представляют собой отрезки живой речи профессионального экскурсовода, которая содержит сложные лексические единицы, отражающие региональные особенности, требующие объяснения (*католики, коренной житель, Поволжье, особняк* и др.).

Считается, что высокая степень понимания лексики достигается путём номинации демонстрируемых объектов [9]. В связи с этим адаптация нашего материала происходила путём создания визуальных субтитров (текст, анимация), синхронно появляющихся на экране в момент произнесения экскурсоводом того или иного слова (рис. 1).

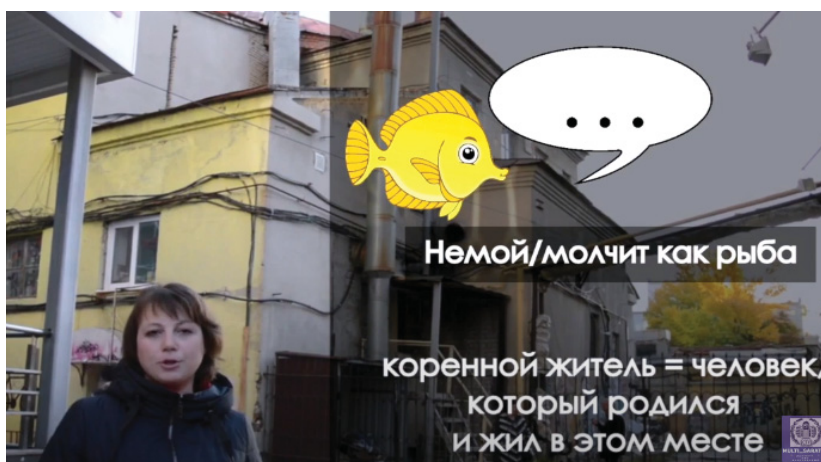

Рис. 1. Пример использования визуальных субтитров

Данный метод адаптации позволяет студентам, с одной стороны, сопоставить услышанное слово с его визуальным обликом, а с другой – сформировать ассоциативные связи, что в целом способствует запоминанию лексем. При адаптации был использован сервис лаборатории Института русского языка им. А. С. Пушкина «Текстометр» (<https://textometr.ru/>), который даёт оценку сложности текста в соответствии с уровнем владения русским языком, помогает найти самые полезные для изучения слова, классифицируя их по лексическим минимумам. Адаптация каждого видео соотносится с уровнем В1.

Под каждым видео были размещены рабочие листы с расшифровкой текста звучащей речи, глоссарием, новыми грамматическими конструкциями, а также с заданиями на их отработку. Этому этапу работы было уделено особое внимание, потому что, по мнению исследователей, наличие подобных сопутствующих материалов способствует лучшему усвоению новой информации, методически составленные задания также являются неотъемлемой частью процесса адаптации текста [10].

Глоссарий представляет собой перечень новых слов, являющихся важными для понимания текста. При описании лексических единиц применялись методы прямого перевода (*атеизм* (только *sing*) = *atheism*), обращения к синонимам (*целостный* = *единый*; *в первую очередь* = *сначала*; *один и тот же* = *одинаковый*), описательного объяснения (*архитектурный ансамбль* (*поуп/т*) = *здания, построенные в одном стиле*; *раненый* (*поуп*) – *раненые* (*pl*) = *человек, который получил травмы на войне*; *начинка* = *то, что находится внутри пирога, конфет, блинов*). Кроме того, отдельные лексемы, вызывающие трудности, сопровождаются грамматической информацией о родовой принадлежности слов (*надпись* (*поуп/f*), *обязанность* (*поуп/f*), *мудрость* (*поуп, f*)). В отдельную группу выделены фразеологические обороты, идиомы, используемые в видеосюжете: *внести свой вклад* (*idiom*) = *активно участвовать в деле*; *быть под гнетом кого-то / чего-то* (*idiom*) = *зависеть от кого-то / чего-то*; *молчать как рыба* = *так говорят о человеке, который не любит разговаривать, долго молчит*.

Грамматические конструкции отобраны с учётом частотности их употребления в речи носителей языка и представлены в виде схемы, показывающей падежное управление. Помимо самой конструкции, приведены примеры её использования в тексте и в живой речи, что способствует лучшему усвоению нового материала. Например:

что? (Nom/1) + сочетаться + с чем? (Instr/5)

• Консерватория сочеталась с общей архитектурой улицы.

• Эти туфли сочетаются с сумкой.

кто? / что? (Nom/1) + напоминать – напомнить + кого? / что? (Acc/4)

• Консерватория напоминает средневековый замок

• Ты напоминаешь мне мою маму.

жаловаться – пожаловаться + кому? (Dat/3) + на кого? / на что? (Acc/4)

• Горожане жаловались на невыносимый запах.

• Мой дедушка вчера пожаловался мне на соседа, который включал громкую музыку.

После лексико-грамматической информации в рабочем листе представлен видеоскрипт с расстановкой ударения, что помогает студентам увидеть прослушанный текст, правильно прочитать его и снять возникшие лексические и акцентологические трудности.

Далее предложены языковые, речевые и коммуникативные задания, преследующие различные цели: понимание смысла текста, отработка нового лексико-грамматического материала и другие, например:

Упражнение 1. Скажи, в каких предложениях информация соответствует содержанию текста.

1. Екатерина I дала иностранцам поручение вспахать земли в Поволжье.

2. Шмидтов в Саратове было много.

3. У Шмидтов было много мельниц в Поволжье.

4. Из муки Шмидтов готовили булочки для английской королевы.

5. Шмидты и Кузнецовы – это разные фамилии.

6. Особняк Шмидтов назывался «Семейная радость».

7. Символ семейного счастья – целующиеся люди.

8. Шмидты собирались и пили любимый кофе раз в два месяца.

Упражнение 2. Составь предложения по схемам. Используй разные формы глаголов.

1. Основать + что? + когда? + где? + благодаря кому?

2. Погибать + где? + когда?

3. Эвакуировать + кого? + куда? + когда? + на сколько?

4. Принадлежать + кому? + когда?

5. Пригласить + кого? + куда? + для чего?

6. Работать + где? + кем? + когда? + с кем?

7. Читать + что? + кому? + с кем? + где? + о чём?

Кроме того, сервис «Текстометр» позволяет определить грамматические темы, на которые в тексте можно найти наибольшее количество примеров. Одно из заданий в рабочем листе посвящено такой теме. Например:

Упражнение 3. Повтори причастия. Замени конструкцию со словом «который» причастием в полной форме.

Модель: *Это Соборная мечеть, которую построили в 2005 году* = *Это мечеть, построенная в 2005 году.*

1. Это комплекс, который удовлетворяет потребности религиозных людей –
2. Мы находимся в мечети, которая вмещает 3500 человек –
3. Нельзя не восхищаться этими стенами, которые украшены картинами –
4. Здесь можно встретить представителей разных национальностей, которые приходят сюда, чтобы молиться –
5. На этой картине, которую подарил художник, мы видим Каабу –
6. Мы знаем человека, который говорит на арабском языке –

Последнее упражнение в рабочем листе представляет собой коммуникативное задание, в котором студентам предлагаются темы для обсуждения, ситуации для составления диалогов, ролевые игры, проектная деятельность и др. Этот компонент рабочего листа позволяет активизи-

ровать коммуникативные навыки студентов и закрепить пройденный лексико-грамматический материал, например:

- **Сделай презентацию!** Расскажи: Какие храмы, церкви, мечети есть в твоём родном городе? Когда они построены? Какое название получили? Чем украшены? Покажи фотографии.

- **Работа в парах.** Используй карту студенческого кампуса (рис. 2), спрашивай и отвечай. Используй глаголы движения: *Как добраться до ... ? Как найти ... ? Где здесь ... ? Где находится ... ? Как пройти к ... ?*

- Сейчас в доме Борелей находится ЗАГС, туда приходят люди, чтобы зарегистрировать брак. Напиши / расскажи, как и где люди женятся в твоей стране.

Помимо рабочего листа, каждое видео сопровождается ссылкой на интерактивное задание (викторина, анаграмма, филворд и др.), созданное на одном из сервисов (LerningApps, WordWall, Qwizz). Такие упражнения могут быть даны как домашнее задание или использоваться на уроке в качестве игрового компонента. Это, на наш взгляд, помогает поддерживать интерес студентов.

В описании видео можно найти геометку, указывающую на местоположение того или иного городского объекта, чтобы слушающий мог найти его в пространстве города.

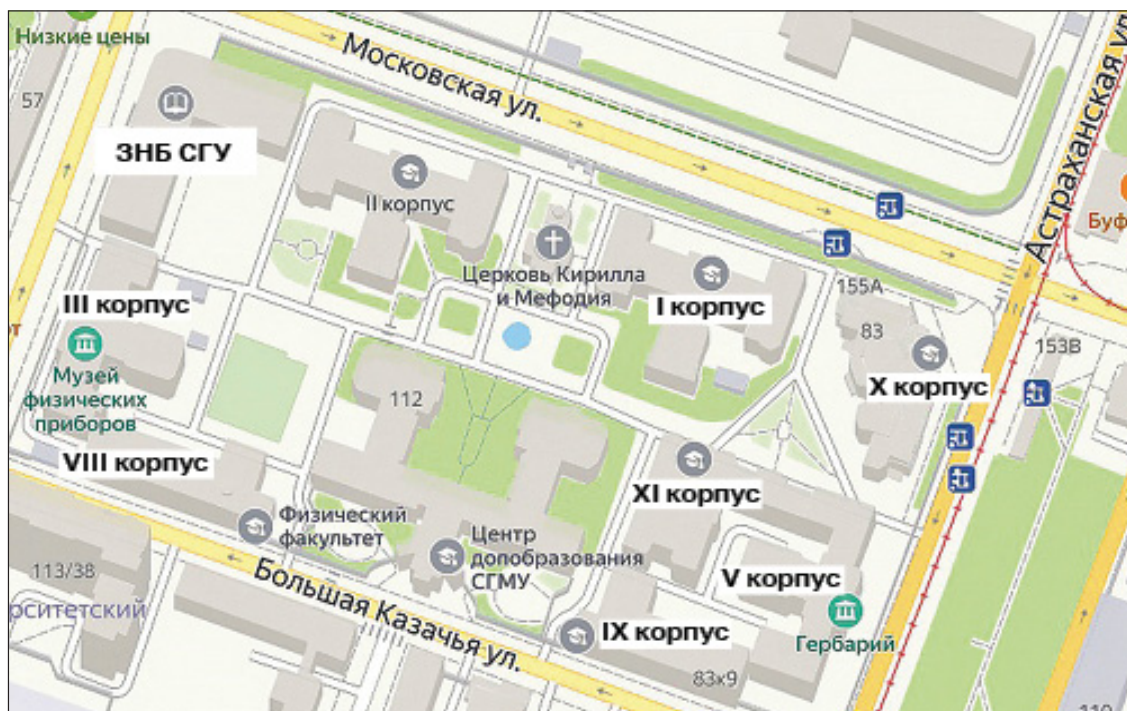

Рис. 2. Карта студенческого кампуса (цвет online)

Видео и рабочие листы студенты могут использовать как во время самостоятельной работы, так и работая с преподавателем. Предложенные материалы были апробированы на уроках РКИ в группах студентов ближнего и дальнего зарубежья в СГУ им. Н. Г. Чернышевского, использовались в качестве дополнительных материалов, отражающих культуру и историю Саратова. Кроме того, авторы поделились своими методическими разработками в различных профессиональных интернет-сообществах преподавателей РКИ и получили положительные отзывы от студентов и коллег из разных городов и стран.

В процессе тестирования проекта возникли дискуссионные вопросы. Во-первых, поскольку речь идет о сложных исторических и культурных реалиях, зачастую используются термины, не включенные в лексический минимум уровня В1 (*купец, мукомол*). Возникает вопрос о целесообразности таких включений. На наш взгляд, они необходимы для полноценного понимания исторической ситуации, особенно для студентов гуманитарных специальностей, однако не используются в повседневной коммуникации. Во-вторых, темп речи профессионального экскурсовода, не работающего с иностранной аудиторией, кажется иногда слишком высоким и, следовательно, трудным для восприятия. Однако аутентичных материалов для студентов продвинутой уровневой недостаточно, поэтому подобные видео можно использовать для развития навыков аудирования. В видео представлен преимущественно публицистический стиль речи с элементами разговорного, активно используются идиомы, эллиптические конструкции. Разбор таких материалов, на наш взгляд, полезен для адаптации студентов в языковой среде.

К перспективам развития данного проекта относим разработку материалов лингвокультурологической направленности о Саратове для студентов с уровнем владения языком А1-А2, а также расширение тематики видео (представляется возможным рассказать об известных людях региона, национальной кухне и др.).

Список литературы

1. *Верещагин Е., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с. (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).
2. *Пылкова А. А.* Обучение русскому языку как иностранному на довузовском этапе с использованием регионального компонента (на основе ономастического материала Хабаровска и аутентичных текстов дальневосточных авторов) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13, № 5. С. 320–327. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.63>
3. *Анисимова И. Н., Петрова О. А.* О важности краеведческих знаний при обучении русскому языку как иностранному (из опыта использования элементарного лингвокраеведческого материала в преподавании русского языка слушателям подготовительного отделения Чувашского государственного университета) // *Вестник Чувашского университета*. 2015. № 4. С. 223–227.
4. *Громова Л. Г.* Роль регионального лингвокультурного потенциала при формировании межкультурной компетенции иностранных студентов-филологов // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе»* (г. Сочи, 1–2 ноября 2014 г.). СПб.: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2014. С. 36–41.
5. *Башарова Н. Ф., Фархетдинова Г. Д.* Региональный компонент в преподавании русского языка как иностранного // *Казанский педагогический журнал*. 2018. № 1 (126). С. 99–103
6. *Пушко О. К.* Региональный аспект лингвострановедения в преподавании РКИ // *Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур: материалы Междунар. форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой»* (г. Хабаровск, 16–17 ноября 2016 г.). Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2016. С. 325–329.
7. *Юдина Т. М.* Аутентичные региональные видеоматериалы в практике обучения русскому как иностранному // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 72-1. С. 316–319.
8. *Самчик Н. Н.* Применение аутентичных видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: практический аспект // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 244–246. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0061>
9. *Шатохина С. А., Веренич Т. К., Вязовикина О. В., Срмакян В. С.* Адаптация текстов в системе обучения русскому языку как иностранному (на материале онлайн-курса «Твои сибирские каникулы») // *Казанская наука*, 2019. № 9. С. 65–67.
10. *Брыгина А. В., Зорина Г. С.* Художественный текст при обучении РКИ студентов-нефилологов на начальном этапе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2010. № 2. С. 79–84.

Поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 30.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 42–47

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 42–47

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-42-47>, EDN: IPLMLA

Article

The linguistic and cultural aspects of color meanings in the language picture of the world (Based on the material of English and Russian languages)

A. A. Zارايسкий

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Alexandr A. Zارايسкий, az61@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6928-713X>

Abstract. The study of the color picture of the world is of interest in the linguistic and cultural aspect, since color is one of the most important means of emotional impact on the reader, color meanings express the author's view of the world, and are also important for constructing a national picture of the world. There are some patterns that link color values in different cultures of the world. It is worth noting that there are differences in color symbols in different languages. It depends on the historical past of the people, its geographical location, etc. Despite this, we trace some similarities using examples of phraseological units with elements of color designations. An important factor is that color has a psychophysiological effect on a person. In Russian and English, "red" has a positive connotation to a greater extent. This is their common feature, although in both languages there are more or less negative characteristics of this color. The similarity can also be seen in phraseological units with the color component. There are quite a lot of equivalents in both Russian and English. Along with the common symbolic features that still prevail, there are also distinctive features that are associated with Russian and English history and culture.

Keywords: color picture, language picture of the world, color symbols, color designations, color meanings

For citation: Zارايسкий A. A. The linguistic and cultural aspects of color meanings in the language picture of the world (Based on the material of English and Russian languages). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 42–47. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-42-47>, EDN: IPLMLA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 811.161.1'23'27+811.111'23'27

Лингвокультурный аспект цветообозначений в языковой картине мира (на материале английского и русского языков)

A. A. Зараиский

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Зараиский Александр Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, az61@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6928-713X>

Аннотация. Изучение цветовой картины мира представляет интерес в лингвокультурном аспекте, поскольку цвет является одним из важнейших средств эмоционального воздействия на читателя, цветовые значения выражают авторский взгляд на мир, а также важны для построения национальной картины мира. Имеются некоторые закономерности, которые связывают значения цвета в разных культурах мира. Стоит отметить, что существуют различия в цветовых обозначениях на разных языках. Это зависит от исторического прошлого народа, его географического положения и т.д. Несмотря на это, мы прослеживаем некоторые сходства, используя примеры фразеологических единиц с элементами цветовых обозначений. Важным фактором является то, что цвет оказывает психофизиологическое воздействие на человека. В русском и английском языках слово «красный» в большей степени имеет положительную коннотацию. Это их общая черта, хотя в обоих языках есть более или менее отрицательные характеристики этого цвета. Сходство можно увидеть и во фразеологизмах с цветовым компонентом. Существует довольно много эквивалентов как в русском, так и в английском языках. Наряду с общими символическими чертами, которые все еще преобладают, существуют также отличительные черты, связанные с русской и английской историей и культурой.

Ключевые слова: цветровая картина, языковая картина мира, цветовые символы, цветовые обозначения, цветовые значения

Для цитирования: Zارايسкий A. A. The linguistic and cultural aspects of color meanings in the language picture of the world (Based on the material of English and Russian languages) [Зараиский A. A. Лингвокультурный аспект цветообозначений в языковой картине мира (на материале английского и русского языков)]. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 42–47. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-42-47>, EDN: IPLMLA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

In the modern world, the number of color names is constantly increasing. Researchers in the field of philosophy, linguistics, ethnology, psychology, linguistics, as well as disciplines close to them, for example, ethnolinguistics and psychosemantics have long been interested in the problems of color. Despite the large number of works related to this topic, the issues of coloratives remain relevant.

The ability to distinguish colors is of great importance for human visual perception. Color has always been of great importance because of its close connection with the general philosophical and aesthetic understanding of the world. Color gives us the opportunity to evaluate the world around us. The problem of studying color perception through the prism of linguistic facts became more relevant due to the awareness of the need to study the language picture of the world, which reflects precisely our understanding of reality.

However, each individual nationality sees the world around in its own way, depending on its national culture and mentality. In this context, we can talk about the existence of certain concepts (“representations”) that are displayed primarily in the language. Such studies will help to understand more deeply the peculiarity of the worldview of different nations.

The main problem for linguists is to study color in the context of the world picture. The color spectrum may be divided in different ways which is explained by peculiarities of higher nervous activity. The concepts of colors, the words expressing these concepts, the relationship between concepts and words depend on different systems. Such understanding of colors is considered to be universal and is found out even if there are no names for the corresponding color shades [1].

The experiment conducted by B. Berlin and Kay on the basis of 20 languages from different language groups, they were able to identify 11 basic colors for all selected languages (white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, gray).

Color designation of concepts, words and connections between them makes a basis for differences in cultures: “Culture is a meaning-bearing and meaning-transmitting aspect of human practice and its results, a symbolic dimension of social events that allows individuals to live in a special life world that they all more or less understand, and perform actions whose character is understood by everyone else” [2, p. 41].

Following the ideas of A. T. Khrolenko we may state that “culture is a world of meanings” and colors are also considered as meanings. The national culture includes a color language of a person and a “color consciousness” [3, p. 59]. Despite the fact that the per-

ception of a particular color by different people has a universal character, unconscious relations between individual colors and certain images may be found out. “Social stereotypes and ethnopsychological features are imposed on the “physiological” meaning of color, thereby causing certain associations characteristic only of this linguistic community” [4, p. 5].

If we analyze “red”, we will see that in different countries and in different cultures it has different meaning. The same concerns the white color in the countries of the East and Continental Europe. Main colors are limited by such names as white, black, red, blue, green, yellow and purple. Actually, it is culture that helps us to define the number of main colors. In practice it seems to be a rather difficult task to classify different colors as basic ones.

R. M. Frumkina proves that an ordinary native speaker has a naive picture of existing colors. This fact is fixed through language but the process of fixation as well as the relations arising are not realized by the speaker. “They are not realized by the speaker precisely because they are already fixed in the language of which he is the bearer, and the “naive picture of the world of color” turns out to be one of the elements of the naive picture of the world as a whole, manifested through language” [5, p. 175].

T. A. Mikhailova believes that it is impossible to expect a strict identity of color paintings of different people, not in contact with each other and at different stages of their development [6, p. 120].

Dealing with the developed culture, we can observe the expansion of monochromatic colors although the number of basic color meanings is extremely small: in the most developed languages there are usually eleven, in Russian – twelve.

It is rather interesting that the symbolic meaning of colors within the same linguistic culture is not the same. Color associations depend not only on a socio-cultural nature but on a perceptual (emotional, sensual) one as well. So, we can divide colors into cold, warm and even hot. In addition, color designations can cause different taste associations: they can be *sour and sweet, bitter and salty*.

Besides the visual forms of the color symbol, there are also language and speech symbols – stable expressions with the “color” seme (“to be blue in face” and “to be black in face” in the English language and “to turn purple with anger” in the Russian language).

Thus, color is perceived as an almost universal unit of language that everyone understands. Each individual nation has its own correspondences between individual colors and certain images, despite the relative universality of the perception of a particular color by all people.

In all languages, color has certain symbolism. The symbolism of color in the language picture of the world is very ambiguous. For each individual people, color has its own specific meaning. According to V. G. Gak, “even such an objective feeling, common to all people, as color, is reflected differently in different languages, the names of colors make up a complex system in each language, and the systems of different languages show significant discrepancies” [7, p. 198].

Color designations are often used in phraseology, as in Russian, for example, red like a tomato, turn green with envy, blue blood, and in English – blue collar, be green with envy, white as snow. There are also absolute phraseological equivalents, such as, dark horse – темная лошадка, see through rose-colored glasses – look through rose-colored glasses, get the green light – give green light. The concept of «color» also acts as an epithet – green longing, red maiden, golden autumn. Such a stylistic device in combination with a color designation allows you to characterize the subject especially vividly and figuratively.

All of the above mentioned indicates that color has a special stylistic expressive potential and is a part of the language, and is also able to exert a psychophysiological influence on a person.

Studying the verbalization of color perception, color meanings are divided by linguists into classifications. For example, A. A. Bragina believes that colors are divided into: basic (absolute); shade.

Absolute color names, in turn, are divided into: chromatic, which are called the seven colors of the rainbow spectrum; achromatic (white, gray, black) [8]. All other color designations are shade-based and differ in the way the shades are transmitted.

There is a group of color designations that convey shades of color analytically. Among them are color adjectives:

- a) secondary nomination (lilac, milk);
- b) not having a clearly traceable etymology (brown, scarlet);
- c) having limited compatibility (light brown, brown, bay);
- d) borrowed color designations (solferino, indigo);
- e) terminological units (cobalt, ultramarine);
- f) neologisms and archaisms (pepsinium, cubic, smaragdum);
- g) occasionalisms (blackness).

According to I. V. Makeenko, there is also a group of shade color designations that clarify the color shades:

- a) complex, with formants bright, light, dark, tender, etc., clarifying the intensity of coloring;

- b) two-part color designations, which are called mixed colors or multicolored objects: yellow-green, blue-white, etc. [9, p. 15].

In addition, structurally complex (genetic) color designations (honey color, sea wave color) and comparative turns (like poppy color), usually located on the periphery of the color microfield, are also distinguished.

When describing color meanings, linguists face many problems. The main one is the problem of classification of color adjectives. Most researchers use the classification of color values by the name of the colors of the rainbow spectrum: *red, orange, yellow, green, cyan and blue* (often they are combined into one class), purple. To chromatic colors are added the designations of three achromatic colors (*white, gray, black*). In addition to abstract color designations representing the semantic center of the paradigm, it also includes genitive phrases (*the color of blood with milk*) and models formed according to the principle of regular polysemy (“related to X, similar in color to X”: *lead, crimson, etc.*) Color designations formed with the help of different modifiers and qualifiers belong to a separate group, which indicate shades, texture, etc. (*spring green, clay yellow*).

Coloratives are classified according to the most diverse criteria.

1. According to the structural feature of the color name, simple (*red, blue, black*) and complex (*sky-colored, caramel-colored*) can be distinguished. English color designations are formed by combining two colors (*melon-pink, oil-black*), as well as by specifying the subject using the model “color of...” or “... – colored” (*color of the cement, color of sand, straw-colored, off-color*). One of the most productive ways to form color designations is to transfer the color of the object to the name. This method is often used by the authors of explanatory dictionaries: *milky* adj. 1 the colour of milk, *honey* adj. 1 the colour of honey [10, p. 246].

A. V. Vassilevich identifies 10 categories, according to which such adjectives can be grouped by subject areas that are part of them: 1) inanimate nature – *sky-blue, ash-grey*; 2) flora – foliage green, *mossgreen*; 3) fauna – *canary yellow, camel, dove*; 4) fruits and vegetables – *limegreen, caroty, olive*; 5) food products – *coffeebrown, milky, bordeaux, honey*; 6) flowers – *oldrose, hyacinth*; 7) precious stones, metals – *golden, rubyred, pearl*; 8) products of human activity – *bottlegreen, brickred, slate*; 9) dyes – *indigo, carmine*; 10) words with complex etymology – *Sistine, Oxfordblue, Rome purple* [11, p. 40].

A productive way of word formation in English is the use of modifier words: bright, dark, deep, dirty, dull, light, mat, moderate, pale, pastel, shocking, soft, virulent, vivid, etc. The choice of the “modifier +

color designation” model is determined by two factors: first, some modifiers have narrow compatibility, for example, shocking is combined only with pink; virulent – only with red; secondly, modifiers in 90% of cases are combined with color values that are part of the “basic” group.

2. Stylistic classification. Coloratives can have different stylistic coloring: most of them can be classified as words with neutral coloring (*red*), others – with negative coloring (*blood-red*), others – to poetic vocabulary (*cerise*), the fourth – to colloquial (*brick*).

3. According to the presence or absence of motivation, adjectives of color are classified on motivated adjectives and names that have lost motivation. There are 11 basic colors, and in total, according to A. P. Vassilevich, there are more than two thousand.

One of the most popular and common colors in the Russian language is red. This color designation has an equally important role in the English language consciousness. Since ancient times, the color red has aroused special interest among people. In Russia, the red color was attributed magical, protective properties, which allowed it to be used as a talisman. Moreover, in the XIX century, it was customary for peasants to dress the bride in a red wedding dress. In Russian, red meant – light, bright, good, beautiful, valuable. Red was perceived as a joyful, beautiful, cheerful color. In addition, this color symbolizes not only beauty, but also the harmony inherent in man and things.

This color occupies a special place in the history of Russia, since domestic flags have always been red. Red is the color of revolution. Many perceive this color as forbidding, due to well-rooted associations – *a red traffic light, a red rag for a bull*.

In Russian, it also symbolizes high activity, aggression. In English-speaking culture, red is no less

important than in Russian. Initially, “red” means pain, anger, blood, war and death. For example, the word “bloody” realizes its meaning in such a phraseological unit as: *as red as blood – blood-red*; some expressing anger: *to be like a red rag to a bull* – to be likely to cause uncontrollable anger.

“Red” is also the color of love, health and manhood. The concept of red as a color goes back to something beautiful and pleasant. For example, *as red as a rose* – beautiful, attractive. The red color may reflect a symbol of fun and enjoyment: *to paint the town red* – to go and have an extremely good time. In England, red has always been popular. So it remains to this day. They adore this bright color, as red buses, telephone booths, and soldiers’ uniforms convince us. Even the national emblem of England, which dates back to the time of the Lancastrians, is a scarlet rose. The British consider red a symbol of vitality, youth, physical strength, joy and celebration. In the perception of the British, it expresses exclusively positive emotions. “Red letter day” means “public holiday”, such days are marked in red in the calendar.

Thus, the red color in Russian culture, as well as in English, carries not only an aesthetic function, but also has a great temporary tradition in the interpretation of politics, power, freedom, the state, morality and religion. In both cultures, the semantics of red is the same. In general, both Russian and English the color designation “red” has a positive connotation. However, there are also some differences in symbolic definitions, which are more based on the historical past of languages.

As shown in Table, in the languages studied, there is a parallel between some phraseological units with components of color designation. We chose the semantic field “Red” as the color under study, since this color is basic and has a rich symbolism.

Table. Comparison of lexical units with components of color designation

Negative connotation		Positive connotation	
English	Russian	English	Russian
To be like a red rag to a bull	Быть как красная тряпка для быка	Red letter day	Красный день в календаре
As red as blood	Кроваво-красный	As red as a rose	Прекрасна, как роза
		Get the green light	Дать зеленый свет
		See through rose-coloured glasses	Смотреть сквозь розовые очки

Based on the cosmetic catalog, which was taken as the material under study, 329 color values were identified in Russian and English. According to this study, all examples (except one) in English consist

of complex color values, and in Russian complex ones are 97 units, and simple ones are 22.

Examples of color designations in English were divided into the following categories:

4 color designations belonging to the category “inanimate nature”: *Electric Pink, Eternal Flame*. 10 units corresponding to the “flora” category: *Coral Charisma, Coral Ideal, Pearly Coral, Shimmering Coral, Soft Coral, Coral Craze*; not a single example was assigned to the “fauna” category; 26 color values included in the category “fruits and vegetables”. Garnet attraction is one of the most interesting examples, since “*Garnet*” in Russian means not only “dark red”, but also “*garnet*”. However, for the Russian version of the catalog, the translators have chosen the definition of “*lingonberry*” for this shade.

Of course, the study of the color picture of the world is of interest in the linguistic and cultural aspect, since color is one of the most important means of emotional impact on the reader, color meanings express the author’s view of the world, and are also important for constructing a national picture of the world.

According to research, there are 11 basic colors (but in Russian there are 12 because there are 2 designations for the color “blue” – “blue” and “dark blue”). There are also some patterns that link color values in different cultures of the world. It is worth noting that there are differences in color symbols in different languages. It depends on the historical past of the people, its geographical location, etc. Despite this, we trace some similarities using examples of phraseological units with elements of color designations. An important factor is that color has a psychophysiological effect on a person.

Our goal is to study color meanings in the linguistic picture of the world. This was done based on the material, which was the cosmetic catalog “Oriflame”. To begin with, the task was performed to identify terminological and nominative aspects in the study of color designations. We chose “color designation” as the term used, because it is quite capacious and includes various ways of word formation.

It was interesting to find out that in Russian and English, the color red has a positive connotation to a greater extent. This is their common feature, although in both languages there are more or less negative characteristics of this color. The similarity can also be seen in phraseological units with the color component. There are quite a lot of equivalents in both Russian and English. Along with the common symbolic features that still prevail, there are also distinctive features that are associated with Russian and English history and culture.

The next task was the classification of color values. In this paper, several classifications are presented, but it was the classification of A. V. Vassilevich that was taken as the basis, since it

includes the largest number of categories that are interesting from the point of view of linguistics. In total, 238 color values were found in Russian and English. In the course of the study, it became clear that some color values do not fit any classification group. In this regard, such adjectives have been allocated to a separate category, which surpasses all other categories in number. This applies to both English and Russian languages.

The study showed that the color values in English and Russian are different. This is due to the different worldviews of the two cultures. Therefore, in English, color designations are more figurative and abstract, some of them are based on fictional objects, and in Russian colors are called, guided by our taste, tactile sensations, etc., in other words, they are based on the perception of our senses. Accordingly, color designations in Russian are close to the perception of a Russian-speaking person.

Despite this, we can say that the color naming of the same color in English and Russian, in some cases, coincides. Modifiers are used more often in English than in Russian. This is another distinctive feature. Speaking about the general features in the color values of the two languages under study, we can add that the coloratives are stylistically neutral, do not have a negative connotation, and are also not motivated.

Thus, we can say that color meanings play an important role in the linguistic picture of the world, and different peoples have common symbolic characteristics of individual colors, which convinces us of the similarity of understanding and perception of some color meanings.

References

1. Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkley, Los Angeles, University California Press, 1969. 178 p.
2. Khrolenko A. *Osnovy lingvokul'turologii* [Fundamentals of Linguoculturology]. Moscow, Flinta Publ., 2004. 184 p. (in Russian).
3. Nalimov V. *V poiskakh inykh smyslov* [In Search of Other Meanings]. Moscow, Progress Publ., 1993. 280 p. (in Russian).
4. Rogulina E. *National Cultural Semantics of Color in Spanish Phraseology*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2006. 20 p. (in Russian).
5. Frumkina R. *Tsvet, smysl, skhodstvo: Aspekty psikholingvisticheskogo analiza* [Color, Meaning, Similarity: Aspects of Psycholinguistic Analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 176 p. (in Russian).
6. Mikhailova T. “Red” in the Irish language: The Concept and Ways of its Expression. *Issues of Linguistics*, 1991, no. 6, pp. 118–128 (in Russian).

7. Gak V. *Sopostavitel'naya leksikologiya: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative Lexicology: Based on the Material of French and Russian Languages]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1977. 264 p. (in Russian).
8. Bragina A. Color definitions and formation of new meanings of words and phrases In: S. G. Barkhudarov, A. A. Bradina (eds.) *Leksikologiya i leksikografiya* [Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 73–104 (in Russian).
9. Makeenko I. *Semantics of Color in Different Structural Languages (Universal and National)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 1999. 20 p. (in Russian).
10. *Collins COBUILD Dictionary of Idioms*. London, Harper Collins Publisher, The University of Birmingham, 1997. 493 p.
11. Vasilevich A. *Issledovaniya leksiki vpsikholingvisticheskom eksperimente: na materiale tsvetooboznacheniy v yazykakh raznykh sistem* [Studies of Vocabulary in a Psycholinguistic Experiment: Based on the Material of Color Meanings in Languages of Different Systems]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 138 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 05.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 30.11.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 48–54

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 48–54

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-48-54>

EDN: IRYGVE

Научная статья

УДК [821.133.1.09-22:821.161.1.09]19]+929Мольер

Российское литературоведение XX века о комедии Мольера «Мизантроп»

С. Ю. Павлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, pavlovasy@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7870-2772>

Аннотация. В статье рассматривается рецепция комедии Ж.-Б. Мольера «Мизантроп» (1666) российскими литературоведами XX в., отраженная в монографиях, академических изданиях, учебниках, статьях и научном аппарате к полным собраниям сочинений великого французского драматурга. Причина настойчивого интереса к этой пьесе определяется двумя важнейшими факторами: ее неоднозначностью и влиянием на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума». Прослеживается трансформация оценок исследователей, начиная с дореволюционного периода и заканчивая работами последних лет. Утверждается, что рецепция «Мизантропа» во многом восходит к идеям основоположника русской мольеристики А. Н. Веселовского. Будучи полемически восприняты ближайшими последователями ученого, они приняли идеологическую окраску в трудах советских исследователей 1930–1940-х гг., затем оказались в фокусе внимания литературоведов середины века и получили дальнейшее развитие в работах рубежа XX–XXI вв. Обращаясь к «Мизантропу», российские специалисты по французской литературе XVII столетия концентрируются на специфике комического, биографической основе пьесы, системе образов, прототипах главного героя и сущности его конфликта с обществом. В центре их внимания неизменно стоит проблема авторской позиции и вопрос о том, на чьей стороне Мольер – Альцеста или Филанта. Проведенный анализ показывает движение исследовательской мысли от биографической и общественно-политической трактовки комедии «Мизантроп» до переориентации на этические проблемы. Представляется, что при всей важности этих аспектов, безусловно, значимых для осмысления пьесы, более адекватному ее восприятию будет способствовать культурологический подход, характерный для французского литературоведения и базирующийся на новейших исследованиях галантной эпохи.

Ключевые слова: Мольер, комедия «Мизантроп», российское литературоведение XX века, рецепция

Для цитирования: Павлова С. Ю. Российское литературоведение XX века о комедии Мольера «Мизантроп» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 48–54. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-48-54>, EDN: IRYGVE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

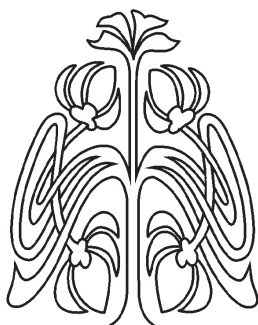
Russian literary criticism of the 20th century on Moliere's comedy "The Misanthrope"

S. Yu. Pavlova

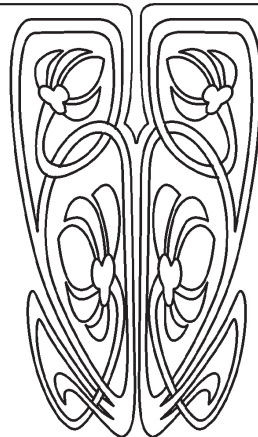
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana Yu. Pavlova, pavlovasy@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7870-2772>

© Павлова С. Ю., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The article addresses the reception of J.-B. Moliere's comedy "The Misanthrope" (1666) by the Russian literary critics of the 20th century, reflected in monographs, academic publications, textbook, articles and the scientific apparatus to the complete works of the great French playwright. The reason of this persistent interest to this play is determined by two essential factors: its ambiguity and its influence on A. S. Griboyedov's comedy "Woe from Wit". The author of the article traces the transformation of the researchers' evaluations, ranging from the pre-revolutionary period and up to the latest reviews. It is stated that the reception of "The Misanthrope" can be generally traced back to the ideas of A. N. Veselovsky, the founder of the Russian studies of Moliere. Having been perceived controversially by the closest followers of the scientist, they became ideological in the works of the Soviet researchers of the 1930–1940s, then they were in the focus of attention of the literary critics of the middle of the century and were further developed in the studies of the turn of the 20th – 21st centuries. Addressing "The Misanthrope", the Russian researchers of the French literature of the 17th century focus on the distinguishing features of the comic, on the biographical basis of the play, on the system of images, prototypes of the main character and the essence of his conflict with the society. They invariably concentrate on the issue of the author's viewpoint, and on the question of who Moliere sides with – Alceste or Philinte. The carried-out analysis shows that the research thought has changed from the biographical, social and political interpretation of the comedy "The Misanthrope" to refocusing on ethical issues. It appears that, despite the importance of all of these aspects, clearly significant for the comprehension of the play, a cultural studies approach, characteristic for the French literary studies and based on the most recent studies of the gallant epoch, will facilitate a more sensible perception of the play.

Keywords: Moliere, comedy "The Misanthrope", the Russian literary criticism of the 20th century, reception

For citation: Pavlova S. Yu. Russian literary criticism of the 20th century on Moliere's comedy "The Misanthrope". *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 48–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-48-54>, EDN: IRYGVE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В творчестве классика французской литературы, великого комедиографа Жан-Батиста Мольера (1622–1671) «Мизантроп» (1666) занимает особое место. Эта комедия воспринимается как самое личное и вместе с тем неоднозначное произведение, споры о котором идут вот уже свыше трех столетий. История ее осмысления российскими литературоведами служит тому подтверждением.

Наиболее авторитетные издания комедии «Мизантроп» в России представлены в полных собраниях сочинений Мольера. В XX в. их было опубликовано пять. Два появились в дореволюционный период в Санкт-Петербурге. Это четырехтомник 1910 г., напечатанный в издательском товариществе А. Ф. Маркса под редакцией П. И. Вейнберга и П. В. Быкова, с критико-биографическим очерком Е. В. Аничкова [1]. Он был переиздан в качестве приложения к журналу «Нива» за 1913 г. (№ 1–10). Примерно тогда же, в 1912–1913 гг., в серии «Библиотека великих писателей» под общей редакцией С. А. Венгерова, которую выпускало издательство «Брокгауз-Эфрон», вышел полный двухтомник Мольера с предисловием академика А. Н. Веселовского и примечаниями Ю. А. Веселовского [2]. Многие пьесы этого издания сопровождались исследовательскими этюдами, авторами которых стали отец и сын Веселовские, Е. В. Аничков, Ф. Батюшков, В. Брюсов, П. Морозов.

В советский период первое полное собрание сочинений Мольера в четырех томах публиковалось с 1935 по 1939 г. в московско-ленинградском издательстве «Academia». Его редактировали А. А. Смирнов и С. С. Мокульский, последний также стал автором вступительной статьи к многотомнику, комментирование осуществили А. А. Смирнов и Б. М. Энгельгардт

[3]. Это собрание было переиздано в 1994–1995 гг. московским издательством «Терра» [4]. Еще два полных собрания мольеровских пьес и стихотворений вышли во второй половине XX в. Первое, четырехтомное, издавалось с 1965 по 1967 г. со вступительной статьей и комментариями Г. Н. Бояджиева [5]. Второе появилось спустя двадцать лет, в 1985–1987 гг. Это трехтомное издание сопровождалось вступительной статьей Ю. А. Гинзбург и С. И. Великовского, комментариями Г. Н. Бояджиева. Переводы пьес редактировал Н. М. Любимов [6].

В полных собраниях сочинений Мольера, вышедших в XX в., комедия «Мизантроп» публиковалась в переводах В. С. Курочкина (1910), Н. А. Холодковского (1912–1913), М. Е. Левберг (1935–1939) и дважды Т. Л. Щепкиной-Куперник (1965–1967, 1985–1987). Кроме того, она вышла в переводе М. Донского (1986) и уже в XXI в. – В. М. Мультигули (2009). Если добавить к этому перечню самые ранние русские тексты «Мизантропа» (прозаические И. П. Елагина, 1788, Медведева, 1899, М. И. Полтавского, 1899, К. Щероцкого?, 1903, и стихотворные Ф. Кошкина, 1816, Л. Поливанова, 1893), то можно заключить, что читателю XX в. было доступно двенадцать переводов мольеровской комедии, большинство из которых – восемь – были выполнены в дореволюционный период, три – в советский и один – в постсоветский.

Однако большое количество переводов отнюдь не означает, что «Мизантропа» можно отнести к числу наиболее популярных мольеровских комедий в России рассматриваемого периода. Он явно не входил в число приоритетных пьес советского репертуара, где доминировали такие комедии французского драматурга, в которых смех легко переходил в сатиру: «Дон Жуан»,

«Лекарь поневоле», «Скупой», «Мещанин во дворянстве», «Плутни Скапена» и, конечно, «Тартюф» (см.: [7]). Последняя из названных комедий является самой востребованной, и число ее переводов превышает десяток, как и в случае с «Мизантропом».

Впрочем, популярность «Мизантропа» у русских переводчиков имеет другие причины. Главная из них связана с его влиянием на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума». Напомним, что параллель между двумя пьесами впервые была обозначена М. А. Дмитриевым в статье для «Вестника Европы» 1825 г., а затем, спустя полвека, обоснована и детально рассмотрена А. Н. Веселовским [8]. В XX в. сопоставительное изучение двух комедий продолжил Н. К. Пиксанов в специально посвященной этому вопросу монографии [9]. Он развил анализ «Мизантропа» и вместе с тем укрепил тезис своего предшественника о самобытности «Горе от ума», ставший общим местом в советской науке и современных исследованиях.

Притягательность «Мизантропа» для русских переводчиков и литературоведов объясняется и второй важной причиной – ее неоднозначностью. Эта черта комедии была подмечена уже А. Н. Веселовским: «Потомство старается разгадать, что именно хотел сказать Мольер своим Альцестом, и на вопрос этот отвечает десятками разнообразных теорий» [8, с. 47]. Основательные труды А. Н. Веселовского 1870–1910-х гг. положили начало критическому осмыслению «Мизантропа» в России и на несколько десятилетий вперед задали вектор его интерпретации. Русский историк литературы настаивал на автобиографизме комедии и недовольстве автора «существующим порядком вещей», указывал на «сочувствие Альцеста народной старине» и одновременно относил его к представителям «нового типа людей, уже выдвигавшихся в обществе времен Мольера», критиковал тезис о стремлении драматурга «возвеличить мудрость умеренности» и утверждал, что своей пьесой он хотел вызвать у читателя презрение к придворной атмосфере, «развенчать версальских богов» [8, с. 179, IV, 85, V, 96, 113].

Такую трактовку попытались скорректировать ближайшие последователи А. Н. Веселовского в дореволюционные и первые послереволюционные годы XX в. Так, Е. В. Аничков обратил внимание на то, что нельзя видеть в комедии «полемическое нападение на все современное общество, <...> создание полное пессимизма и отчаяния» [10]. Н. К. Пиксанов увидел в подходе А. Н. Веселовского «много неточностей и преувеличений» [9, с. 52], в частности касающихся восприятия Альцеста как alter ego автора, борца

против дворянского сословия и церкви, имеющего народнические симпатии и намеревающегося уйти в народ [9, с. 64, 52]. Корректировку в оценку комедии внесла и монография Ю. Патуйе, переведенная с французского на русский язык в 1924 г. С уважением называя А. Н. Веселовского вслед за С. А. Венгеровым родоначальником русского мольеризма, ее автор все же отметил, что, «приписывая Мольеру оппозиционный дух, который ему совершенно чужд», он «изображает односторонне и даже искажает некоторые черты нравственного облика Мольера» [11, с. 66].

В дальнейшем эти важные для понимания комедии уточнения оказались практически вне поля зрения ученых, которые, опираясь на концепцию А. Н. Веселовского, разрабатывали и усиливали ее отдельные положения, отвечавшие идеологии советского государства. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в 1930–1940-е гг. Она представлена в монографии С. С. Мокульского «Мольер» (1936) [12], а также в его статьях в полном собрании сочинений драматурга 1930-х гг. [13] и в первом томе академической «Истории французской литературы» (1946) [14].

В центр своих размышлений исследователь справедливо ставит мысль о философском, интеллектуальном комизме «Мизантропа», но раскрывает ее в социально-классовом ключе. Он полагает, что пьеса представляет собой попытку социального обличения и показывает трагедию «передового протестанта-одиночки, выдвинутого еще не конституированной буржуазией, не созревшей для решительной, революционной борьбы с ненавистным ей феодальным обществом» [12, с. 251–252]. Комические черты образа главного героя видятся в отсутствии у Альцеста чувства меры, такта и юмора. Его полным антиподом объявляется Филинт, воплощающий теорию «золотой середины», равнозначной в 1930-е гг. оппортунизму и приспособленчеству. Спустя десять лет ученый смягчит свою позицию, указав, что драматург все же изобразил Филинта «в положительных тонах» [14, с. 490]. В целом, С. С. Мокульский подчеркивает буржуазно-прогрессивную сущность главного героя и противостоящую ей мещанско-патриархальную мораль его друга. Такая трактовка приводит его к выводу о том, что Мольер занял «промежуточную позицию между этими двумя полюсами буржуазной практики» [12, с. 252].

В схожем ключе «Мизантропа» рассматривает и В. Блюменфельд, чья статья сопровождает текст комедии в полном собрании сочинений Мольера 1930-х гг. Однако он более отчетливо формулирует тезис о раздваивании морали пьесы «между гневным протестом Альцеста и

умеренностью Филинта» [15, с. 641]. Ученый констатирует, что размежевание среди критиков по поводу «Мизантропа» объясняется не сугубо литературным, а общественным содержанием комедии, которую можно трактовать как революционную или консервативно-охранительную [15, с. 641]. В противовес французским мольеристам, принадлежащим, по В. Блюменфельду, к умеренной «партии Филинта», он делает ставку на Альцеста, видит в его образе зерна политической сатиры и героическую борьбу с дворянским обществом [15, с. 645–646]. Такое понимание усиливают присутствующие и у С. С. Мокульского отсылки к широко известной оценке комедии Ж.-Ж. Руссо в «Письме к д'Аламберу о зрелищах» (1758), где женеvский философ упрекает Мольера в комическом освещении образа благородного и добродетельного Альцеста. Сам В. Блюменфельд отдает должное комизму «Мизантропа», но обнаруживает его не в резкости и непримиримости героя, а в несоответствии между силой его гнева и поводами к нему, в абстрактном отношении Альцеста к человеку, в его оторванном от реальности донкихотском стремлении навязать старому миру новые принципы [15, с. 647]. Суждения В. Блюменфельда поддерживают заявленную С. С. Мокульским идеологическую оценку комедии как произведения буржуазного с отчетливо выраженным мольеровским устремлением к новой общественной морали, по всей видимости, той самой, что приведет к событиям Великой французской революции, а затем к уничтожению старого порядка и в России.

Влияние советской идеологии на трактовку «Мизантропа» продолжает просматриваться в отечественной мольеристике 1950-х – первой половины 1980-х гг., представленной работами Г. Н. Бояджиева, С. Д. Артамонова, Н. А. Сигал, И. Д. Гликмана, Ю. Б. Виппера, Д. Д. Обломиевского. В это же время выходит беллетризованная биография М. А. Булгакова «Жизнь господина де Мольера» (1962) [16], с тех пор не раз переиздававшаяся и популярная у читателей.

Ведущим специалистом по творчеству французского драматурга в этот период можно считать Г. Н. Бояджиева, ставшего автором фундаментальной диссертации 1958 г., представленной впоследствии в виде монографии «Мольер: Исторические пути формирования жанра высокой комедии» (1967) [17], книги «Мольер на советской сцене» (1971) [18], а также вступительных статей как к полному собранию сочинений Мольера 1960-х гг. [19], так и к вышедшему большим тиражом в 150 тысяч экземпляров двухтомнику избранных пьес 1957 г. (для сравнения: это почти в три

раза больше, чем тираж четырехтомника 1965–1967 гг., опубликованный в количестве 52 тысяч экземпляров) [20].

В работах Г. Н. Бояджиева рассуждения о буржуазном характере комедии уступают место более общему тезису о ее социально-критическом пафосе, направленном против всего дворянско-буржуазного порядка как ложного общественного устройства. Исследователь акцентирует народную линию в творчестве Мольера, что накладывает отпечаток на интерпретацию образа Альцеста. «Восхваляя сельскую музу, – пишет он, – Мизантроп проявляет себя человеком, глубоко любящим и понимающим свой народ» [19, с. 53]. Г. Н. Бояджиев подхватывает мысль А. Н. Веселовского, но обходит молчанием критическое мнение его оппонентов по поводу народных симпатий драматурга и не учитывает принадлежность главного героя к придворно-салонному кругу. В «Мизантропе» ученый видит пусть и неосознанное, но все же предвосхищение просветительских идей. При этом он иначе, чем его предшественники, использует применительно к пьесе руссоистскую концепцию, а именно оценивает Альцеста как «естественного человека», столкнувшегося «с людьми, испорченными дурными законами» [19, с. 52–53]. Вслед за Ж.-Ж. Руссо слово «мизантроп», вынесенное в название комедии, исследователь пишет с заглавной буквы, чтобы придать ему высокий обобщающий смысл, связанный с борьбой героя и ему подобных против социальной несправедливости. Имя его друга, напротив, превращается в нарицательное – «филинты». За счет грамматической формы множественного числа оно имеет сниженную, отрицательную коннотацию и подразумевает всех тех, кому свойственно «плоское здравомыслие» [19, с. 53].

Г. Н. Бояджиев и другие советские ученые продолжают дискуссию об автобиографической основе пьесы. Она восходит к дореволюционным работам (А. Н. Веселовского [8, с. V], Е. В. Аничкова [10], Ю. А. Фохта [21, с. 43–44]), установившим тесную связь комедии с драматическими взаимоотношениями Мольера и его молодой супруги Арманды Бежар. Этот биографический подход подверг критике еще С. С. Мокульский, утверждавший, что толки об автобиографизме комедии «вредны потому, что затушевывают идеологическую сущность пьесы» [14, с. 488]. Он настаивал на объективном, а не субъективном характере образа Альцеста [13, с. XXIV], что стало общепринятым положением для литературоведения советского периода. Однако все исследователи так или иначе признают по-особому личное наполнение именно этой мольеровской комедии и пытаются опре-

делить, в чем оно заключается. Г. Н. Бояджиев полагает, что в монологах героя нередко звучит голос автора [19, с. 54], а М. А. Булгаков видит в произведении отражение душевного состояния Мольера [16, с. 168].

Проблема автобиографизма «Мизантропа» оказывается связана с полемикой по поводу прототипов образа Альцеста. Этот вопрос, обсуждавшийся в дореволюционных трудах, но неактуальный для ранних советских исследований, «возвращается» в мольеристику середины XX в. Как маловероятный прототип главного героя воспринимается герцог Монтозье, которого называли уже современники Мольера. Ошибочность этой версии подтверждается либо проясками врагов драматурга, стремившихся навлечь на него гнев влиятельного аристократа [22, с. 191], либо бездоказательным отсутствием таких намерений у самого Мольера [16, с. 169]. О Монтозье с сомнением писал еще А. Н. Веселовский, он же назвал возможными, хотя еще менее вероятными прототипами Альцеста Н. Буало и янсенистов [8, с. 71–76]. Эти предположения русского ученого остаются без внимания советских литературоведов, но С. Д. Артамонов, ссылаясь на французских исследователей, добавляет к перечню прототипов героя новое имя – герцога Ларошфуко [22, с. 191].

Автобиографизм «Мизантропа» ученые трактуют не буквально (как художественное преломление жизненных фактов), а широко, что дает основания для более принципиальной дискуссии об авторской позиции. Противоположные точки зрения в этом споре представляют И. Д. Гликман и С. Д. Артамонов. Первый продолжает сложившуюся к тому моменту советскую традицию восприятия Альцеста как героя с выраженным общественным темпераментом, отражающего боевой дух мольеровского творчества. Полной противоположностью ему оказывается снисходительный Филинт, чья терпимость, как пишет И. Д. Гликман, «на самом деле оборачивается подлинной мизантропией» [23, с. 209] и превращается в социальный порок, который он называет «филинтовщиной» [23, с. 211]. Исследователь не допускает и мысли о том, что позиция друга Альцеста могла быть близка Мольеру.

Иного мнения придерживается С. Д. Артамонов, возводящий жизненные принципы Филинта к рассуждениям Монтеня о неидеальной природе человека и утверждающий, что «эта философия была близка автору “Мизантропа”» [22, с. 191]. Ученый полагает, что Мольер стоит не на стороне Альцеста, хотя, несомненно, симпатизирует герою. Он формулирует идею о двух видах гуманизма, отраженных в пьесе: «<...> первый, который проповедует Альцест, – гуманизм су-

ровый, фанатический, превращающийся в свою противоположность; второй – проповедуемый Филинтом, – гуманизм мягкий, поистине человеческий, гуманизм, постигающий человеческие слабости, исправляющий людей не посредством презрения и насилия, а доброжелательной терпимостью» [22, с. 191]. Точка зрения С. Д. Артамонова шла вразрез с магистральной линией трактовки комедии в советском литературоведении и способствовала усилению научной полемики. Понимание ее причин точно выразила в эти годы Н. А. Сигал: «Ни в одной пьесе Мольера авторская позиция не выступает в такой осложненной форме, как в “Мизантропе”» [24, с. 93].

По-своему эту сложность продемонстрировал Д. Д. Обломиевский в монографии «Французский классицизм» (1968) [25], основные положения которой он впоследствии изложил в статье о Мольере для четвертого тома академической «Истории всемирной литературы» (1987) [26]. Ученый считает, что если Филинт «пытается направить негодование Альцеста <...> на человеческий род вообще», то главный герой подвергает критике «исторически конкретное состояние общества» [26, с. 148], порочность именно современных нравов, т. е. неприемлемую для него культуру дворянских салонов. Д. Д. Обломиевский фокусирует объект мольеровской насмешки точнее, чем его предшественники, но особенности салонной культуры не раскрывает, ограничиваясь ее упрощенным отождествлением с миром льстецов и жеманных угодников.

Важную роль в понимании своеобразия этой культуры, ее значимости для французского XVII в. и творчества великого комедиографа сыграла переведенная на русский язык в 1983 г. монография Ж. Бордонова «Мольер» [27]. Комедия «Мизантроп» рассматривается в ней сквозь призму одного из ключевых для салонной культуры понятия «*honnête homme*» (чаще всего, хотя и неточно передаваемого по-русски как «порядочный человек»). Такой ракурс восприятия оказал влияние на интерпретацию пьесы во вступительной статье Ю. А. Гинзбург и С. И. Великовского к собранию сочинений Мольера 1985–1987 гг. [28] и в работах постсоветского периода М. В. Разумовской [29], Н. Т. Пахсарьян [30], Е. А. Дунаевой [31].

На рубеже XX–XXI вв. российские литературоведы уходят от идеологической трактовки комедии как произведения антидворянского, раннебуржуазного или народного. Они, как правило, пишут о светском обществе в целом, законы которого не приемлет герой. Протест Альцеста даже приобретает экзистенциальный смысл и понимается как выражение позиции человека во враждебном ему мире, где он, по

словам М. В. Разумовской, «отвергает всякую возможность компромисса с властью, основанной на несправедливости, лицемерии и насилии» [29, с. 16].

И все же исследования последних трех десятилетий отличает перенос внимания с проблематики общественно-политической в моральную плоскость. Альцест предстает, прежде всего, как моралист, взыскующий правды, но наделенный слабостями, которые разоблачает авторский смех. В его образе неизменно подчеркиваются положительное начало и черты нового человека, отвечающие этическим представлениям следующей, просветительской эпохи (А. П. Бондарев [32, с. 91], В. А. Луков [33, с. 131], Е. А. Дунаева [31, с. 230]).

Поворот к моральной проблематике вновь актуализирует вопрос о том, на чьей стороне Мольер – Альцеста или Филинта. Ответы на него обнаруживают новые тенденции в интерпретации комедии. Во-первых, заметно меняется, в сравнении с советским периодом, оценка образа Филинта. Современные литературоведы, используя для характеристики героя тот же понятийный аппарат («золотая середина», умеренность, компромиссность, терпимость), теперь связывают его не с аморальным соглашательством и посредственностью, а с высокой поведенческой этикой, стоической и разумной, с «благотворной необходимостью меры», которая в искусстве XVII в. «означает гармонию, точность, совершенство» [28, с. 46].

Во-вторых, усложняются представления о причинах неоднозначности пьесы. Они видятся не только в отсутствии четко выраженной авторской позиции, но и в признании того, что «герои воплощают неразрешимую дилемму» [34, с. 134], и в их споре, в принципе, «нет правильной, победившей точки зрения» [31, с. 231]. Исследователи констатируют, что в «Мизантропе» Мольер поднимает «вечные» вопросы, касающиеся правды личности и законов общественного бытия, благих намерений и печальных последствий, высоких принципов и несовершенной человеческой природы. Пьеса дает повод к дискуссии об отвлеченных категориях морали, что, безусловно, определяет ее вневременной характер.

История восприятия комедии «Мизантроп» в российском литературоведении XX в. показывает движение исследовательской мысли от ее биографической и общественно-политической трактовки до концентрации на проблемах этических. За исключением моментов вынужденной идеологизации пьесы в советские десятилетия, все эти аспекты имеют значение для ее осмысления. Вместе с тем представляется, что более адекватному ее пониманию, которое во

французском литературоведении неизменно строится с учетом особенностей придворно-салонной культуры XVII в., будет способствовать культурологический подход, базирующийся на новейших научных исследованиях галантной эпохи.

Список литературы

1. Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 4 т. / под ред. П. И. Вейнберга, П. В. Быкова. СПб. : Т-во А. Ф. Маркс, 1910. Т. 1. 523 с. ; Т. 2. 494 с. ; Т. 3. 442 с. ; Т. 4. 400 с.
2. Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 2 т. СПб. : Изд. Брокгауз-Эфрон, 1912–1913. Т. 1. 620 с. Т. 2. 648 с. (Библиотека великих писателей ; под ред. С. А. Венгерова).
3. Мольер Ж.-Б. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. А. А. Смирнова, С. С. Мокульского. М. ; Л. : Academia, 1935–1939. Т. 1. 715 с. ; Т. 2. 745 с. ; Т. 3. 834 с. ; Т. 4. 608 с.
4. Мольер Ж.-Б. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. А. Смирнова, С. Мокульского. М. : Изд. центр «Терра», 1994–1995. Т. 1. 575 с. ; Т. 2. 745 с. ; Т. 3. 831 с. ; Т. 4. 605 с.
5. Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 4 т. / вступ. ст. и коммент. Г. Н. Бояджиева. М. : Искусство, 1965–1967. Т. 1. 671 с. ; Т. 2. 531 с. ; Т. 3. 543 с. ; Т. 4. 419 с.
6. Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 3 т. / пер. с фр. под ред. Н. М. Любимова ; предисл. Ю. А. Гинзбург, С. И. Великовского. М. : Искусство, 1985–1987. Т. 1. 670 с. ; Т. 2. 458 с. ; Т. 3. 716 с.
7. Бояджиев Г. Н. Мольер на советской сцене. М. : Знание, 1971. 48 с.
8. Веселовский А. Н. Этюды о Мольере. Мизантроп (опыт нового анализа пьесы и обзор созданной ею школы). М. : Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1881. 202 с.
9. Пиксанов Н. К. Грибоедов и Мольер (переоценка традиции). М. : Гос. изд-во, 1922. 80 с.
10. Аничков Е. В. Жизнь и творчество Мольера. URL: http://az.lib.ru/a/anichkow_e_w/text_1913_molier_old-orfo.shtml (дата обращения: 12.04.2022).
11. Патуйе Ю. Мольер в России. Берлин : [Б. и.], 1924. 90 с.
12. Мокульский С. С. Мольер. М. : Изд-во Журн.-газ. объединения, 1936. 366 с.
13. Мокульский С. Жизнь и творчество Мольера // Мольер Ж.-Б. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М. ; Л. : Academia, 1936. С. IX–XXXII.
14. Мокульский С. С. Мольер // История французской литературы : в 4 т. Т. 1. С древнейших времен до революции 1789 г. / ред.: И. И. Анисимов, С. С. Мокульский, А. А. Смирнов. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1946. С. 466–507.
15. Блюменфельд В. Предисловие // Мольер Ж.-Б. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М. ; Л. : Academia, 1937. С. 639–649.
16. Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера. М. : Молодая гвардия, 1962. 240 с.
17. Бояджиев Г. Н. Мольер: Исторические пути формирования жанра высокой комедии. М. : Искусство, 1967. 555 с.

18. Бояджиев Г. Н. Мольер на советской сцене. М. : Знание, 1971. 48 с.
19. Бояджиев Г. Гений Мольера // Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 4 т. / вступ. ст. и коммент. Г. Н. Бояджиева. Т. 1. М. : Искусство, 1965. С. 7–65.
20. Бояджиев Г. Жан Батист Мольер // Мольер Ж. Б. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1957. С. 5–54.
21. Фохт Ю. А. Мольер: публичная лекция. М. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1914. 52 с.
22. Артамонов С. Д. Мизантроп // История зарубежной литературы XVII–XVIII вв. : учебник. 4-е изд. М. : Просвещение, 1973. С. 189–195.
23. Гликман И. Д. Мольер: Критико-биографический очерк. М. ; Л. : Художественная литература [Ленингр. отд-ние], 1966. 279 с.
24. Сигал Н. А. Социальная критика в литературе французского классицизма и ее художественный метод // XVIII век. 1962. Т. 5. С. 79–97.
25. Обломиевский Д. Д. Французский классицизм: Очерки. М. : Наука, 1968. 375 с.
26. Обломиевский Д. Д. Мольер // История всемирной литературы : в 9 т. / гл. ред. Г. П. Бердников. Т. 4. М. : Наука, 1987. С. 146–152.
27. Бордонов Ж. Мольер. М. : Искусство, 1983. 415 с.
28. Гинзбург Ю., Великовский С. Комедиограф «Великого века» // Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 3 т. / пер. с фр. под ред. Н. М. Любимова ; предисл. Ю. А. Гинзбург, С. И. Великовского. Т. 1. М. : Искусство, 1985. С. 5–57.
29. Разумовская М. В. «Мизантроп» Ж.-Б. Мольера как интеллектуальная драма // Французский интеллектуальный театр. Тезисы докладов. СПб. : [Б. и.], 1993. С. 16–18.
30. Пахсарьян Н. Т. Мольер // История зарубежной литературы XVII века / под ред. Н. Т. Пахсарьян. М. : Высшая школа, 2005. С. 296–303.
31. Дунаева Е. А. Великий лицедей или обманщик: Эволюция фарса в высоких комедиях Мольера. 2-е изд. М. : Изд. группа «Navopa», 2018. 398 с.
32. Бондарев А. П. Между комедией и трагедией: «Горе от ума» А. С. Грибоедова в истории русской и западноевропейской драмы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 655. С. 80–93.
33. Луков В. А. Жан Батист Мольер: лекции-спектакли // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 1. С. 110–140.
34. Подгаецкая И. Ю. О французском классическом стиле // Подгаецкая И. Ю. Избранные статьи. М. : ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, 2009. С. 120–151.

Поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 21.09.2022
The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 21.09.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 55–61

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 55–61

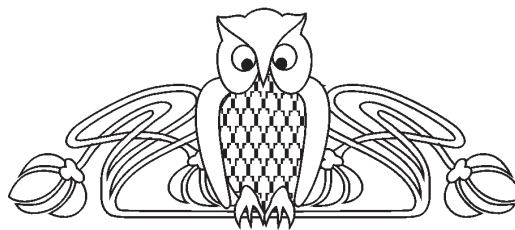
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-55-61>, EDN: AYRCFF

Научный обзор

УДК 821.161.1.09-1/-3+398.2/8(470+571)+929Акимова

Жанровая доминанта в трудах профессора Т. М. Акимовой

Е. В. Киреева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Киреева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, kireevaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3805-3864>

Аннотация. В статье представлен обзор трудов профессора СГУ имени Н. Г. Чернышевского Т. М. Акимовой в свете характеристики интереса ученого и педагога к поэтике жанров фольклора и литературы как в их специфике, так и во взаимодействии. Наличие данного интереса определяется как доминанта исследовательского почерка Т. М. Акимовой на основании обзора работ ученого в области трех родов словесности – драмы, эпоса и лирики, а также с привлечением оценок данного вклада коллегами по работе, специалистами других вузов, учениками. Впервые рассматривается вклад ученого в осмысление поэтики жанров, начиная с ее первых публикаций и заканчивая последними работами в год памяти – окончание долголетнего земного пути Т. М. Акимовой (1898–1987). Обзор трудов начат с работ по народной драме – теме кандидатской диссертации, защищенной в 1943 г. В 1970–1980-е гг. в поле зрения Акимовой были пьесы А. Н. Островского в аспекте характера их фольклоризма. Дается обзор работ, отражающих вклад ученого в исследование поэтики жанров эпоса: прозы (сказы, сказки Саратовской области и сказки Пушкина; несказочной прозы – сказы о Чапаеве и сказы П. П. Бажова) и лироэпик (русские былины и южнославянские эпические песни). Основное внимание в рассмотрении ученым поэтики жанров отводится области лирики, вклад в изучение едва ли не всех пластов и разновидностей которой Т. М. Акимова внесла своими трудами на протяжении 1940–1980-х гг. Подтверждается признанность специалистами особо значимого вклада Т. М. Акимовой в изучение мужской лирики. В списке литературы по возможности полно отражены труды Т. М. Акимовой о поэтике жанров фольклора и литературы с указанием их первой публикации.

Ключевые слова: труды профессора Т. М. Акимовой, поэтика жанров фольклора и литературы, доминанта исследовательского интереса, библиография работ по теме статьи

Для цитирования: Киреева Е. В. Жанровая доминанта в трудах профессора Т. М. Акимовой // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 55–61. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-55-61>, EDN: AYRCFF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Scientific review

Genre focus in the works by professor T. M. Akimova

E. V. Kireyeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Kireyeva, kireevaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3805-3864>

Abstract. The article provides the retrospect review of the works by professor T. M. Akimova (Saratov State University). It highlights the researcher's interest in the poetic character of the folklore and literature genres both on a standalone basis and in their interaction. The existence of this interest is defined as the focus of T. N. Akimova's research based on the review of the work carried out in the field of three types of philology: drama, epos, and lyric poetry, as well as on the appreciation of her work by her colleagues, specialists from other universities, and students. The article considers her contribution to the study of poetic genres of drama, epos, and lyric poetry starting from her first publications and including her last works in the year when she passed away – 1987. The review of her works began with the articles related to her PhD dissertation – folklore drama – which was presented in 1943. In the 1970–1980s, T. M. Akimova focused her research on the folklore character of A. N. Ostrovsky's plays. Also, a review is presented, covering the author's works, which demonstrate her contribution to the research of poetics of epic genres: prose (popular tales, the fairytales of Saratov Region, and Pushkin's fairytales; non-fairytale prose – popular tales about Чапаев and P. P. Bazhov's tales) and lyrical epics (Russian epic ballades (bylinas) and southern Slavic epic songs). Lyrical poetry is in the focus of Akimova's study on genre poetics. T. M. Akimova is considered to have made a significant contribution to the study of almost all layers and variations of the lyrical poetry in 1940–1980s.

It is confirmed that experts recognize T. M. Akimova's particularly prominent contribution to the studying of male poetry. The list of references captures as fully as possible the works of T. M. Akimova on the folklore and literature genre poetics with the dates of their first publications.

Keywords: the works by professor T. M. Akimova, folklore and literature genre poetics, research focus, references on the topic of the article

For citation: Kireyeva E. V. Genre focus in the works by professor T. M. Akimova. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 55–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-55-61>, EDN: AYRCFF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

*Светлой памяти ученого.
К 35-летию со дня кончины*

Вынесенная в заглавие статьи особенность научного почерка профессора СГУ Т. М. Акимовой отмечалась исследователями и заслуживает осмысления этого вклада ученого в область теории и истории жанров фольклора и литературы в год памяти – окончания ее долголетнего земного пути (1898–1987), отмеченного и удивительным творческим долголетием. Данная особенность явственно проступает при обзоре научно-педагогического наследия ученого. Особо пристальное и преданное внимание к поэтике жанров Акимовой при всей разносторонности интересов этого «большого ученого» [1, с. 244] отчасти определяется интересом к обозначенной проблематике и филологов Саратовского университета, через семинары которых она прошла в студенческие годы, особенно В. М. Жирмунского и А. П. Скафтымова, чье понимание поэтики слышится в приводимом В. К. Архангельской отзыве С. Г. Лазутина: «...высказывания Т. М. Акимовой "по вопросам теории и истории народной лирической песни имеют особую ценность", их достоинство в том, что "содержание и художественная форма народной песни рассматриваются в неразрывном единстве, точнее художественная форма понимается как часть ее эстетического содержания"» [2, с. 9].

Отмеченная Архангельской особенность «исследовательского почерка» Акимовой в целом («широта постановки проблем, основательность выводов, обоснованных большим фактическим материалом» [1, с. 242]) многосторонне проявилась в исследованиях о поэтике жанров. Во-первых, в том, что в поле зрения ученого были две родственные, но не идентичные области искусства слова – фольклор и литература. Рассмотрение их на протяжении 1930–1980-х гг. каждой по отдельности и во взаимодействии позволило Акимовой прийти к значительным на теоретическом уровне выводам о принципиальной разнице категории жанра в фольклоре и литературе. Они отчетливо сформулированы в статье «Литература и фольклор», опубликованной в 1984 г. в редактируемом ею с 1974 г. сборнике «Фольклор народов РСФСР». Статья была переиздана и цитируется, как и другие, по сборнику работ ученого (см. [3, с. 17–27]). Пер-

вый из значимых выводов: «Жанр в фольклоре особо значимая категория, более обособленная, более самостоятельная, чем в литературе» [3, с. 18]. Консолидируясь с В. Г. Базановым в понимании жанра как реализации «определенной концепции действительности», Акимова подчеркивает, что «фольклорный жанр далеко не только формальная система». Судя по тексту статьи, он диалектично сочетает, с одной стороны, обладание «общими для всей народной поэзии идейно-стилевыми принципами» идеализированно-обобщенного изображения мира, а с другой стороны, дает представление об одной, «определенной стороне жизни». Показывая ее «с присущей ему точки зрения», «каждый жанр пользуется особыми для каждого постоянными чертами конструкции, соответствующими тематике», «преимущественно одним, особо нужным ему поэтическим средством» [3, с. 17, 18].

Второй вывод в видении ученым особенности категории жанра в фольклоре, условно говоря, качественная неоднородность, специфичность признаков в разных жанрах, возникших в разное время и отражающих «неодинаковые стадии народного мировосприятия. Древнейшие из них выполняли не только эстетические функции <...>» [3, с. 18–19].

Акимова рассматривает в статье в жанровом аспекте и те проблемы, что встают перед литераторами, обращающимися к фольклору. «Традиционность и специфичность жанровых признаков так велика, что писатели <...> имеют дело с определенными жанрами <...>, своего рода, подчиняясь диктату жанровых канонов. «Внутренняя цельность, завершенность и обособленность каждого жанра народной поэзии определяет и то, как использует его писатель в своем творчестве» [3, с. 18, 19].

Бегло обозначив основные вехи сближения литературы и фольклора, ученый обращается к рассмотрению опыта Пушкина, который «впервые в русской литературе сумел творчески полноценно сочетать фольклорные темы, идеи и образы со своими замыслами и решениями. В его творчестве можно встретить самые различные способы подобных сочетаний» [3, с. 19].

Значимость наблюдений Акимовой в области поэтики жанров фольклора и литературы, особенно явственно звучащая в работах

1980-х гг., – плод неустанного, начавшегося еще в годы учебы в вузе и работы в музее этнографии труда по постижению жанров фольклора и литературы как в их специфике, так и во взаимодействии.

При осмыслении научного наследия Акимовой явственно проступает и такая особенность жанровой доминанты в ее исследованиях, как масштаб охвата проблематики по родам искусства слова (эпос, лирика и драма), которой сопутствовала и третья особенность – сохранение стойкого интереса к ним на протяжении жизни.

Внимание к поэтике русской народной драмы очевидно в защищенной в 1943 г. кандидатской диссертации, в исследованиях ученого. В 20-м томе «Ученых записок СГУ» в 1948 г. Акимова публикует статью «Народная драма в новых записях» и тексты народных драм, записанных в 10-е гг. XX в. В работе дано обстоятельное истолкование жанровых особенностей народной драмы как в плане генезиса текстов, так и в аспекте их художественных особенностей. Жанровые особенности народных драм были отражены в научно-справочном аппарате сборников 1946 г. («Фольклор Саратовской области») и 1969 г. («Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья»). Ученый и в последующие годы не оставляла без внимания область народной драмы. В рецензии 1957 г. на антологию П. Н. Беркова «Русская народная драма XVII–XX вв.» (Русский фольклор. Т. 2), в статье «Русский народный театр в исследованиях последних лет» (Советская этнография. 1976. № 5) Акимова полемически отстаивала видение уникальности жанровых особенностей пьесы «Как француз Москву брал», как комедии русского солдатского театра.

В 1970–1980-е гг. в поле зрения Акимовой были пьесы Островского. В статье 1975 г. «Уроки Чернышевского (о фольклоре в пьесах А. Н. Островского)» жанровый аспект представлен в свете вынесенной в заглавие проблематики и посвящен рассмотрению «роли фольклорных песен и сцен в структуре» пьес драматурга Островского [3, с. 156] в разные периоды его творчества.

В одной из последних работ ученого «Песня и романс в творчестве А. Н. Островского» отмечается роль разных жанров песенной лирики в «сюжетном действии пьес», в обрисовке портрета исполнителя, в замене «диалогов и монологов в любовных признаниях»; обращается внимание на новое смысловое наличие лейтмотивно звучащего в «Бесприданнице» классического, а не модного «городского и мещанского» романса [3, с. 166–169].

Значителен вклад Акимовой в исследование поэтики жанров эпоса (прозы и лироэпика).

Собирательская работа фольклористов в 1920–1930-е гг. по записи сказок, в которой она принимала активное участие, была представлена и научно осмыслена в сборнике «Сказки Саратовской области» 1937 г. Это, как и последующие издания сказок (разделы в сборниках «Фольклор Саратовской области», «Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья»), изменило представление о нашем крае как несказочном. Помимо значимых сведений для осмысления общерусского и локального в публикуемых сюжетах ученый в научно-справочном аппарате их издания 1937 г. обращается к значимым в области поэтики сказок вопросам, как поднятым предшественниками, так и новым – к осмыслению специфики «современной сказки», прежде всего, на основе характера фантастики в них – ведущего жанрового признака этого вида народной прозы. Одна из сказок сборника рассматривается в лекции В. П. Аникина об общерусском и локальном в его курсе лекций по теории фольклора. Ученый отмечает здесь и значимость вклада Акимовой в изучение этой области фольклористики, обращая внимание и на проявление межэтнических связей в тексте сказки [4, с. 378–379].

Взаимодействие жанров народной и литературной сказки рассмотрено Акимовой в статье 1976 г. «Заметки о народности жанра сказок Пушкина» [3, с. 97–107]. Основную проблематику этой работы Л. Г. Горбунова видит в прояснении ученым «жанрового своеобразия» пушкинских сказок, «уточняя и дополняя интересными наблюдениями существующие жанровые характеристики» [5, с. 40]. Именно эта работа по просьбе Акимовой была отправлена в Македонию в порядке обмена научной литературой.

В поле зрения Акимовой была и несказочная проза. Сказ как жанр народной несказочной прозы рассмотрен ею в сборниках «Сказы о Чапаеве» 1951 г. и «Сказы и песни о Чапаеве» 1957 г. В научно-справочном аппарате сборников ученый отмечает присущие народному сказу свойства в обрисовке Чапаева, выделяет разные виды сказов.

Опыт собирания и комментирования сказов о Чапаеве позволил ей в статье 1980 г. «Жанровая природа сказов П. П. Бажова» [3, с. 170–178] показать иной – литературный – характер сказов писателя, включившись «в полемику о содержании и жанровой природе народного сказа вообще и уральского в частности» [2, с. 13].

Заслуги ученого в области изучения прозы отмечены за рубежом (см.: [6]).

Т. М. Акимова внесла вклад и в осмысление жанров такой области эпоса, как лироэпика. Интерес к поэтике героических и новгородских былин нашел отражение в статьях ученого и

в разделе «Былины» учебника по фольклору «Русское народное поэтическое творчество» (М.: Высш. школа, 1969). В статьях «Русский героический эпос в записях середины XIX в.» (Ученые записки СГУ. Т. 56. 1957) и «Русские героические былины (схема исторического развития)» (Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958) Акимова, продолжая классический труд Скафтымова по поэтике былин, убедительно показывает начавшееся с 1860-х гг. по социальным причинам раздвоение проблематики героических былин. Социальные мотивы в героических былинах способствовали угасанию жанра.

В разделе учебника по фольклору о новгородских былинах, как и в статье «Структура былинного цикла о Садко» (Вопросы литературы и фольклора. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973), Акимова оспаривает видение этого вопроса В. Я. Проппом, идя от типологии жанра (былины односюжетны).

Вопросы поэтики жанра былин нашли отражение и в историографическом обзоре исследований о них, опубликованном ученым в сборнике «Фольклор народов РСФСР» в 1977 г.

В 1970-е гг. ею был прочитан спецкурс по славяноведению, в котором жанровый аспект в области лироэпики был представлен в ином ракурсе: «Очевидно, что лектор видела славянский фольклор в его единстве и многообразии. Она показывала переклички мотивов русского героического эпоса с южнославянскими эпическими песнями и вместе с тем отмечала присущую каждому эпосу специфику в национальной разработке сюжетов» [6, с. 220; 7].

При всей значимости трудов Акимовой по изучению поэтики жанров родов драмы и эпоса доминантой ее научного интереса была лирика, специалистом в изучении поэтики жанров едва ли не всех пластов и разновидностей которой ученый явила себя на протяжении 1940–1980-х гг. Лирика была предметом «ее историко-литературного анализа и обусловленных им теоретических размышлений и выводов. Т. М. Акимова была убеждена в том, что изучение поэтики – наиболее верный курс к обретению литературоведением статуса точной науки. Приверженность же к фольклорным лирическим жанрам объясняется и глубоким убеждением автора в том, что песня, как словесное и музыкальное произведение – искусство вечное, а как элемент культуры она представляет ценность непреходящую» [2, с. 8].

Особо значим вклад Акимовой в изучение мужской лирики.

Не исключено, что тема докторской диссертации родилась у нее в ходе подготовки к изданию сборника «Фольклор Саратовской об-

ласти». В научно-справочном аппарате ученый проявила черты локальности фольклора области и песенного, едва ли не прежде всего нашедшей отражение и в его жанровом составе, и в поэтической образности текстов. Волжская тематика, значительный процент песен, характерных для сторожевой окраины России и мест, по которым прокатились две крестьянские войны, возможно, послужили импульсом в выборе темы докторской диссертации – «Русские удалые песни в устном бытовании и художественной литературе конца XVIII – первой половины XIX в.», защищенной в ИРЛИ в 1964 г. Удалые песни были наименее освоенной учеными областью фольклористики. «Т. М. Акимова обосновала выделение удалых песен в самостоятельный вид обозначением круга их сюжетов, проблем и образно-стилевых признаков в целом и в отдельных группах удалых песен» [1, с. 244]. «Критическое рассмотрение огромного текстового материала позволило ей показать жанровую неоднозначность песен, традиционно относимых к разбойничьим, разинским, неисторическим и сатирическим, установить и объяснить изменения в этом специфическом материале на протяжении XVIII–XX вв., а также (в отдельной главе) показать и мотивировать обращение многих русских поэтов к удалым песням» [8, с. 272].

Материалы диссертации нашли отражение в серии статей Акимовой из обеих обозреваемых областей лирики – народной и литературной – как до защиты, так и после нее, а также в созданной в соавторстве с Архангельской монографии 1967 г. «Революционная песня в Саратовском Поволжье». В «Ученых записках СГУ» в 1953 г. была опубликована статья «Пушкин о народных лирических песнях» [3, с. 27–80], а в 1959 г. (Т. 17) – «Народные удалые песни сатирико-юмористического характера». В издании «Русский фольклор» за 1960 г. (Т. 5) и за 1970 г. (Т. 12) ученый опубликовала статьи «О жанровой природе русских "удалых" песен», «Лирический образ песен о "сироте"». В изданных в Саратове сборниках ею опубликованы статьи «Сюжетный состав народных песен о Степане Разине» (Вопросы славянской филологии. 1963.) и «Народные удалые песни в творчестве А. С. Пушкина» 1968 г. [3, с. 83–97].

Жанровый аспект многогранно представлен в трех монографиях ученого 1966, 1977 и 1987 гг. (см.: [9–11]). Это проявилось в них и в усилении теоретического аспекта в рассмотрении жанров, и в расширении привлекаемых для рассмотрения областей лирики и ее тематических циклов. Удалые песни были представлены и в монографии 1966 г., а в двух последующих они были вынесены в отдельный раздел наряду с новыми.

В монографии 1977 г. это, помимо «Любовной лирики» и «Песен о беглых», раздел «Военно-бытовые песни». Значимое место в нем наряду с рекрутскими и солдатскими песнями, песнями на тему «жребий о солдатчине» уделено сюжетам песен цикла служилых людей, рассмотрению жанровых особенностей которых была посвящена отдельная статья ученого 1974 г. «Цикл песен служилых людей» (Фольклор народов РСФСР). Проникновенный анализ характера лиризма в вариантах сюжетов раздела сочетается с характеристикой разных жанровых признаков текстов, в том числе балладных. Акимова проявила и национальную специфику военных песен, как правило, избегающих любовной тематики (см.: [10, с. 54]). Тщательное сравнение записей текстов из сборников XVIII–XIX вв. и дар проникновенного истолкования постигнутого в ходе анализа мироощущения героя – особенность исследовательского почерка ученого – проявлены не менее ярко и при рассмотрении сюжетов из раздела «Любовная лирика». Необычайно значимы как в целом, так и в теоретическом отношении наблюдения исследователя в области жанров мужской лирики, представленные во введении, заключении работы, а также в выводах по каждому из ее разделов.

Жанровый аспект в монографии 1977 г. представлен в теоретическом контексте. С опорой на суждения Г. Гегеля и А. Н. Веселовского ученый при рассмотрении народной лирики отмечает наличие иного, чем в литературной лирике, выражения субъективности («коллективной эмоциональности»), а также относительность «границ субъективной и объективной лирики» в лирике народной [10, с. 12]. Вопрос о природе лиризма народной песни был поставлен Акимовой уже в монографии 1966 г., где были обозначены смысловые и «формальные» проявления иного характера субъективности народной лирики по сравнению с литературной [9, с. 133–154].

В монографии 1977 г. ученый, полемизируя с Аникиным в вопросе о генезисе необрядовой лирики, объясняет «общность жанровых элементов, присущих каждому из циклов» «одинаковостью бытовой функции, а не взаимовлияниями, преувеличение которых приводит к упрощению и искажению представлений о гармонии жанровых систем и самих процессов народного творчества», что, не называя адресата полемики, отмечала Архангельская [8, с. 273].

Жанровый аспект иначе представлен в монографии 1987 г. В ней выделены два раздела: «Обрядовая поэзия» и «Необрядовая лирика». В первом разделе анализ текстов песен трех важнейших календарных обрядов (колядок, масленичных приговорок и веснянок)

завершается выводом о принадлежности их к «единому жанру с несколькими подгруппами» [11, с. 20]. Во втором разделе помимо «удалых песен» дается характеристика новой жанровой группы – «песен семейных, мужских и женских». Рассмотрение и этого пласта необрядовой лирики дается в русле наблюдений над их поэтикой. Появлению монографии 1987 г. предшествовала публикация статей Акимовой 1970–1980-х гг.: «О лиризме русских свадебных песен» (Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974), «Поэзия аграрного календаря» (Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1985); «Изображение психологического состояния в народной лирической песне» (Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971), «О композиции народной песни» (Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1981).

Таким образом, в последней монографии ученого в поле зрения оказались все области народной лирики (обрядовой и необрядовой, мужской и женской, бытовой и социальной) в ее историческом движении. Это был своего рода выход на уровень исторической поэтики.

Со времени начала своей работы в университете (как педагогической, так и научной) и до конца своих дней Акимова сохранила интерес к исследованию такой сферы взаимодействия жанров народной и профессиональной лирики, как песни литературного происхождения с огромным временным охватом (XVIII–XX вв.) и кругом имен авторов текстов и тематических пластов, в том числе бытовой, любовной лирики [3, с. 108–127], что нашло отражение не только в научных публикациях, но и в педагогической работе (чтении спецкурсов, руководстве спецсеминаром по народной песне, изданиях методического характера). Эта сторона деятельности Акимовой нашла отражение в публикациях о ней историографического характера (см.: [12–14]).

Начало работы Акимовой в университете совпало с периодом Великой Отечественной войны. Ученый, обратившись к работе по сбору песен военного времени, выявила в посвященной им статье «Песни Саратовского Поволжья в годы Великой Отечественной войны» (Литературный Саратов. Кн. 10. 1949) проявление веяния времени как в репертуаре старшего поколения жителей области, так и молодого – участниц войны на ее фронтах в разнообразии жанровых проявлений песни на общенародном и локальном уровнях.

Рукопись Акимовой с коллекцией песен о Великой Отечественной войне, как и ее статья о песнях этого периода, в которых многообразно представлен жанровый аспект, оказались востребованными в связи с празднованием 75-летия со Дня Победы (см.: [15]).

Т. М. Акимова продолжила постижение жанровой специфики советской массовой песни, в том числе периода Великой Отечественной войны и предвоенных лет, обратившись к анализу творчества выдающегося поэта-песенника М. Исаковского и его высказываний о песне в свете проблемы взаимодействия народного и профессионального искусства, что нашло отражение в публикациях о трудах ученого [1, с. 243–244; 16].

Углубляя историческую ретроспективу в изучении текстов советского песенного фольклора, Акимова обратилась к изучению песен гражданской войны в статье «Песни о гражданской войне», опубликованной дважды в 1955 г.: «Известия АН СССР. ОЛЯ» (Т. 14. Вып. филол.), «Ученые записки СГУ» (Т. 53). Жанровый аспект представлен в них как в классификации песен, так и в характеристике каждой из четырех жанровых групп на уровне их содержания и формы.

Рассмотрение жанровых особенностей песенной лирики разных временных и тематических пластов в статьях ученого ведется в двуединстве исторического и теоретического осмысления. Так, статья 1980 г. «"Русская песня" и романс первой трети XIX века» значима не только иллюстрацией дифференциации песни и романса в творчестве создателей жанра «русской песни», но и в плане теоретическом. Даны существенные определения признаков, отличающих романс от песни, что было отмечено в научной литературе [17, с. 61].

Вклад ученого в теорию и историю жанра русской песни – итог многолетнего труда в данной области, а также освоения взглядов на песню как ее творцов и исследователей (Пушкина, Исаковского), так и теоретика фольклора Чернышевского, что нашло отражение в монографии Акимовой 1966 г. и в трех ее статьях 1970–1980-х гг., в том числе в плане осмысления поэтики жанра сербской народной песни [3, с. 128–153].

Жанровый аспект в трудах Акимовой, как отметила В. А. Бахтина, отчетливо представлен в сборнике ученого «О фольклоризме русских писателей» – своего рода четвертой монографии ученого с переизданием части ее статей. «Концепционной установкой Т. М. Акимовой относительно жанровой природы фольклора <...> пронизаны все основные ее статьи, исследующие в фольклористическом ключе взаимовлияния литературы и фольклора. Впервые собранные в единый сборник, <...> они отчетливо демонстрируют интерес Татьяны Михайловны к поэтике жанра» [18, с. 57].

«Концепционная установка», впервые прозвучавшая в статье ученого 1984 г. «Литература

и фольклор», входила в опубликованную Архангельской в 2001 г. ее работу «Пушкин и фольклор. Семинарий». Реализацию этой установки Бахтина видела в том, «как отобраны и разработаны темы» в семинарии [18, с. 57].

Осуществленный в данной статье обзор работ ученого и отзывов о них в свете заявленной в ее названии темы подтверждают справедливость оценок исследователями вклада Т. М. Акимовой в историю и теорию поэтики жанров фольклора. Безусловно, следует разделить сетования В. П. Аникина на то, что работы профессора Саратовского университета Акимовой изданы ничтожно малым тиражом и недостаточно введены в научный оборот [4, с. 376]. Многие ее статьи изданы в «Ученых записках СГУ», сборниках других вузов и почти не доступны для читателя. Возможно, несколько лучше обстоит дело с изданиями академических учреждений Ленинграда, Москвы, Петрозаводска, а также с публикациями раздела учебника и методических пособий издательства «Высшая школа». Надеюсь, что предпринятое в статье рассмотрение жанровой доминанты в трудах Т. М. Акимовой хотя бы отчасти исправит отмеченную Аникиным несправедливость по отношению к трудам профессора Саратовского университета.

Список литературы

1. Архангельская В. К. Т. М. Акимова (К 70-летию со дня рождения) // Русский фольклор. Т. 13. Русская народная проза. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. С. 242–246.
2. Архангельская В. К. Об авторе этой книги // Акимова Т. М. О фольклоризме русский писателей : сб. ст. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2001. С. 5–16.
3. Акимова Т. М. О фольклоризме русских писателей : сб. ст. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2001. 204 с.
4. Аникин В. П. Теория фольклора : курс лекций. 2-е изд., доп. М. : КДУ, 2004. 431 с.
5. Горбунова Л. Г. Т. М. Акимова о фольклоризме Пушкина // Филология : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000. Вып. 5. С. 38–42.
6. Киреева Е. В. Славист профессор СГУ Т. М. Акимова // Славянский альманах 2009. М. : Индрик, 2010. С. 214–224.
7. Киреева Е. В. О материалах спецкурса по славяноведению Т. М. Акимовой в фондах учебной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 409–415. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-409-415>
8. Архангельская В. К. Памяти Т. М. Акимовой (1898–1987) // Русский фольклор. Т. 26. Проблемы текстологии фольклора. Л. : Наука, 1991. С. 271–273.

9. Акимова Т. М. О поэтической природе народной лирической песни. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1966. 172 с.
10. Акимова Т. М. Очерки истории русской народной песни. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1977. 188 с.
11. Акимова Т. М. Русская народная песня: очерки истории жанров. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 169 с.
12. Киреева Е. В. Песни литературного происхождения в вузовском изучении вопросов взаимодействия литературы и фольклора // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. науч. тр. Вып. 7. Саратов : Саратовский источник, 2017. С. 76–80.
13. Киреева Е. В. Междисциплинарные связи при изучении песен литературного происхождения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 408–412. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-4-408-412>
14. Киреева Е. В. Материалы спецкурса Т. М. Акимовой о песенной лирике // Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2003. С. 75–87.
15. Киреева Е. В. Рукопись Т. М. Акимовой (собрание песен о Великой Отечественной войне г. Саратова и области) в учебной лаборатории СГУ «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» // Культурное наследие г. Саратова и Саратовской области : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 14–17 окт. 2021 г.). Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 49–56.
16. Киреева Е. В. Песни Великой Отечественной войны в творческом наследии проф. Т. М. Акимовой // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социально-гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23, № 79 (1). С. 80–83. [https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-79\(1\)-80-83](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-80-83)
17. Петровский М. «Езда в остров любви» или Что есть русский романс // Вопросы литературы. 1984. № 5. С. 55–90.
18. Бахтина В. А. Перебирая книги и письма... // Вера Константиновна Архангельская. К 50-летию научно-педагогической деятельности: Библиографические материалы / отв. ред. Ю. Н. Борисов. Саратов : Научная книга, 2003. С. 53–61.

Поступила в редакцию 27.09.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 27.09.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 30.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 62–66

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 62–66

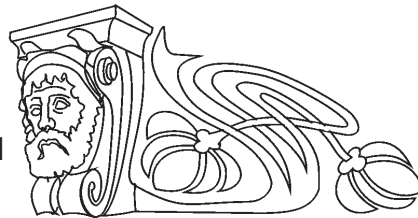
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-62-66>, EDN: EMNYAE

Научная статья

УДК 332.21(470+571)|1889/1892|+929[Фет+Столыпин]

А. А. Фет и Д. А. Столыпин: диалог о крестьянском землевладении (по материалам неопубликованных писем)¹

Л. И. Черемисинова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой начального языкового и литературного образования, larisa.cheremisina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7727-8973>

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор неопубликованных писем Д. А. Столыпина к А. А. Фету, относящихся к 1889–1892 гг. В ней рассматриваются особенности отношений между названными авторами, устанавливаются причины их сближения и последующего дружеского общения. Центральное место в письмах Столыпина к Фету занимает обсуждение вопросов развития сельского хозяйства России, которым посвящены многие публицистические статьи обоих корреспондентов. Они были единомышленниками: верный путь развития пореформенной России видели в разрушении общинного землевладения и создании сети хуторских хозяйств, в переводе всей страны на предпринимательские рельсы. Письма Столыпина к Фету позволяют восстановить творческую историю совместно написанной брошюры «Сельскохозяйственные очерки» (1889). Брошюра состоит из трех статей: две принадлежали Фету («По поводу статьи “Семейные участки”» и «Ответ на заметку “Вестника Европы”»») и одна – Столыпину («Несколько слов о бытовом и экономическом устройстве крестьян по поводу статьи А. А. Фета»). Ее скрепляет единство темы – обсуждение проблем развития сельского хозяйства России в связи с выходом правительственного указа от 13 июля 1889 г. и вызванных этим указом дискуссий в периодической печати. Фет был уверен в непреложности законов жизни, вследствие которых отжившее общинное владение будет непременно заменено частной крестьянской собственностью на землю; этот процесс будет сопровождаться расслоением внутри крестьянства на «кулаков» и «батраков», увеличением количества арендных хуторов и доли личных подворных хозяйств. Только на этом пути Фет и Столыпин видели возможность будущего экономического процветания сельского хозяйства России.

Ключевые слова: А. А. Фет, Д. А. Столыпин, письма, публицистика, крестьянское землевладение, хуторское хозяйство

Для цитирования: Черемисинова Л. И. А. А. Фет и Д. А. Столыпин: диалог о крестьянском землевладении (по материалам неопубликованных писем) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 62–66. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-62-66>, EDN: EMNYAE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A. A. Fet and D. A. Stolypin: A dialogue on the peasants' land ownership (On the material of unpublished letters)

L. I. Cheremisinova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa I. Cheremisinova, larisa.cheremisina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7727-8973>

Abstract. The article presents an analytical review of D. A. Stolypin's unpublished letters to A. A. Fet, dated back to 1889–1892. The article considers the relationship between the authors, defines the reasons for their bonding and further friendly communication. Discussing the issues of agricultural development in Russia is central in Stolypin's letters to Fet, both correspondents having dedicated opinion articles to these questions. They were likeminded people: they saw the right way of the development of the post-reform Russia in destroying communal ownership of land and creating farmstead establishments, in switching the whole country to the entrepreneurship. Stolypin's letters to Fet help restore the creative history of the brochure "Agricultural sketches" (1998) written in collaboration. The brochure consists of three articles: two written by Fet ("On the article 'Family plots of land'" and "The answer to the piece of *Vestnik Evropy* (European Bulletin)") and one written by Stolypin ("Some words on the household and economic organization of peasants about A. A. Fet's article"). The brochure is consolidated by the theme unity – a conversation about the issues of agricultural development in Russia on account of the governmental decree of July 13, 1889, and discussions this decree

¹ Предлагаемая читателю статья продолжает исследование, представленное в более ранней публикации. См.: Черемисинова Л. И. А. А. Фет и Д. А. Столыпин // Литературное краеведение Поволжья : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1997. С. 59–67.

caused in periodical press. Fet was certain that the laws of life are unalterable, therefore, the obsolete community ownership would be inevitably replaced by partial peasants' land ownership; this process would be accompanied by the stratification within peasantry into "rich peasants" and "day laborers", by the increase in the number of rented homesteads and the share of private households. Fet and Stolypin considered this as the only way where the agriculture of Russia would have an opportunity for future economic prosperity.

Keywords: A. A. Fet, D. A. Stolypin, letters, opinion journalism, peasant land ownership, farmstead establishment

For citation: Cheremisinova L. I. A. A. Fet and D. A. Stolypin: A dialogue on the peasants' land ownership (On the material of unpublished letters). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 62–66 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-62-66>, EDN: EMNYAE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В НИОР РГБ хранятся девять писем Дмитрия Аркадьевича Столыпина (1818–1893), публициста, общественного деятеля, автора трудов по сельскому хозяйству, позитивной философии, политической экономии, к А. А. Фету (1820–1892), известному поэту и автору многочисленных публицистических статей по вопросам преобразования сельского хозяйства пореформенной России. Все корреспонденции относятся к 1889–1892 гг. Ответные письма А. А. Фета неизвестны. Первое письмо датировано 26 июля 1889 г.², последнее, от 23 ноября 1892 г., является соболезнованием по поводу кончины Фета. Судя по содержанию этих писем, были и более ранние по времени корреспонденции, неизвестные нам. Стало быть, знакомство авторов переписки произошло до июля 1889 г.

Что сближало Д. А. Столыпина и А. А. Фета? Возможно, у них были общие литературные интересы. Прежде всего – связанные с именем М. Ю. Лермонтова, которого Фет почитал как прекрасного поэта. Родной брат Алексея Аркадьевича Столыпина («Монго»), Дмитрий Аркадьевич был в близком родстве с М. Ю. Лермонтовым (его двоюродным дядей), дружески общался с ним, о чем свидетельствуют его воспоминания [1, с. 207]. Участие Д. А. Столыпина в жизни Лермонтова, безусловно, было любопытно Фету.

Д. А. Столыпин был знаком с другим литературным «кумиром» лирика – Л. Н. Толстым: во время Крымской кампании оба они были участниками обороны Севастополя, за что Дмитрий Аркадьевич был награжден Золотым оружием. В дневнике Толстого содержится краткая информация о разговоре со Столыпиным, относящаяся к 10 июня 1855 г. [2, с. 45]. В конце того же 1855 г. (или в самом начале 1856 г.) состоялось знакомство Фета с Толстым [3, с. 88], превратившееся в четвертьвековую дружбу.

В письмах Столыпина упоминаются литераторы В. П. Боткин, М. Н. Катков, Д. Н. Цертелев, называются и оцениваются влиятельные и только что появившиеся периодические издания того времени (газета «Московские ведомости», журналы «Русский вестник», «Русское обо-

зрение»). И Фет, и Столыпин были известными публицистами России 1860-х–1880-х гг. Почти ровесники (Столыпин всего на два года старше), они были детьми одного века, близкими по духу, ценностным установкам и взглядам на жизнь.

Как свела судьба известного поэта Афанасия Фета, владельца поместья в Воробьевке Курской губернии, и Дмитрия Столыпина, родовитого дворянина, саратовского и пензенского помещика? Ответа на этот вопрос пока нет. Обстоятельства и дата их личного знакомства неизвестны. Судя по письмам, к концу октября 1889 г. между обоими корреспондентами сложились добрые приятельские отношения: они сообщали друг другу о состоянии здоровья, проживая в Москве, навещали друг друга, обменивались своими публикациями.

Приглашения в гости звучали почти в каждом письме, причем адресовались они и жене Фета Марии Петровне Шеншиной (урожд. Боткиной): «Прошу, дайте весточку моему посланному, выезжаете ли Вы? Я же безвыездно сижу дома. <...> Если Вы выезжаете и желали бы посетить с Марией Петровной больного, я был бы вам очень обязан, и мог бы к случаю показать статью» (29 ноября 1889 г.); «Очень буду рад видеть Марию Петровну и Вас в субботу у себя» (другое письмо того же дня) [4, л. 7 об., 8]. Фет и Столыпин взаимно называли «добрыми гениями» окружавших их домочадцев, интересовались их жизнью и здоровьем.

Центральное место в письмах Д. А. Столыпина к Фету занимает обсуждение развития сельского хозяйства России, которому посвящены многие публицистические статьи обоих авторов. Они были единомышленниками: верный путь подъема пореформенной России видели в разрушении общинного землевладения и создании сети хуторских хозяйств, в переводе всей страны на предпринимательские рельсы. Письма Д. А. Столыпина позволяют прояснить творческую историю совместно изданной брошюры Фета и Столыпина «Сельскохозяйственные очерки» (1889).

Как сообщает мемуарист С. Д. Шереметев, Д. А. Столыпин воспитывался в доме своего

²Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

дяди, крупного землевладельца Афанасия Алексеевича Столыпина (1788–1864), и от него воспринял увлечение сельскохозяйственными занятиями [5, с. 221–222]. Многие земельные владения А. А. Столыпина после его смерти перешли в управление к Д. А. Столыпину.

«Любовь к земле и профессиональное <...> государственное отношение к обязанностям землевладельца – черта, <...> свойственная не только Афанасию, – отмечает А. М. Марченко. – <...> Столыпина <...> во все вникали лично, не доверяя случайным управляющим, не разоряли, а обустроивали землю, подходя к этому делу не только с практической, но и с теоретической стороны» [6]. Эти слова в полной мере относятся к деятельности Д. А. Столыпина, а в дальнейшем – к аграрной реформе его двоюродного племянника, выдающегося государственного деятеля России Петра Аркадьевича Столыпина.

Современники знали Д. А. Столыпина как ревностного сторонника создания арендных хуторов в России. Эта его увлеченность возникла в ранней молодости. Архивные источники свидетельствуют о том, что, будучи двадцати лет отроду, он уже размышлял об оптимальных способах землеустройства, о необходимости выделять свободные земли для продажи крестьянам с целью создания «класса достаточных крестьян-хозяев» [7].

Выйдя в отставку после Крымской войны, Столыпин стал заниматься практическим «усовершенствованием многочисленных имений, как своих, так и опекаемых им. Слава хорошего хозяина привела к тому, что к Дмитрию Аркадьевичу стали обращаться за практическими советами, и ему пришлось принять не одно расстроенное имение, которое в руках его снова приходило в цветущее состояние» [5, с. 222].

В 1874 г. он стал членом, а затем и председателем Комиссии по вопросу об устройстве крестьянских хуторов в современных условиях хозяйства, созданной при Императорском Московском обществе сельского хозяйства с целью сбора информации о состоянии сельского хозяйства и промыслов в различных регионах России. «Материалы, собранные Комиссией, и доклады ее председателя Д. А. Столыпина убедительно свидетельствовали о преимуществах ведения единоличного арендного землепользования перед общинным», – отмечают современные исследователи публицистики Фета Г. Д. Асланова и В. И. Щербков [8, с. 470].

Возможно, поводом для обмена письмами между Д. А. Столыпиным и Фетом в 1889–1892 гг. явился Указ правительства от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и крестьян на казенные земли...», который

законодательно разрешал переселенцам самим выбирать способ пользования землей на новом месте: общинный или подворный. Фет первым откликнулся на этот долгожданный указ (послание Фета не дошло до нас), о чем свидетельствует письмо Столыпина к нему, датированное 26 июля 1889 г.: «Сердечно благодарю Вас за письмо и за извещение. Могу прибавить, что знаю, что министр Устрялов, граф Воронцов-Дашков также стоят за хуторское хозяйство. Желательно, чтобы это перешло в действие. Например, сделать закон о переходе обязательном к подворному владению через известное число лет пользования» [4, л. 15].

Обнародование указа вызвало разноречивые отклики в прессе. Фетовская заметка «По поводу статьи “Семейные участки”» была непосредственной реакцией на статью К. П. Победоносцева «Семейные участки», опубликованную в сентябрьском номере «Русского вестника» (1889), и опосредованной – на указ от 13 июля 1889 г. Особенно привлекла Фета идея Победоносцева о неделимости земельной собственности и о превращении ее в вотчинное, наследственное владение [8, с. 342].

Статья вызвала негативную реакцию: в «Вестнике Европы» появилась ироничная заметка анонимного автора «Экскурсия г. Фета в область публицистики» [9]. Вместо обстоятельного разбора выдвинутой Фетом проблемы в ней содержалась огульная критика самого Фета с его «набегами» в область публицистики, начиная с 1860-х гг. и до последнего выступления в «Московских ведомостях». Смысл фетовской статьи трактовался утрированно – как «страстное желание обеспечить помещичьи хозяйства безземельными батраками» [8, с. 463–464].

Таким образом, публицистические выступления в печати и практическая сельскохозяйственная деятельность А. А. Фета подвергались критике, не одобрялись современниками. Впрочем, такова была участь и его соратника Д. А. Столыпина. В некрологе о Д. А. Столыпине, написанном В. Фуксом, содержатся такие воспоминания: «Я по-своему служу своей Родине, – говаривал он нам часто, – и если только когда-нибудь мои взгляды восторжествуют, вы увидите, как Родина будет мне благодарна! Правда, меня никто не хочет понимать, моих брошюр никто не читает, но я не в претензии на это; с меня довольно, что я делаю то дело, которое требует от меня моя совесть и честь» [10, с. 337].

Сожаление о непонимании современниками столыпинских идей преобразования сельского хозяйства России звучало и в письмах корреспондента к Фету. Так, публикации заметки Фета в «Московских ведомостях» было предпослано редакторское вступление, в котором отмечалась

важность поднятого автором вопроса, вызвавшего бурные дискуссии в дореформенную эпоху. Редакция приглашала к всестороннему и «тщательному рассмотрению» [8, с. 461, 462] поднятого в статье вопроса.

На этот призыв к обсуждению откликнулся Д. А. Столыпин, о чем сообщил Фету 27 октября 1889 г.: «По поводу Вашей статьи я написал статью, которую при сем препровождаю; она была уже написана, когда одно горестное обстоятельство заставило меня отложить ее посылку Вам». [4, л. 1 об.]. Речь шла о статье «Несколько слов о бытовом и экономическом устройстве крестьян по поводу статьи А. А. Фета», которую высоко оценил Фет, о чем свидетельствует письмо Столыпина от 28 октября 1889 г.: «Весьма рад, что статья моя получила Ваше одобрение. Я послал ее в редакцию “Московских ведомостей” и полагал, что в словах ее, предпосланных Вашей статье 17 октября, было приглашение к беспристрастному обсуждению вопроса. Для большей уверенности приложил к статье письмо Ваше ко мне, в котором выражено высоко ценимое мною одобрение Ваше. Но получил неблагоприятный ответ от редакции, который при сем прилагаю. Полагаю, что редакция если не явно, то в душе принадлежит к приверженцам общины, затем показное беспристрастие разводится диалектикой. Прямее было бы редакции не делать никаких приглашений, к чему ее никто не побуждал. Можно напечатать статью брошюрой» [4, л. 3–4].

Немного позднее в не дошедшем до нас письме Фет выступил с предложением переговорить с кн. Д. Н. Цертелевым о возможности публикации статей Д. А. Столыпина в недавно основанном журнале «Русское обозрение» (1889 г.). В этом журнале печатались стихотворения Фета, а также его мемуары с включенными в них письмами И. С. Тургенева, В. П. Боткина и Л. Н. Толстого. Столыпин с энтузиазмом воспринял такую возможность: «Очень благодарен Вам за предложение переговорить с кн. Цертелевым. Я бы очень рад был, если б статьи мои помещались в журнале. Я готов даже платить расходы по печатанию», – писал он 9 декабря 1889 г. [4, л. 9].

Однако и здесь его ждало разочарование: Цертелев не принял к публикации его статьи, о чем Столыпин сообщил Фету 23 декабря 1889 г.: «Вчера был у меня кн. Дмитрий Николаевич Цертелев, которому я препроводил с Вашим посланным мою статью, дополненную 2-й и 3-й главой. Князь Цертелев находит неудобным помещению оной в новом журнале по причине, которую я нахожу основательной: он полагает неудобным помещению оной в совер-

шенно новом журнале, так как статья идет вразрез с общепринятыми понятиями в литературе, а также частью и в обществе. Одна статья при таких обстоятельствах недостаточна, необходим ряд статей. При этом кн. Цертелев не знаком специально с вопросом (подчеркнуто автором письма. – Л. Ч.). Тут конечно возникли бы препинания. Сам же по моему здоровью я не могу предложить приготовить ряд статей. Во всяком случае я не имею ни малейшей мысли о сложении оружия» [4, л. 11–11 об.]. Таким образом, Столыпин не получил поддержки со стороны известных периодических изданий, а потому печатал свои материалы преимущественно в виде брошюр, иногда в виде приложений к журнальному выпуску (на собственные деньги).

Плодом совместного труда Фета и Столыпина стал небольшой сборник статей «Сельскохозяйственные очерки» [11], опубликованный в короткие сроки. Мысль об отдельном издании отвергнутой «Московскими ведомостями» статьи пришла Столыпину 28 октября 1889 г., в день, когда он получил отказ редакции газеты печатать его материалы. А 29 ноября 1889 г. весь тираж уже был отпечатан в типографии А. Гатцука, и часть его (34 экземпляра) передана Фету. В промежутке между двумя этими датами авторы успели обсудить содержание своего небольшого сборника и, вероятно, некоторые другие подробности издания (цензура, тираж, типография, стоимость и пр.).

Инициатором, организатором и исполнителем задуманного дела, скорее всего, был Д. А. Столыпин, написавший два письма Фету 29 ноября 1889 г. К первому письму, в котором сообщалось о выходе в свет «Сельскохозяйственных очерков», прилагались четыре экземпляра сборника. Остальной тираж ожидалось получить на следующий день [4, л. 6]. Однако вечером того же дня он отправил Фету второе письмо, в котором уведомлял: «Только что получил остальные брошюры, из коих посылаю Вам 30. Если понадобится еще, то они к Вашим услугам» [4, л. 8].

В сборник «Сельскохозяйственные очерки» вошли две статьи Фета («По поводу статьи “Семейные участки”» и «Ответ на заметку “Вестника Европы”»») и одна – Столыпина («Несколько слов о бытовом и экономическом устройстве крестьян по поводу статьи А. А. Фета»). Единство сборника достигалось общей тематикой – обсуждением преобразований аграрного сектора России в связи с изданием указа от 13 июля 1889 г. и с вызванными этим указом дискуссиями в периодической печати. Главная мысль, метафорически сформулированная Фетом, выражала непреложность законов жизни, вслед-

ствие которых отжившее общинное владение («искусственные тормоза») будет непременно заменено частной крестьянской собственностью на землю («естественным течением») [8, с. 348]. Этот процесс будет сопровождаться расслоением внутри крестьянства на «кулаков» и «батраков», увеличением количества арендных хуторов и доли личных подворных хозяйств. Только на этом пути видели Фет и Столыпин возможность будущего экономического процветания сельского хозяйства России.

Д. А. Столыпин до конца своих дней доказывал преимущества личного хозяйства над общинным, сетовал, что спустя двадцать восемь лет после отмены крепостного права «вопрос о бытовом устройстве крестьян остается <...> нерешенным в общественном сознании» [8, с. 383]. Он призывал к всестороннему научному рассмотрению эмпирических данных, полученных в процессе ведения хозяйства помещиками-фермерами и крестьянами-собственниками. Для заинтересованных людей Столыпин подкреплял теоретические положения практическими наблюдениями и выводами, рассказывал о создании хуторов в различных местностях Саратовского уезда (при с. Нееловка, д. Каменке, с. Всеволодщине и Тепляковка) [8, с. 388–389].

Бескорыстное служение ради блага Отечества побуждало Д. А. Столыпина неустанно популяризировать накопленный опыт и знания, углубляться в вопрос землеустройства в России, отстаивать очевидную для него истину о необходимости развития частного землевладения в России.

Идея свободного единоличного крестьянского труда оказалась «родовой» установкой Столыпиных, которая вдохновила впоследствии и государственную деятельность Петра Аркадьевича Столыпина. Н. П. Генералова высказала предположение о том, что П. А. Столыпин был знаком с брошюрой «Сельскохозяйственные очерки» [12, с. 35]. Вполне возможно, что и соображения, высказанные в письмах Д. А. Столы-

пина к А. А. Фету, воплотились в хозяйственной жизни России в ходе аграрной реформы, осуществленной П. А. Столыпиным.

Список литературы

1. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона, О. В. Миллер. М. : Художественная литература, 1989. 672 с. (Литературные мемуары).
2. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 47. Дневники и записные книжки 1854–1857. М. : Художественная литература, 1937. 637 с.
3. Розанова С. А. Лев Толстой и Фет (история одной дружбы) // Русская литература. 1963. № 2. С. 86–107.
4. Столыпин Д. А. Письма к Фету-Шеншину А. А. 1889–1892 // НИОР РГБ. Ф. 315. К. 11. Ед. хр. 25. Л. 1–17 об.
5. Шереметев С. Д. Д. А. Столыпин // Мемуары графа С. Д. Шереметева : в 3 т. Т. 3 / сост. К. А. Ваха, Л. И. Шохина ; подгот. текста Л. И. Шохина. М. : Индрик, 2005. С. 219–227.
6. Марченко А. М. Лермонтов. М. : АСТ: Астрель, 2010. 601 с. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/1138749-alla-marchenko-lermontov.html> (дата обращения: 04.08.2022).
7. Заметки Дм. Арк. Столыпина о сельском хозяйстве и развитии частной промышленности. Черновики /1848/ // РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. № 934. Л. 1.
8. Фет А. А. Наши корни: Публицистика / подгот. текстов, сост. Г. Д. Аслановой ; коммент. Г. Д. Аслановой, В. И. Щербакова. СПб. : Росток ; М. : Содружество «Посев», 2013. 480 с.
9. Экскурсия г. Фета в область публицистики // Вестник Европы. 1889. № 11. С. 462.
10. Ф<укс> В. Д. Арк. Столыпин // Русский вестник. 1893. № 12. С. 335–338.
11. Сельскохозяйственные очерки. М. : Тип. А. Гатцука, 1889. 40 с.
12. Генералова Н. П. Поэзия и правда А. А. Фета // А. А. Фет. Материалы и исследования. Вып. III. К 200-летию Афанасия Афанасьевича Фета (1820–2020) / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН ; отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб. : Росток, 2018. С. 5–36.

Поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 30.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 67–72

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 67–72

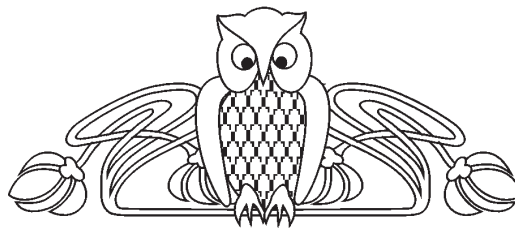
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-67-72>, EDN: EITBXH

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929Чехов

Символика волчка: звуковая деталь в пьесе А. П. Чехова «Три сестры»

О. В. Бигильдинская

¹Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1

²Российский государственный академический молодёжный театр, Россия, 125009, г. Москва, Театральная пл., д. 2

Бигильдинская Ольга Викторовна, ¹аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук, ²руководитель Экспериментального центра по работе со зрителями, bigolga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4212-5544>

Аннотация. Статья посвящена изучению звуковых особенностей чеховского творчества, и в частности, анализу и интерпретации места и роли такой звуковой детали, как волчок, в пьесе А. П. Чехова «Три сестры», ранее не проводившихся исследователями. К анализу привлечены сценические прочтения драмы крупными русскими и европейскими режиссёрами XX–XXI вв. – К. С. Станиславским, Вл. И. Немировичем-Данченко, А. В. Эфросом, П. Штайном, Э. Някрошюсом, П. Н. Фоменко и Л. А. Додиныным, которые показывают, что «удивительный звук» волчка для большинства из них играет важную символическую роль в чеховской пьесе, и для ее интерпретаторов важен характер этого звука – вселяющий тревогу в предстоящее действие, а также подсказывающий направление его развития и даже финал. «Удивительный звук» волчка, согласно концепции параллелизма первого и четвертого акта, предложенной Г. И. Тамарли, проецируется на звук выстрела, поразивший Тузенбах в конце пьесы. Сделанные выводы помогут будущим постановщикам драмы в театре и кино более внимательно относиться к звуковым деталям Чехова и видеть символику в, казалось бы, бытовых предметах, введенных в сюжет. **Ключевые слова:** А. П. Чехов, «Три сестры», «удивительный звук» волчка, звуковая деталь, символическое значение, сценические интерпретации

Для цитирования: Бигильдинская О. В. Символика волчка: звуковая деталь в пьесе А. П. Чехова «Три сестры» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 67–72. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-67-72>, EDN: EITBXH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The symbolism of a spinning top: A sound detail in A. P. Chekhov's play *The Three Sisters*

O. V. Bigildinskaya

Moscow City University, 4, build. 1 2nd Selskokhozyaistvennyi proezd, Moscow 129226, Russia

Russian State Academic Youth Theater, 2 Teatralnaya Sq., Moscow 125009, Russia

Olga V. Bigildinskaya, bigolga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4212-5544>

Abstract. The article deals with the study of the sound features of Chekhov's creative legacy, and in particular, with the analysis and interpretation of the place and role of the sound detail of the spinning top in the play by A. P. Chekhov *The Three Sisters*, which has not been previously conducted by researchers. The analysis involves stage readings of the drama by major Russian and European directors of the 20–21st centuries – K. S. Stanislavsky, Vl. I. Nemirovich-Danchenko, A. V. Efros, P. Stein, E. Nyakroshus, P. N. Fomenko, L. A. Dodin, who show that for most of them the 'amazing sound' of the spinning top plays an important symbolic role in Chekhov's play, and for its interpreters the character of this sound is important – instilling anxiety into the upcoming action, as well as foreshadowing the direction of its development and even the finale. The 'amazing sound' of the spinning top, according to the concept of parallelism of the first and fourth acts proposed by G. I. Tamarli, is projected onto the sound of the shot that struck Tuzenbach at the end of the play. The conclusions drawn will help future drama directors in theater and cinema to pay more attention to Chekhov's sound details and see the symbolism in seemingly everyday objects introduced into the plot.

Keywords: A. P. Chekhov, *The Three Sisters*, 'amazing sound' of a spinning top, sound detail, symbolic meaning, stage interpretations

For citation: Bigildinskaya O. V. The symbolism of a spinning top: A sound detail in A. P. Chekhov's play *The Three Sisters*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 67–72 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-67-72>, EDN: EITBXH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Звуковое оформление в пьесах Чехова – одна из важнейших сторон его поэтики. В своей монографии «Поэтика драматургии Чехова» Г. И. Тамарли, цитируя Вл. И. Немировича-Данченко, отмечает, что, создавая на бытовом материале художественный мир своих пьес, Чехов «оттачивал свой реализм до символа» и что в его пьесах «функцию символа часто выполняет звук» [1, с. 82]. В. Б. Катаев отсылает нас к работам А. Б. Дермана, К. И. Чуковского и А. П. Чудакова, «больше и лучше всего» написавших о звуке, запахе и цвете у Чехова. По его мнению, «их работы показывают, что индивидуальный способ воспроизведения и передачи», в частности, «звуков в произведениях Чехова является следствием его мировидения в целом, вытекает из тех задач, которые он как художник ставил перед собой» [2, с. 92–93]. Он же выделяет этапы в его творчестве, последним из которых становится «восхождение <...> от элементарного – цвета, запаха, звука – к высокому, бытийному» [2, с. 92]. Наблюдение Катаева подтверждает актуальность нашего обращения к одной из поздних пьес Чехова «Три сестры».

Л. Е. Бушканец анализирует роль звуков в прозе и драматургии писателя и «влияние открытия Чехова в области детали» на литературу и культуру XX–XXI вв. По ее словам, Чехов «существенно расширил звуковое сопровождение в жизни своих героев», эмоционально наполнив таким образом пространство и время. Но критикам этот мир звуков открылся лишь после постановок чеховских пьес в Московском Художественном театре. Правда, не имея под рукой авторских ремарок, это достижение многие приписывали К. С. Станиславскому [3]. Важно и замечание исследователя о том, что «“чеховские звуки” стали не только фактом литературы, но и фактом культуры» [3].

Самым знаменитым и обсуждаемым «фактом культуры» оказался «звук лопнувшей струны». Заметка Г. А. Бялого под таким названием, напечатанная в № 1 журнала «Театр» за 1985 г., по словам А. Г. Головачёвой, «открыла целое направление в чеховедении» [4, с. 400]. В 2006 г. вышел сборник научных работ «“Звук лопнувшей струны”. Перечитывая “Вишнёвый сад” А. П. Чехова», ставший неким итогом 20-летних исследований, посвящённых этому символическому звуковому образу [5]. А в 2007 г. «Чеховские чтения в Ялте» были посвящены теме «Мир Чехова: звук, запах, цвет», где значительная часть выступлений затрагивала вопросы звуковых особенностей чеховского творчества [6].

Среди современных исследователей звуковых и музыкальных деталей в произведениях

Чехова важно назвать Я. М. Платека [7], А. Н. Панамарёву [8, 9], Н. Ф. Иванову [10–13], Г. И. Тамарли [1]. Интерес литературоведов к звуковой стороне пьес Чехова указывает на актуальность данного аспекта в современной науке. Но несмотря на разнообразие интерпретаций звуковых особенностей чеховских пьес, до сих пор не предпринималось попыток объяснить значение детали, о которой пойдёт речь в данной статье. Мы посвятим её волчку, подаренному Федотиком на именины Ирине в конце первого акта пьесы «Три сестры», и его «удивительному звуку» [14, с. 137]. Этим обусловлена новизна данного исследования.

Цель нашей работы – выяснить, какой символический смысл может быть заложен автором в движение, а также в «удивительный звук» волчка, и каким может быть его звучание.

Обратимся к наблюдениям, сделанным Г. И. Тамарли в ходе анализа текста пьесы. Пытаясь раскрыть тайну чеховских финалов, она находит в четвёртом акте «Трёх сестёр» «закономерности, общие с репризой сонатной формы», и считает, что несмотря на отсутствие точной симметрии, «четвёртый акт построен на параллелизме мыслей и образов, на воссоздании отдельных мотивов и ситуаций, на реминисценциях эмоционально-образных сфер экспозиции» [1, с. 74] первого акта пьесы.

В приведённом ею ряде событий и реплик героев пьесы мы видим, что образы, мотивы и ситуации первого акта (Федотик снимает фотографию, Чебутыкин читает газету, Вершинин знакомится / прощается с сёстрами, Маша цитирует про «лукоморье» и др.) повторяются – иногда в той же последовательности – в последнем акте, но, как замечает Тамарли, уже «в иных условиях, поэтому образуются их новые взаимосвязи, и движение формы приобретает ранее не известный аспект» [1, с. 75].

Опираясь на эту концепцию и анализируя место волчка в структуре экспозиции, мы можем сделать любопытные выводы, увидев его отражение в репризе. Вручение Федотиком волчка Ирине и реплика подпоручика про «удивительный звук» [14, с. 137] как бы отображаются в ремарке последнего акта «Слышен глухой далёкий выстрел» [14, с. 185]. В этой переключке трудно не услышать созвучие.

Рассуждая о символических смыслах крутящегося волчка, можно предположить в нём символ вселенной, которая поглощает героев пьесы, задающих себе и ей экзистенциальные вопросы. Как пишет Г. И. Тамарли, они «втягиваются в бесконечный круговорот бытия, приобщаются к вечности» [1, с. 205]. Волчок может символизиро-

вать «чёрную дыру», засасывающую обитателей дома Прозоровых (правда, тогда мы сблизимся с критиками, называвшими Чехова «певцом безнадежности»). Но все эти теории имели бы смысл, если бы не «удивительный звук», на который даёт указание Чехов. Утверждая, что «удивительный звук» волчка перекликается с «глухим далёким выстрелом», можно предположить, что вращению волчка соответствует вращение пули, убившей барона на дуэли. Обратим внимание на ещё одну подробность: Федотик дарит волчок именно Ирине – той, чьи надежды в четвёртом акте этот выстрел разобьёт. Таким образом, уже в конце первого акта Чехов предлагает услышать предвестие страшного конца.

Какой звук мог издавать чеховский волчок? Опираясь на свидетельства И. С. Шмелёва, представленные в его произведениях «Лето Господне» и «Богомолье», где он рассказывает о своём детстве, приходящемся на конец 1870-х – начало 1880-х гг., можно сделать вывод, что на рубеже веков в России встречались и волчки-гуделки, и музыкальные волчки [15, с. 438; 16, с. 516–517]. И Федотик мог прийти на именины к Ирине с любым из них. Но Чехов всё же говорит не о мелодии, а об «удивительном», особом, говорящем звуке, характерном для поэтики зрелых чеховских пьес. И здесь мы имеем дело с тревожным звуком, пророчащим трагедию.

Предсказывающие беду звуки – самый известный из которых «звук лопнувшей струны» – раздаются и в «Трёх сёстрах». И если в «Вишнёвом саде» Б. Костелянец «считает этот внезапный звук не просто эпизодом, а драматическим событием в развитии пьесы» и пишет, что он «предвещает многое: <...> отнимает надежды» [17, с. 402], то в «Трёх сёстрах» такими драматическими событиями можно считать не только «шум в печке» в начале второго действия («...незадолго до смерти отца гудело в трубе. Вот точно так» [14, с. 143]), но и «удивительный звук» волчка. И точно так же, как в последней чеховской пьесе, «предчувствие, возникшее во втором акте, <...> как бы сбывается, когда звук лопнувшей струны повторяется в финале [17, с. 402], в «Трёх сёстрах» звук волчка трансформируется в иной – но такой же неожиданный для героев драмы – звук выстрела.

В ходе анализа и интерпретации места и роли волчка как значащей детали в пьесе Чехова необходимо учитывать особенности сценических прочтений драмы крупными русскими и европейскими режиссёрами XX–XXI вв. – теми, кто обращал на эту деталь особое внимание и для кого она вдруг начинала иметь особое значение.

Так, в первой постановке «Трёх сестёр» **Художественным театром (1901 г., реж.**

К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко) сцена дарения волчка проходит «под тихий говор и звук посуды» [18, с. 125] (тут и далее ремарки Станиславского) и читается как обычная бытовая деталь. Мы даже не знаем, заводят ли волчок Федотик или Ирина: согласно пометкам в режиссёрском экземпляре, после своей реплики она ведёт гостя «к закусочному столу» [18, с. 125]. Но мы знаем, что волчок значится в списке реквизита второго акта под номером 13. Он попал в число неубранных с ковра детских игрушек, которые Анфиса в самом начале акта собирает в корзину и уносит. Об этом свидетельствуют дальнейшие указания режиссёра [18, с. 129, 132–133, 135]. Очень интересно, что подарок Федотика появится в четвёртом акте, но снова в списке реквизита, который будет лежать на балконе опять среди игрушек: «волчок (из 1-го акта)» [18, с. 242]. И даже зазвучит в сцене общения Наташи с Бобиком (за окном) – но вряд ли звучание его в спектакле Станиславского и Немировича-Данченко, перенасыщенном бытовыми звуками, имело символическое значение.

А. В. Эфрос ставил «Три сестры» **в Театре на Малой Бронной** дважды: в **1967 и 1982 гг.** Это был режиссёр, не единожды обращавшийся к Чехову, и он чувствовал особенную роль волчка в пьесе. Об этой детали в обоих спектаклях остались воспоминания театроведов.

Так, Т. К. Шах-Азизова отмечает, что первый спектакль Эфроса был «насквозь музыкален. Иногда мелодия прорывалась наружу – красивым вальсом, сопровождавшим действие; негромким пением подаренного Ирине волчка. С этим таявшим в воздухе звуком в спектакль входила тревога и возникал как бы эффект “Вишнёвого сада” – “отдалённый звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный”...» [19, с. 64]. Был ли волчок музыкальным или так Шах-Азизова описывает его звучание, вписывающееся в общую музыкальность сценического текста, – это совершенно не важно, Эфрос понял чеховскую идею: звука-предупреждения, вносящего в атмосферу спектакля тревогу.

Волчок второго его спектакля был знаменателен тем, что стал эпиграфом ко всей постановке. И. Н. Соловьёва пишет: «Статические эпиграфы пришли в спектакли Эфроса позже. <...> прежде чем начаться действию, <...> склонялись над поющим волчком, пока он не замедлит, не упрёт боком, позволяя начаться “Трёх сестрам” во второй их редакции. Эфрос шёл на повторы приема; что-то, видимо, закладывалось для него в этих заставках, которые можно было бы назвать неподвижными, если бы их статика не подчёркивалась еле заметными, тихими и ничего не меняющими в них перемещениями»

[20]. В сохранившемся видефрагменте спектакля можно увидеть, что посмотреть на волчок сбегают все гости прозоровского дома, его запускают на маленьком столике, замирая вокруг. А та самая «удивительная музыка» представляет собой звук, очень похожий на тот, что описывает Шах-Азизова, сопоставляя полученное впечатление с эффектом «Вишнёвого сада». То, что именно волчка выбрал режиссёр для эпиграфа, показывает, насколько важную роль уделял он этой детали и как хорошо чувствовал внимание Чехова к звуковым акцентам в пьесе. А этот акцент считал одним из основных.

О постановке «Трёх сестёр» **П. Штайна в Шаубюне в 1984 г.** вспоминает художник театра К.-Э. Херрман: «Мы в Шаубюне всё выстроили почти по тому же плану, что и у Станиславского. <...> Планировки Станиславского во многих сценах оказались совершенно потрясающими! Например, в первой картине, где все сидят с правой стороны за обеденным столом, у колонн, разделяющих сцену на две части, и вдруг заводят волчок. Это удивительная сцена! Волчок движется, катится по всему пространству, все встают из-за стола и смотрят из-за колонн за волчком. Фантастическая ситуация!» [21, с. 542]. Мы не знаем такого описания в спектакле самого Станиславского, но видим, что Штайн, используя сценографический план спектакля 1901 г., наполнил свою постановку особым, возможно, более точным чеховским смыслом: разделил действие в пьесе волчком на жизнь до и после.

Художница по костюмам этого спектакля М. Биккель вспоминает, как «Три сестры» приходил смотреть А. А. Тарковский, и ему спектакль, скорее всего, не понравился: «Он сказал, что сцена с волчком, будь она продолжительней, была бы ещё более завораживающей...» [21, с. 565]. Для нас это воспоминание важный факт, свидетельствующий о сцене с волчком, всё же «завораживающей» такого предвзятого зрителя, как Тарковский, и делающей важным звуковой и смысловой акцент в спектакле.

Документальных письменных свидетельств о сцене с волчком в спектакле **Э. Някрошюса, поставленном в 1995 г. на Международном театральном фестивале «Лайф» (Вильнюс)**, нами не обнаружено. Но О. Н. Мальцевой зафиксирован очень необычный и важный в связи с затронутой нами темой эпизод, который подтверждает идею параллелизма событий первого и последнего акта (дарение волчка и убийство барона). Перед уходом на дуэль Тузенбах долго и много ест, даже беря еду с соседних тарелок. В конце тщательно вылизывает свою тарелку и «закручивает её, подобно волчку» [22, с. 279]. Автор так объясняет метафорический смысл

этого действия: тарелка вдруг становится «материалом для игры», что придаёт сцене перед дуэлью «трагикомические черты» и акцентирует «трагикомическую составляющую эпизода и спектакля в целом. А мрачные ассоциации, которые в контексте действия порождались ударом замершей и резко упавшей тарелки, сдвигали звучание эпизода в сторону трагедии» [22, с. 279]. Мы же можем дополнить интерпретацию смысла вращающейся тарелки, которая, повторяя характер движения волчка, подаренного Ирине в первом акте, будто является предвестницей пули, предназначенной Тузенбаху.

В постановке **П. Н. Фоменко 2004 г. в Мастерской Петра Фоменко** сам волчок не звучит. Как пишет в рецензии на спектакль Ф. Дарж, «даже волчки не крутятся здесь как положено» [23]. Важно, что волчок запускает лейтмотив всего спектакля – фортепьянную, а следом скрипичную музыку – глубоко печальную и волнующую – будто воспоминание о чём-то щемящем и недоступном. С. Васильева, говоря о музыке спектакля, уточняет, что она «пронзительно-тиха, тяжка для слуха», и в качестве музыкальной детали приводит «раскручивающийся и угасающий вальс детского волчка» [24]. Каждый раз, когда он будет звучать, он станет отсылать к той сцене: странного подарка Федотика – крутящейся детской игрушки. Здесь Фоменко, как и Эфрос, будто следует формуле «любой чеховский текст музыкален» [25, с. 78] и не просто вписывает волчок в музыкальную партитуру спектакля, но и отдаёт ему ведущую роль.

Обратимся в заключение к спектаклю **Л. А. Додина в Малом драматическом театре – Театре Европы (2010 г.)**. О. Егошина ставит его в «ряд постановок-высказываний», замыкающих цепочку перечисленных нами спектаклей [26, с. 216]. И это подтверждает, в частности, додинское решение сцены с волчком.

Одна из рецензентов отмечает всеобщее оцепенение в этой сцене, охватывающее и зрительный зал. Додин так объясняет его: «Когда они слушают гул волчка, то соединяются в одной надежде, в одном нетерпении <...> что будущее будет лучше, чем настоящее» [27, с. 398]. Ж. Зарецкая замечает одно важное решение режиссёра: «...чуть позже *этот же* звук раздастся непонятно откуда, и Маша объяснит Вершинину, что вот так же шумело в трубе, когда умер отец. Звуки, нагнетающие тревогу, пророчащие недоброе, – излюбленный чеховский приём, который когда-то позволил режиссёру Мейерхольду назвать Чехова лириком-мистиком. Но Додин пользуется им лишь затем, чтобы оттенить слишком конкретные предвестники бед» [28].

В финальной сцене у Додина этот «слишком конкретный предвестник бед» и одновременно символ надежды (и это очень по-чеховски) вместе со всеми героями спектакля оказывается на авансцене. Волчок занимает место уже не среди детских игрушек, как у Станиславского, а вполне взрослое место – среди ищущих ответы, тоскующих, надеющихся, продолжающих движение сквозь время и пространство с неизменным заклинанием «Надо жить!». И это его место в финале ещё больше расширяет смысл пьесы. «Удивительный звук». Как ты думаешь, что это значит? Что в неё удивительного? – задаёт вопрос Додин актёру на одной из репетиций и сам же отвечает на него. – Больной. И преходящий. Как наша жизнь. Как ноющая душа, которая уходит и никогда не вернётся». И чуть позже добавляет: «Это подарок талантливого человека, а не глупого. В звуке волчка может внезапно возникнуть образ последующих шестидесяти лет, которые вы должны прожить» [27, с. 313].

Так провозглашённый Станиславским чеховский оптимизм в финале пьесы обозначается Додиным присутствием волчка, ось которого при вращении «чрезвычайно устойчиво сохраняет своё направление» и «наклонить её не так-то просто» [29, с. 22].

Из приведённых примеров можно сделать вывод, что волчок, если оказывается в поле внимания режиссёра, чаще всего издаёт не собственный, а условный (придуманный создателями постановки) звук, имеющий особую смысловую наполненность. Он может служить эпиграфом к спектаклю (как у Эфроса), повторяться в знаковых сценах (как у Додина), разделять жизнь на до и после (как у Штайна) либо запускать музыкальный лейтмотив и вписываться в общую звуковую концепцию (как у Фоменко). Из этих режиссёрских решений видно, что «удивительный звук» волчка играет важную символическую роль в чеховской пьесе, и для её интерпретаторов важен не столько сам звук, сколько его характер – вселяющий тревогу в предстоящее действие, а также подсказывающий направление его развития и даже финал. «Удивительный звук» волчка проецируется на звук выстрела, поразивший Тузенбаха в конце пьесы. В этом ещё одно символическое значение звуковой детали пьесы Чехова «Три сестры».

Сделанные нами выводы помогут будущим постановщикам драмы в театре и кино более пристально вглядываться в звуковые детали Чехова, глубже и внимательнее прочитывать драматургический текст классика, видеть подтекст в, казалось бы, бытовых предметах, введённых в сюжет.

В качестве заключительной ремарки хочется отметить, что до Чехова волчок в текстах русской литературы встречается как игрушка или используется как синоним подвижного, быстрого, светлого человека либо предмета. После чеховских «Трёх сестёр» волчок *услышали*: писатели и поэты начали уделять внимание символике его звука и вращения, наталкивающих на сравнения и размышления экзистенциального порядка.

Список литературы

1. Тмарли Г. И. Поэтика драматургии А. П. Чехова (от склада души к типу творчества). Таганрог : Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та им. А. П. Чехова, 2012. 236 с.
2. Катаев В. Б. «Какое богатство, какие залежи красоты...» // Катаев В. Б. К пониманию Чехова. Статьи. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 87–95.
3. Бушканец Л. Е. «Чеховские звуки» в культуре XX–XXI веков // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 6 (18). URL: <https://portal.novsu.ru/file/1483207> (дата обращения: 01.03.2022).
4. Головачёва А. Г. Предисловие к статье Г. А. Бялого «Звук лопнувшей струны» // А. П. Чехов и И. С. Тургенев : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Шестые Скафтымовские чтения: К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева» (Москва, 8–10 ноября 2018 г.). М. : ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. С. 400–401. (Бахрушинская серия).
5. «Звук лопнувшей струны». Перечитывая «Вишнёвый сад» А. П. Чехова : сб. науч. работ / сост. и науч. ред. А. Г. Головачёва. Симферополь : Доля, 2006. 136 с.
6. Мир Чехова: звук, запах, цвет : сб. науч. трудов. Симферополь : Дом-музей А. П. Чехова в Ялте, 2008. 284 с.
7. Платек Я. М. Одинокая душа: музыка на страницах А. П. Чехова. М. : ИД «Композитор», 2005. 190 с.
8. Панамарева А. Н. Музыкальность в драматургии А. П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 188 с.
9. Панамарева А. Н. Драма Чехова «Три сестры» в звуковом аспекте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 125–130.
10. Иванова Н. Ф. Об одном «музыкальном моменте» в пьесе Чехова «Три сестры» // Чеховиана. «Три сестры». 100 лет / редкол. : А. П. Чудаков (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 2002. С. 203–209.
11. Иванова Н. Ф. Гамлетовская флейта у Чехова // Чехов и Шекспир : по материалам XXXVI междунар. науч.-практ. конф. «Чеховские чтения в Ялте» (Ялта, 20–24 апреля 2015 г.) / редкол.: В. В. Гульченко (отв. ред.) [и др.]. М. : ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2016. С. 58–63. (Бахрушинская серия).

12. *Иванова Н. Ф.* От музыки звучащей («Леший») к незвучащей («Дядя Ваня») // От «Лешего» к «Дяде Ване» : по материалам междунар. науч.-практ. конф. : сб. науч. работ : в 2 ч. / редкол. : В. В. (отв. ред.) [и др.]. Ч. 1. (Москва, Мелихово, 25–27 сентября 2017 г.) М. : ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2019. С. 174–180.
13. *Иванова Н. Ф.* Под какую музыку продается вишнёвый сад? // Наследие А. П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы : материалы Вторых междунар. Скафтымовских чтений (Саратов, 7–9 октября 2014 г.) / редкол. : В. В. Гульченко (отв. ред.) [и др.]. М. : ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2015. С. 200–205.
14. *Чехов А. П.* Три сестры: Драма в четырех действиях // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 117–188.
15. *Шмелев И. С.* Лето Господне // Шмелев И. С. Лето Господне: Роман. Повести. Рассказы. М. : Эксмо, 2009. С. 23–452.
16. *Шмелев И. С.* Богомолье // Шмелев И. С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. Богомолье: Романы. Рассказы. М. : Русская книга, 1998. С. 391–520.
17. *Бялый Г. А.* «Звук лопнувшей струны» // А. П. Чехов и И. С. Тургенев : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Шестые Скафтымовские чтения: К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева» (Москва, 8–10 ноября 2018 г.). М. : ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. С. 400–404. (Бахрушинская серия).
18. Режиссерские экземпляры К. С. Станиславского : в 6 т. Т. 3. 1901–1904 : Пьесы А. П. Чехова «Три сестры»; «Вишнёвый сад». М. : Искусство, 1983. 464 с.
19. *Шах-Азизова Т. К.* Анатолий Эфрос. Чеховская трилогия // Шах-Азизова Т. К. Полвека в театре Чехова. М. : Прогресс-Традиция, 2011. С. 58–74.
20. *Соловьева И. Н.* В поисках радости // Театральная жизнь. 1990. № 21. URL: <https://chapaev.media/articles/10792> (дата обращения: 06.04.2021).
21. *Колязин В. Ф.* Петер Штайн. Судьба одного театра : в 2 кн. Кн. 1 : Диалоги о Шаубюне. М. ; Дорошев : РОССПЕН, 2012. 670 с.
22. *Мальцева О. Н.* Театр Эймунтаса Някрошюса (Поэтика). М. : Новое литературное обозрение, 2013. 304 с.
23. *Дарж Ф.* Петр Фоменко показывает в Шайо «Трех сестер», не вызывающих эмоций // Лё Монд. 5.11.2004. URL: <https://www.fomenki.ru/archive/sisters/4435/> (дата обращения: 06.04.2021).
24. *Васильева С.* Своя жизнь. «Три сестры» и другие обитатели дома Петра Фоменко // Вестник Европы. 2005. № 13–14. URL: <https://www.fomenki.ru/archive/sisters/18707/> (дата обращения: 06.04.2021).
25. *Кайда Л. Г.* Интермедальность – филологический континент. Вольтова дуга авторского подтекста. М. : Флинта, 2019. 112 с.
26. *Егошина О.* Театральная утопия Льва Додина. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 248 с.
27. *Додин Л. А.* Путешествие без конца. Погружение в миры. «Три сестры». СПб. : Балтийские сезоны, 2011. 408 с.
28. *Зарецкая Ж.* Рецепт человечности // Вечерний Петербург. 19.10.2010. URL: <http://www.mdt-dodin.ru/publications/?url=/publications/93.json> (дата обращения: 01.10.2020).
29. *Скурлатов В.* Открылись бездны – звезд полны // Техника молодёжи. 1975. № 2. С. 22–26.

Поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 21.09.2022
The article was submitted 14.06.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 21.09.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 73–79

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 73–79

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-73-79>, EDN: CQXGTE

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929[Чернышевский+Есенин]

О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на повесть «Яр» С. А. Есенина

Е. А. Самоделова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Самоделова Елена Александровна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора, helsa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Аннотация. Имеются доказательства знакомства Есенина со «Что делать?» Чернышевского, что произошло еще в юности будущего поэта, в период его обучения в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг. Из романа писателя XIX в. отдельные повороты сюжета (линия «живого трупа»), некоторые стилистические находки и суждения автора (о тайне, лжеце, Гамлете) как бы перекочевали в повесть поэта XX в., безусловно, в завуалированном и трансформированном виде. Также можно предположить, что один из моментов ссылки Чернышевского отразился во второстепенном персонаже повести Есенина (г. Вилуйск и Вихлюйский стрелок – с выпадением одной буквы). Между тем любые суждения о влиянии поэтики Чернышевского на художественную ткань повести Есенина остаются гипотетическими, в связи с чем приводятся и иные возможные трактовки «темных мест» «Яра». Есенина могли привлечь биографические данные ряда героев (упоминание г. Рязани и р. Оки) в связи с собственным местом рождения на Рязанщине, а также новаторский подход к романному жанру (с включением снов и наличием других вставок); сам поэт также внедрил в «Яр» множество дополнительных элементов – этнографические описания свадьбы и обряда опахивания против эпизоотии, фольклорные цитаты из необрядовых песен и погребального плача, пословицы и поговорки и др. В итоге сложная композиционно-сюжетная структура повести Есенина вполне сопоставима с многоплановостью романа Чернышевского, с его авантюрной линией, со множеством философских отступлений, с поездками героев (мотив странничества). В отличие от «Что делать?», нацеленного в будущее, «Яр» рисует крестьянскую повседневность и традиционную праздничную культуру, изобилует обрисовками регионального сельского быта, что со временем стало ценной этнографической констатацией.

Ключевые слова: «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Яр» С. А. Есенина, образы Рязани и Оки, концепт тайны, Гамлет, Вихлюйский стрелок

Для цитирования: Самоделова Е. А. О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на повесть «Яр» С. А. Есенина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 73–79. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-73-79>, EDN: CQXGTE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the influence of the novel *What is to be done?* by N. G. Chernyshevsky on the story *Yar* by S. A. Yesenin

E. A. Samodelova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, 25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Elena A. Samodelova, helsa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Abstract. There is evidence of Yesenin's acquaintance with *What is to be done?* by Chernyshevsky, which happened during the adolescent years of the future poet, while he was studying at the Spas-Klepikovskaya second-class teacher's school in 1909–1912. From the novel by a 19th century writer individual plot twists (the "living corpse" line), some stylistic findings and the author's judgments (about the mystery, the liar, Hamlet) seem to have migrated to the story of the 20th century poet, of course, in a veiled and transformed form. It can also be assumed that one of the moments of Chernyshevsky's exile was reflected in a minor character in Yesenin's story (the city of Vilyuysk and the Vihlyuyskiy shooter – with the loss of one letter). Meanwhile, any estimations of the influence of Chernyshevsky's poetics on the artistic fabric of Yesenin's story remain hypothetical, for which reason other possible interpretations of the "dark places" of *Yar* are given. Yesenin could be attracted by the biographical data of a number of heroes (the city of Ryazan and the Oka river are mentioned) in connection with his own place of birth in the Ryazan region, as well as by an innovative approach to the novel genre (with the inclusion of dreams and the presence of other insertions); the poet himself also introduced many additional elements into *Yar* – ethnographic descriptions of the wedding and the ritual of plowing around the village against epizootic, folklore quotations from non-ritual songs and funeral lamentation, proverbs and sayings, etc. As a result, the complex compositional and plot structure of Yesenin's story is quite comparable to the multifaceted nature of Chernyshevsky's novel, with its adventurous line, with

many philosophical digressions, with the trips of the heroes (the motive of wandering). Unlike *What is to be done?*, aimed at the future, *Yar* depicts everyday life of peasants and traditional festive culture, it is replete with sketches of regional rural life, which eventually has become a valuable ethnographic material.

Keywords: *What is to be done?* by N. G. Chernyshevsky, *Yar* by S. A. Yesenin, images of Ryazan and Oka, concept of mystery, Hamlet, Vkhlyuisky shooter

For citation: Samodelova E. A. On the influence of the novel *What is to be done?* by N. G. Chernyshevsky on the story *Yar* by S. A. Yesenin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 73–79 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-73-79>, EDN: CQXGTE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Впервые вопрос об опосредованном влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на юношескую повесть «Яр» С. А. Есенина (1915) поставил рязанский лингвист А. А. Никольский в 2020 г. Он возвел сюжетную линию с исчезновением главного героя К. А. Карева, будто бы утонувшего в реке, к пьесе «Живой труп» Л. Н. Толстого (спектакль поставлен в 1911 г. в Москве, и его мог видеть Есенин), подобный мотив которой, в свою очередь, восходит к роману «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и является развязкой ситуации с любовным треугольником [1]; уточним, что шляпа Д. С. Лопухова была прострелена и лежала на мосту, а шапку К. А. Карева нашли целой в весенней полынье.

Добавим: помимо такого окольного пути к сюжету Чернышевского через его переосмысление Львом Толстым у Есенина имелся и более простой путь. Существуют свидетельства самого будущего поэта и его современника о чтении еще в школьную пору романа «Что делать? Из рассказов о новых людях» (1862–1863), который после журнальной публикации в «Современнике» в 1863 г. был опубликован отдельной книгой в 1867 г. Далее вышло зарубежное издание «Чернышевский Н. Г. Суд над Чернышевским и Что делать?: Роман, написанный им в заключении 1862–1863» (1876) [2]. В Российской государственной библиотеке, именованной при жизни Есенина Румянцевским музеем (поэт посещал его), хранятся вырезки из журнала «Современник» (1863, т. 95–96), изготовленные в 1898 г. и озаглавленные следующим образом: «Н. Г. Чернышевский. Что делать?: роман, написанный им в заключении 1862–1863» [3].

Скорее всего, Есенину был доступен роман в одном из двух изданий (оба вышли в 1906 г. и помечены как 3-е изд., под ред. сына М. Н. Чернышевского): Полное собрание сочинений Чернышевского в 10 томах (Т. 9) [4] или, более вероятно, отдельное издание романа «Что делать?» [5].

После Октябрьской революции в 1918 г. издано Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского в 10 т., в томе 9 которого был помещен роман «Что делать?» [6]. Следующие отдельные издания романа выходили уже после смерти Есенина, начиная с 1929 г.

Будущий поэт ознакомился со «Что делать?» еще в период учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг., хотя роман не изучался по программе. Одноклассник Я. А. Трепалин вспоминал о вечерних дискуссиях в школе-интернате на 3-м году обучения, в 1911/1912 учебном году: «Порой между учениками вспыхивали жаркие споры. При этом наиболее активных спорщиков называли именами писателей и критиков: Есенина – Пушкин, Смирнова – Белинский, Тиранова – Чернышевский» [7, с. 66; 8, с. 127].

О Чернышевском до рождения Есенина и при его жизни существовала большая критическая и биографическая литература, часть которой или хотя бы отдельные книги, вероятно, читали учащиеся школы в с. Спас-Клепики: возможно, поэтому (помимо пристрастия к роману) Тиранов получил свое прозвище. На наш взгляд, наиболее интересной, написанной доступным языком и тематически всеохватной является биография «Николай Гаврилович Чернышевский. Его время, жизнь и сочинения» Н. Ф. Денисюка (1908) [9]. Она напечатана за год до поступления Есенина в школу и, следовательно, была самой новой биографией писателя-философа.

В середине (?) декабря 1912 г. из Москвы Есенин сообщал в письме другу по той же школе Г. А. Панфилову: «На все твои слова я мог бы сказать, как Рахметов (“Что делать?”, Чернышевский): “Ты или подлец, или лжец”» [10, т. 6, с. 27, № 16].

Есенин дал неточную цитату из главы 3 раздела ХХІХ¹ «Особенный человек», где передан диалог с Рахметовым: «Через полчаса он сказал: “Ясно, что продолжать бесполезно. Ведь вы убеждены, что я человек, заслуживающий безусловного доверия?” – “Да, мне сказали это все, и я сам теперь вижу”. – “И все-таки остаетесь при своем?” – “Остаюсь”. – “Знаете вы, что из этого следует? То, что вы или лжец, или дрянь!”» [4, с. 189]. Собеседник осмеливался не соглашаться с Рахметовым, которому его доводы казались убедительными, и в итоге ему пришлось объяснять, чем «в настоящем случае» [4, с. 190] отличаются эти типажи. Собеседник впоследствии хотя бы в

¹ Название «раздел» дано нами условно, так как у Чернышевского стоят только римские цифры.

уме признал правоту Рахметова: «<...> он говорит таким тоном, без всякого личного чувства, будто историк, судящий холодно не для обиды, а для истины, и сам был так странен, что смешно было бы обижаться <...>» [4, с. 189–190].

Как свидетельствовали современники поэта и отмечают современные есениноведы, изучающие цитаты в произведениях Есенина, он обладал прекрасной памятью, обычно цитировал литературные фрагменты, не сверяясь с первоисточниками, и допускал неточности, особенно в прозаических строках из-за отсутствия в них легко запоминающихся рифм; но ведь он был поэтом, а не ученым, и имел полное право перефразировать и всячески трансформировать исходные фразы других литераторов. Употребление слова «подлец» вместо «дрянь» в письме Есенина объясняется тем, что первая лексема также встречается в романе Чернышевского, причем часто [4, с. 34, 94, 96, 97, 170]; вторая (с дериватами – «дряноватый», «дрянное», «дрянные», «дрянно») тоже обладает большой частотностью [4, с. 37, 53, 66, 86, 101, 110, 136, 150, 189, 190, 209, 269, 282, 284, 288]; собственно «дрянь» употребляется реже, чем ее производные (в изучении частотности мы использовали механизм компьютерного поиска по корневой морфеме). Значение слова «дрянь» восходит к семантике 'сора, мусора' и могло показаться Есенину, прекрасно владевшему рязанским диалектом с детства, неподходящим для письма (школьная программа включала обучение эпистолярным этикетным нормам), поэтому будущий поэт и допустил путаницу. Так, в говоре д. Деулино Рязанской обл. и р-на «дрянь» обозначает 'гной' [11, с. 154]. Или: «дрянить» – «сорить, мусорить» (1847), «сорить, особенно стружками, разными обрезками» (В. И. Даль); «дрянуться» – «покрываться сором, замусориваться»; очевидно, есть связь между «дранкой» (щепой) и «дряню» (сорными стружками, щепками) [12, с. 229]. В Костромской губ. отмечены «дран» – «дрянь (мусор, отбросы, грязь; мелкие сухие ветки, щепки и т.п.)»; «дрянушник», «дрянушников» – «человек, одетый в тряпье, лохмотья; оборванец» [12, с. 229]. В то же время слово «дрянь» Есенин употребляет в более поздний период в своем творчестве, вообще насыщенном диалектизмами; оно появилось в стихотворении «Синий день. День такой синий» (<октябрь 1925>²): «И зачем в такую рань // Он поет – дурак и дрянь?» [10, т. 4, с. 280]. В «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» (<1923>) и в двух его ранних вариантах: «Пусть целует она другова, // Молодая, красивая

дрянь»; «Пусть целует она другова, // Изжитая, красивая дрянь» [10, т. 1, с. 173, 339]. И в журнальной публикации стихотворения «Ты прохладой меня не мучай...» (1923; опубл.: 1924): «Как заборная надпись и дрянь» [10, т. 1, с. 349]. И в «Моем пути» (<1925>): «На кой мне черт, // Что я поэт!.. // И без меня в достатке дряни» [10, т. 2, с. 162]. И в «Сказке о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (7/8 октября 1925): «С эдаким товаром // Дрянь быть комиссаром» [10, т. 2, с. 172]. И в статье «Дама с лорнетом» (<1925>): «Вы продажны и противны в этом, как всякая контрреволюционная дрянь» [10, т. 5, с. 230]. Очевидно, со временем Есенин стал осознавать допустимость использования просторечий в художественном творчестве ради усиления выразительности определенных моментов.

Вероятно, именно с Тирановым Есенин имел возможность обсуждать многие детали романа Чернышевского: имя однокашника неоднократно всплывало в период учебы в с. Спас-Клепики в письмах к Г. А. Панфилову в июне 1911 г., к К. П. Воронцову 10 мая 1912 г. [10, т. 6, с. 7, № 1, с. 9, № 3]. Учитель Е. М. Хитров в «Моих воспоминаниях о Сергее Есенине» 25 февраля 1924 г. также назвал фамилию Тиранова: «Из них наиболее выдающимся был некто Е. Тиранов, рабочий с Великодворского завода. У Тиранова муза была мрачная, скорбная, стих тяжеловатый, занимали его более гражданские темы. Произведения его были обширны по объему, простираясь до поэм, но мысли в них кипели, чувство клокотало. <...> Не знаю, где теперь Тиранов и как сложилась судьба его. Говорят, что он уехал куда-то в Сибирь и слуху о нем нет» [13, с. 140].

Вся жизнь Есенина показывает, что она выстраивалась сознательно в расчете на любителей словесности, проводилась напоказ как захватывающее зрелище с публичным чтением стихов в кафе имажинистов «Стоило Пегаса», в Политехническом музее и т.п., с переименованием одной из московских улочек в улицу поэта и с начертанием нецензурных стихов на стенах Страстного монастыря, включала маскарадные костюмы и разные сценические образы (от кудрявого Леля до Пушкина в цилиндре и пальмерстоне) и т.д. [14]. Есенин утверждал, что он не любит авантюрные романы, но в числе приобретенных им около двух десятков книг в свой первый приезд в Москву называет «уголовные романы лубочных изданий» – «Графиню-нищую» и «Ваньку Каина» (последний упомянут у Чернышевского в VII разделе 2-й главы) [4, с. 54], купленные для своего смертельно больного школьного друга Г. А. Панфилова в январе 1914 г. [10, т. 6, с. 56, № 33]. Безусловно, Есенин не мог пройти мимо романа «Что делать?», со-

² Здесь и далее угловые скобки при датах произведений Есенина показывают их приблизительность и условность, даны современными текстологами-комментаторами – в отличие от дат, поставленных самим поэтом.

зданного в камере Петропавловской крепости колоритной фигурой – политическим заключенным, сыном священника, философом, другом Н. А. Некрасова и Н. А. Добролюбова, одним из фактических редакторов журнала «Современник», издававшегося И. И. Панаевым. Философские вопросы волновали будущего поэта в юности и отражены в письмах к тому же Грише Панфилову и юной учительнице М. П. Бальзамовой в 1912–1914 гг. [10, т. 6, с. 10–17, 22, 25, 27–42, 47–54, 59–60]. Уже сами необычные условия написания романа в тюремном замке, тайная пересылка его на волю по частям, нахождение способа не подпасть под цензурный запрет, многослойность сюжета (с его авантурной частью и лихо закрученной интригой, с психологическим комментированием, с экономическими выкладками, с многолинейностью действий) со множеством авторских отступлений, с историко-политическими размышлениями, с включением снов героини с изображением будущего – все эти факторы были призваны привлечь внимание читателей-интеллигентов, к числу которых, безусловно, относил себя Есенин, несмотря на происхождение (точнее, своего лирического героя) – «крестьянский сын» в позднем стихотворении «Мелколесье. Степь и дали...» (21–22 октября 1925) [10, т. 1, с. 291].

Показательно, что в романе Чернышевского многократно упомянуты г. Рязань и р. Ока, милые сердцу Есенина как уроженца Рязанской губернии, тем более проживавшего в селе на берегу этой реки. Отец главного героя Д. С. Лопухова был «рязанским мещанином», сам он собирается в этот город и его жена Вера Павловна тоже, она получает письмо о поездке мужа туда (раздел II главы 2-й, разделы XXVI–XXVII главы 3-й, разделы I, II и V главы 4-й) [4, с. 39, 179, 219, 223, 225, 228–229]. Именно Оку как прибрежную территорию счастливого проживания народа называет «старшая сестра», восьмая и последняя по счету в исторической смене мифологических богинь в «Четвертом сне Веры Павловны»: «Да, ты видишь невдалеке реку, – это Ока; эти люди мы, ведь с тобою я, русская!» (в разделе XVI главы 4-й) [4, с. 260]. Также в романе Чернышевского в разделе XI главы 4-й приведено воспоминание автора об увиденном страшном пожаре и мысль о том, что помощь в его тушении способствует исчезновению страха [4, с. 242]; ср. описание пожара – «в глаза ударило пламя с поселка Чухлинки», «Попы горят» – и участие в его ликвидации героев «Яра» Есенина [10, т. 5, с. 84]. Интересно, что в «Яре» Есенина, наоборот, нет гидронима Ока, несмотря на проживание автора на ее берегу и на расположение упомянутых в повести селений и других объектов возле этой реки.

Может быть, даже Вихлюйский стрелок в «Яре», приславший письмо о будто бы утонувшем в проруби К. А. Кареве его родителям, намекает (с выпадением одной буквы) на р. Вилюй в Сибири и г. Вилюйск, в котором находился Чернышевский на последнем этапе политической ссылки? А. А. Никольский, не комментируя эпитет, указывает на семантику «стрелка» как ‘лесника’, ссылаясь на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [1, с. 48]. В повести говорится: «Не вернулся Костя с охоты, а после Пасхи пришло письмо от Вихлюйского стрелка» [10, т. 5, с. 59].

Однако равно вероятны и другие версии. Например, что Вихлюйский стрелок (заглавную букву мог поставить редактор или корректор) означает ‘высоченного неуклюжего попрошайку’, так как обобщающую семантику неразрывного словосочетания (устойчивого клише) можно вывести из значений его составных частей: 1) «вихлюй» – «жердяй, неуклюжий, длинный, худощавый человек» (рязанск.) [15, с. 184]; 2) в переносном смысле «стрелок» – «ловкий попрошайка, вымогатель» (моск.) или даже «вор-карманник» (владим.) [16, с. 304; 17, с. 320–321]. Если принять во внимание синонимические эпитеты – напр., «вихляватый», «вихляеватый» в значении «ненадежный; такой, на которого опасно положиться» (псков., вологод.) [16, с. 304], то коннотация «крылатого выражения» сдвинется в сторону ‘опасного попрошайки-вымогателя’.

В книге «Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта» в очерке «Хитровка» В. А. Гиляровский употребил подобное словосочетание с похожим значением: «<...> Коська был избит Сашкой и переведен в “пешие стрелки”, “с ручкой”» [18, с. 39]. В очерке «Сухаревка» писатель-москвовед привел нейтральное значение слова: «<...> а “стрелки” скупают повсюду отдельные книги в одиночку и перепродают букинистам, собиравшимся в трактирах на Рождественке, в Б. Кисельном пер. и на Малой Лубянке» [18, с. 60]. До сих пор в московском диалекте бытует глагол «стрельнуть» в значении ‘выпросить’: например «стрельнуть сигарету» (запись Е. А. Самоделовой в Москве в конце XX в. – архив автора). А при жизни Есенина было известно следующее: «Стрелок – так называют себя московские профессиональные нищие», чья территория влияния доходила до Крестецкого у. Новгородской губ. [17, с. 320]. И характеристика их была такой: «Нигде и никогда не захочет стрелок стать наравне с кусочником-нищим, собирающим по преимуществу хлебом... особенный стрелковый способ собирания денег породил и развил в них необыкновенную изобретательность, находчивость и такую сметливость, искусство выпро-

силь у всякого встречного-поперечного, до какой разве достигают странствующие шарлатаны» [17, с. 320–321].

Употребленное Есениным двухсловное клише не зафиксировано в областных словарях, но художественная топонимика «Яра» и прообразы упомянутых населенных пунктов, включая реальный хутор Яр, находятся в диалектной зоне Владимирско-Рязанско-Московского пограничья. В повести имеется несколько сюжетных линий с нападением нищих странников, «прохожих» и «прохожалок», на других странствующих людей, в том числе истинных богомольцев (см. вымышленный случай с Аксюткой и «хлюстом» и гибель Натальи Каревой). Аксютка рассказывает Кареву «страшный случай» с псевдопризнанием: «С богомольцами, думаю, лучше промышлять» [10, т. 5, с. 47]. Побирושка приписывает несчастной Наталье, отправившейся в Киево-Печерскую лавру, свой противозаконный образ действий: «<...> знаем мы вас, прохожалок. Нахайте с чужой крови-то, а потом раздаете» [10, т. 5, с. 114]. Иными словами, некоторые крестьяне прямо рассуждают о воровстве как доходном «отхожем промысле».

Но возможно и прочтение «вихлюйского стрелка» как метафоры с ироническим звучанием, с обозначением вора-неудачника, что основывается на другом значении эпитета: «вихлюй» – «разиня, ротозей, нерасторопный человек» (яросл., тамб.) [16, с. 304]; словечко с такой семантикой распространено примерно в той же географической зоне, с Рязанщиной – ее ядром. Согласно двум этим гипотетичным трактовкам получается, что именно Вихлюйский стрелок задает интригу с «живым трупом», а сам «условный мертвец» Карев мог даже не догадываться об этом (в отличие от Д. С. Лопухова у Чернышевского), если только он не был соучастником, а просто тонул в полынье и выбрался из нее, потеряв шапку «с адристом» [10, т. 5, с. 59].

Впрочем, возможна и более простая семантика словосочетания, основанная на первоначальном смысле «стрелка» как «охотника», или на «выросшем» из него значении – «лесник; лесной сторож при казенном дачном участке» (Смолен., Северо-Запад., Вологод., Орлов.) [17, с. 320]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отмечен «стрелок» – «кто стреляет; охотник ружейный, ловец, лесник, полевщик, промышляющий ружьем зверя и птицу», а также «стрелок, застрельщик, солдат из передового, рассыпного строя» [19, с. 315].

В романе «Что делать?» фигурирует «Гамлет» Шекспира: раздел VIII главы 2-й называется «Гамлетовское испытание»; «В четверг было Гамлетовское испытание по Саксону Грамма-

тику» (в разделе XI главы 2-й); Марья Алексевна «будто читала Саксона Грамматика, рассказывающего, как испытывали Гамлета в лесу девицею» (в разделе VII главы 2-й) [4, с. 57, 67, 56]. В «Яре» Есенина вроде бы нет отголосков трагедии Шекспира, однако мысль Чернышевского, вложенная в уста его героини, об испытании «Гамлета в лесу девицею» находит непосредственную параллель с любовным испытанием К. Карева «лесной русалкой» Лимпиадой, и этот жизненный экзамен он и его любимая девушка не выдержали, оба погибли.

В дальнейшем прямые упоминания и отсылки «Гамлета» и самого Шекспира окажутся в «Ключах Марии» (1918), «Пугачеве» (1921), «Стране Негодяев» (1922–1923) Есенина, в письме к А. Б. Мариенгофу не ранее 20 июля и не позднее августа 1922 г.; большинство из них подробно рассмотрено Н. И. Шубниковой-Гусевой [10, т. 6, с. 146, т. 3, с. 557–562; 20; 21].

У Чернышевского тема Шекспира встречается еще в связке с Боккаччо, что уже далеко от Есенина; писатель XIX в. в разделе XV главы 3-й рассматривал средневековых литераторов в качестве доказательств, что народные нравы за 500 лет стали менее грубыми, и приводил сложный двойной диалог автора с «проницательным читателем» и Верочки с Кирсановым: «<...> уж, конечно, не услышит от него ни одной светлой, свежей, чистой мысли, которых у Боккаччио так много): – ты правду говорил, мой милый, что у него громадный талант. Некоторые его рассказы надобно, по-моему, поставить рядом с лучшими Шекспировскими драмами по глубине и тонкости психологического анализа» [4, с. 249]. Устами своих персонажей Чернышевский высказывает суждение о том, что «грубый фарс» половину тысячелетия назад не считался «слишком площадным» и «неприличием» [4, с. 249].

Чернышевский неоднократно упоминается в книге «Слова и жизнь» (1909) Д. В. Филофова [22, с. 285, 295, 297]. На факт вручения автором трех книг поэту обратила внимание Н. М. Солнцева: «В 1915 г. Д. Филофов дарит Есенину свои книги “Неугасимая лампада: Статьи по церковным и религиозным вопросам” (1912), “Старое и новое: Сборник статей по вопросам искусства и литературы” (1912), “Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908 гг.)” (1909)» [23, с. 112]. Все книги имеют дарственные надписи Д. В. Филофова от 12 и 15 апреля 1915 г., т.е. незадолго до написания «Яра» [24, с. 346–347].

Мы не рассматриваем причины, по которым Чернышевский, родившийся в г. Саратов, учившийся в Саратовской духовной семинарии и Петербургском университете, сделал одного

из своих основных героев уроженцем Рязани и вывел Оку главной рекой сна-мечты Веры Павловны, но, безусловно, Есенин должен был обратить внимание на родные ему топоним и гидроним. Заметим в качестве гипотезы, что Рязанщина могла появиться в романе из уважения Чернышевского к И. И. Срезневскому, чей священнический род происходил из с. Срезнево Спасского у. Рязанской губ., находящегося на Оке (родословные и биографии обоих лиц и/или их предков были схожи происхождением из духовного сословия, наделением топонимическими фамилиями; ср. рождение отца Чернышевского в с. Чернышёво Чембарского у. Пензенской губ.). И. И. Срезневский был профессором кафедры славянской филологии и археологии в столичном университете, научным руководителем Николая Гавриловича по работе над составлением словаря к Ипатьевской летописи [9, с. 62–63]. Хотя Срезневский посетил единственный раз с. Срезнево в 1877 г., уже после создания романа Чернышевским, но он мог мечтать об этой поездке и рассказывать своему ученику о «малой родине» отца (ученый даже завещал себя похоронить там).

Кроме того, имеются автобиографические параллели из жизни Есенина и его героя К. Карева, совпадающие даже в празднично-календарной хронологии: события – оцениваемые как печальные – связаны с самым радостным христианским праздником Пасхой, что вызывает психологический диссонанс. В «Яре» отец Константина получает письмо от Вихлюйского стрелка с описанием гибели сына: «Посылаю свое почтение Анисиму Панкратьеву, я знал хорошо твоего сына и спяшу с скорбью поведать, что о второй день Пасхи он переправлялся через реку и попал в полынью. // На льду осталась его шапка с адристом, а его, как ни тыкали баграми, не нашли» [10, т. 5, с. 59]; в письме к Г. А. Панфилову в ноябре 1912 г. из Москвы Есенин сообщал о своем плане: «После Пасхи, как сказал мне дядя, еду в Петербург в имение, которое недалеко находится от Финляндии и где живет он сам. Эх, теперь, вероятно, ничего мне не видать родного» [10, т. 6, с. 24, № 14; 8, с. 153] (поездка неизвестна).

Образ (концепт) тайны является очень характерным и частотным для творчества Есенина: он встречается и в лирике, и в поэмах (в том числе в «маленьких поэмах»), и в прозе [14, с. 344–345 – глава «Создание тайны как ключевого жизненного и творческого принципа» в главе 5-й]. В «Яре» это понятие звучит многократно: «Залез только он <Анисим Карев> ранее срока на печь и, свесив голову, как последней тайны, ждал конца»; «Лежала тайна в груди ее <стогодовой Парани>, колотила стенки дряблого заочневшего тела, но, не находя себе выхода, замирала»

[10, т. 5, с. 62, 105]. Также в повести имеются дериваты, образованные от слова «тайна»: «“Что ты не видел там, у околицы, чего ждешь?” – шептал ему <К. А. Кареву> какой-то тайный голос» [10, т. 5, с. 119].

В «Что делать?» Чернышевский придавал большое значение понятию тайны – в первую очередь человеческих отношений, привел специальное теоретическое рассуждение о ней как о маркере уважения к личности. В разделе I главы 4-й он размышлял о недопустимости бесцеремонно совать «лапу в вашу интимную жизнь»: «Дело не в том, что этим нарушаются наши тайны: тайны более или менее крупные драгоценности, их не забываешь прятать, стеречь <...>» [4, с. 214]. Чернышевский верно подметил насчет открытости жизни простого народа: «<...> да и не у всякого есть они <тайны>, многим и ровно нечего прятать от близких. Но каждому хочется, чтобы в его внутренней жизни был уголок, куда никто не залезал бы, как всякому хочется иметь свою особую комнату, для себя одного» [4, с. 214].

Итак, мы привели параллели между «Яром» С. А. Есенина и «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, но влияние романа писателя-философа XIX в. на творчество и жизнь поэта XX в. этим не ограничивается.

Список литературы

1. Никольский А. А. Сюжет мнимой гибели героя в повести С. А. Есенина «Яр» // Современное есениноведение. 2020. Вып. 4 (55). С. 48–49.
2. Чернышевский Н. Г. Суд над Чернышевским и Что делать?: Роман, написанный им в заключении. 1862–1863 / [С предисл. М. Элпидина]. 2-е изд. Genève : М. Элпидин, 1876 (тип. газ. «Работница»). XXVIII, 412 с.
3. Чернышевский Н. Г. Что делать?: роман, написанный им в заключении 1862–1863. [Вевей] : Современник, [1898]. 435 с. (Вырезки из журн. «Современник». 1863. Т. 95–96).
4. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 9. Современник 1862–1863 (статьи экономические, отдел «Политика»); роман «Что делать?». СПб. : Издание М. Н. Чернышевского, Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1906. 246, 317 с.
5. Чернышевский Н. Г. Что делать? СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. 317 с.
6. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 9. Пг. : Лит. изд. отд. Комиссариата нар. просвещения, 1918. 246, 317 с.
7. Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. М. : Московский рабочий, 1963. 192 с.
8. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. (7 кн.). Т. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2003. 736 с.

9. Денисюк Н. Ф. Николай Гаврилович Чернышевский. Его время, жизнь и сочинения (С портр. и 2 снимками: 1) Вилуйская тюрьма и 2) Чернышевский на смертном одре). М. : А. С. Панафилина, 1908. 196 с.
10. Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. (9 кн.). М. : Наследие ; Голос, 1995–2001.
11. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. М. : Наука, 1969. 611 с.
12. Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1972. Вып. 8. 370 с.
13. С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост., коммент. А. А. Козловского. М. : Художественная литература, 1986. Т. 1. 510 с.
14. Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский житнетекст на перекрестке культурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2006. 920 с.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. М. : В тип. А. Семена, 1863. Ч. 1. 627 с.
16. Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1969. Вып. 4. 355 с.
17. Словарь русских народных говоров. СПб. : Наука, 2007. Вып. 41. 342 с.
18. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М. : Советский писатель, 1935. 393 с.
19. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. М. : Тип. Т. Рис, 1866. Ч. 4. 625 с.
20. Шубникова-Гусева Н. И. Открытие Страны Негодяев // Литературная учеба. 1997. № 3. С. 91–130.
21. Шубникова-Гусева Н. И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2001. 688 с.
22. Филоффов Д. В. Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908 гг.). СПб. : Тип. АО типогр. дела, 1909. 324 с.
23. Солнцева Н. М. Проза С. Есенина // Проблемы научной биографии С. А. Есенина : сб. тр. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 114-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. ; Константиново ; Рязань : Пресса, 2010. 104–115 с.
24. Субботин С. И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. ; Константиново ; Рязань : Пресса, 2006. С. 331–355.

Поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 30.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 80–85

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 80–85

<https://bonjour.sgu.ru>

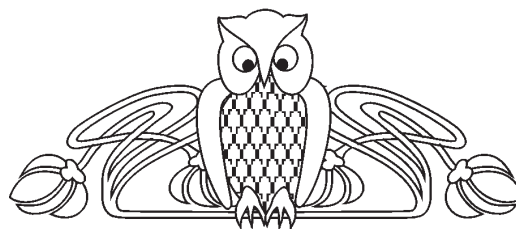
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-80-85>, EDN: VVFMIZ

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3+929[Слаповский+Немзер]

Проза Алексея Слаповского в восприятии Андрея Немзера

Е. И. Сягина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сягина Елизавета Игоревна, ассистент кафедры общего литературоведения и журналистики, elizavet97@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1222-854X>

Аннотация. Литературный критик Андрей Немзер одним из первых обратил внимание на творчество Алексея Слаповского, писателя, неразрывно связанного с Саратовом. Отклики на его произведения публиковались в газетах и «толстых» журналах с начала 1990-х гг. Список главных героев словесности, который ежегодно составлял Немзер, не обходится без имени прозаика, а масса рецензий носит откровенно апологетический характер. Несмотря на то, что пристрастное внимание к писателю вызвало негодование литературных критиков, Немзер продолжал популяризировать творчество Слаповского. Анализ литературно-критических публикаций позволяет говорить о том, что фигурантами критического осмысления, как правило, становятся герои произведений. В статьях находится место для публицистических выводов и обобщений. Главный посыл Немзера заключается в том, что читатели могут найти свое отражение в персонажах Слаповского – прозаика, жизненно необходимого новой России. Немзер усиливает авторитет писателя, прорисовывая нить между его сочинениями и произведениями Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, З. К. Гареева, М. Г. Успенского. Немзер намеренно лишает тексты рецензий оценочности. Положительное мнение о писателе не проявляется в открытой и привычной для читателя похвале. Она имплицитно заложена в основе рецензии и становится зримой в точках эмоционального напряжения. Критик зачастую обращает внимание на легкий слог Слаповского, на его сердечную привязанность к персонажам и к городу, в котором он вырос. Имя писателя становится для критика символом надежды на человека и веры в будущее.

Ключевые слова: Немзер, проза, литература, литературная критика, газетная критика, журнальная критика

Для цитирования: Сягина Е. И. Проза Алексея Слаповского в восприятии Андрея Немзера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 80–85. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-80-85>, EDN: VVFMIZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Alexey Slapovsky's prose in the perception of Andrey Nemzer

E. I. Syagina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elizaveta I. Syagina, elizavet97@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1222-854X>

Abstract. A literary critic Andrei Nemzer was one of the first to draw attention to the work of Alexei Slapovsky, a writer inextricably linked with Saratov. Responses to his works have been published in newspapers and “thick” journals since the early 1990s. The list of the main characters of literature, which Nemzer compiled annually, is not complete without the name of the prose writer, and the mass of reviews is ostentatiously apologetic. Despite the fact that biased attention to the writer sparked the indignation of literary critics, Nemzer continued to popularize Slapovsky's work. The analysis of literary-critical publications allows us to say that, as a rule, the characters of literary works figure as the subjects of critical reflection. The articles feature journalistic conclusions and generalizations. Nemzer's main message is that readers can find their reflection in Slapovsky's characters, a prose writer vital to the new Russia. Nemzer strengthens the authority of the writer, drawing a connection between his works and the works of N. V. Gogol, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, Z. K. Gareev, M. G. Uspensky. Nemzer intentionally deprives the review texts of evaluation. A positive opinion about the writer is not manifested in an open praise the reader is accustomed to. It is implicitly imbedded in the basis of the review and becomes visible at points of emotional tension. The critic often draws attention to the light style of Slapovsky, to his heartfelt attachment to the characters and to the city in which he grew up. For the critic the name of the writer becomes a symbol of hope in people and faith in the future.

Keywords: Nemzer, prose, literature, literary criticism, newspaper criticism, journal criticism

For citation: Syagina E. I. Alexey Slapovsky's prose in the perception of Andrey Nemzer. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 80–85 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-80-85>, EDN: VVFMIZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Алексей Слаповский занимал значительное место в современном литературном процессе. Его жизнь была неразрывно связана с Саратовом. Здесь он окончил филологический факультет, работал учителем литературы, журналистом на телевидении, редактором в журнале «Волга», где состоялся его литературный дебют и где до конца своих дней он являлся членом редколлегии. Одним из первых обратил внимание на его творчество Андрей Немзер. Первое впечатление от прозы Слаповского он высказал на странице «Независимой газеты» в 1992 г. после прочтения романа «Я – не я». В дальнейшем отклики на произведения писателя публиковались в газетах и «толстых» журналах на протяжении всей литературно-критической деятельности Немзера, что указывает на долгий процесс постижения художественного мира Слаповского. «Я сразу понял, что Слаповский – “мой” писатель. На том стою. И этим горжусь», – отметил Немзер в статье «Русская литература в 2006 году» [1]. Именно обзоры критика в своей совокупности дают яркое представление об отношении Немзера к трудам Слаповского. Имя писателя укоренилось в списке главных героев словесности, который ежегодно составлял Немзер. «Анкета», «Первое второе пришествие», «День денег», «Участок», «Они», «Заколдованный участок», «Синдром Феникса», «Пересуд» – эти книги стали для критика ключевыми литературными фактами. Лучший писатель «среднего» поколения, – аттестует Немзер Слаповского в статье «Замечательное десятилетие» [2, с. 217].

С одной стороны, такого рода статьи, как отмечает и сам Немзер, не позволяют основательно проанализировать семантику сюжетов, жанровые стратегии и особенности слога писателя, но с другой – дают возможность закрепить положение Слаповского в рекомендательных списках. Тексты обзоров по-разному структурированы. Например, размышляя о книге «Участок», Немзер обращает внимание на дерзость, жанровый эксперимент, скрещение «сериальной» и «романной» стратегий, любовь к героям и читателям [3]. В «Синдроме Феникса» он видит итог многолетних поисков, тонкое переосмысление авторской мифологии. Его привлекают изящество, прозрачность, объемность прозы, грустный юмор и требовательная любовь к человеку [1]. Иначе сложены высказывания о романах «Анкета», «Они», «Заколдованный участок», «Пересуд». Немзер обращается к художественной концепции произведений и снабжает текст комментариями. Свои впечатления он сводит к однозначным определениям: «“Анкета” Алексея Слаповского – роман о поражении» [4, с. 176], «“Они” (“Эксмо”) – самая мрачная книга Слаповского. Изданный там же

под занавес года “Заколдованный участок” со- блазнительно назвать самой светлой его книгой» [5], «“Пересуд” (“Эксмо”) – самая мрачная вещь Слаповского» [6]. Стоит сказать, что даже «молчание» писателя тоже становится поводом для рассуждений Немзера: «Права держать паузу у писателей, разумеется, никто не отнимет, но и преданный читатель имеет право задуматься, что сие молчание значит и что за ним последует – новые творческие решения или... Или мы останемся при вышеописанном избытии» [7].

Пристрастное внимание Немзера к творчеству Слаповского вызвало негодование литературных критиков. В статье «Замечательное десятилетие» Немзер признает, что пишет о сочинениях Слаповского слишком много. Он называет себя зарвавшимся комплиментщиком и делится предположением, что коллеги порицают произведения Слаповского ради того, чтобы поставить критика на место [2, с. 217]. Спустя годы Немзер вернется к этой проблеме в обзоре «Русская литература в 2006 году»: «Пятнадцать лет мои отношения со Слаповским азартно обсуждаются собратьями. Публике сообщалось, что, кроме меня, никто Слаповского не читает. Что я продюсер Слаповского (правда, не его одного), обеспечивающий ему победы на премиальных ристалищах своими постоянными напоминаниями о том, что он один из лучших писателей современной России» [1]. После ответа оппонентам Немзер не только написал о лучшей книге Слаповского «Синдром Феникса», но и указал на произведения, в которых есть недостатки. Он заметил, что подборка рассказов Слаповского «Как Емельянов...» симпатична, но инерционна, а роман «Оно» – вещь рискованная и не вполне риск оправдавшая [1]. Неодобрительные комментарии, особенно касающиеся произведений Слаповского, не характерны для обзоров Немзера, в которых внимание сосредоточено только на главных событиях в прозе текущего года. Становится ясным, что это намеренный прием, доказывающий, что сочинения Слаповского так же, как и произведения других писателей, подлежат основательному разбору.

Немзер берет на себя в определенной мере ответственность за популяризацию творчества Слаповского. Порой критика не покидает мысль о том, что Слаповский недооцененный писатель. В журнальной статье «Двойной портрет на фоне заката» Немзер, делая акцент на общественно-политических проблемах, подводит читателя к текстам, в которых отражается мироощущение Слаповского. Критик знакомит читателей с романами «Я – не я» и «Первое второе пришествие», несмотря на то, что ранее он уже посвятил им рецензии в газетах. Критик высказывает сожаление

о том, что произведения Слаповского не вызвали подобающего резонанса [8, с. 189]. Внимание к стороннему взгляду на творчество Слаповского проявляется и в публикации «Опять про нас». Здесь мы сталкиваемся с предварительными рассуждениями о том, как примут читатели новую книгу Слаповского: «Знаю, что “Участок” (как сериал, так и книга) вызовет брезгливое “фи” иных законодателей культурных мод. Тех, кто причмокивает от одних лишь имен Сорокина, Улицкой, Акунина, Пелевина и Проханова. Так. Но морщиться будут они не потому, что “Участок” стяжал успех, а потому что написал его (сперва – сценарий, потом – книгу, отнюдь своему телепрообразу не тождественную) Алексей Слаповский. Один из лучших наших прозаиков, которому за примерно полтора десятилетия литературной жизни брани выпало никак не меньше, чем похвал» [9]. Немзер не утаивает тех литературных изъянов и противоречий, за которые упрекали писателя, критик принципиально указывает на них, чтобы показать, что Слаповский, несмотря на это, продолжает писать и оставаться собой.

Между тем важно сказать о том, что в статьях Немзера практически не встречаются негативные высказывания о творчестве Слаповского. Замечания подаются затейливо и шутивно. Во «Взгляде на русскую прозу в 1994 году» Немзер пишет о новых повестях Слаповского «Здравствуй, здравствуй, Новый год», «Висельник» и «Вещий сон». Однако критик замечает, что роман в уходящем году писатель не напечатал. Находясь под впечатлением от его ранних произведений «Я – не я», «Первое второе пришествие», Немзер иронично замечает: «Обманул! Пожар и наводнение! Ах, повести он, видите ли, опубликовал! Числом три! Так он и раньше писал повести. Подавай роман. Длинный, с диалогами и приключениями» [10]. В обзоре мы сталкиваемся с различными внутренними подзаголовками: «Из тяжести недоброй», «Как держат паузу», «Все ходит по цепи кругом» и др. Среди них встречаем название совершенно иного плана – «Слаповский». Несмотря на укоризну, Немзер посвятил писателю отдельную часть статьи и тем самым особо отметил его среди остальных прозаиков.

Интересно, что в 1998 г. в журнале «Волга» была размещена публикация [11], основу которой составили отзывы на книгу Немзера «Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е». Одним из рецензентов Немзера стал сам Слаповский. В смятении он обратился к читателю: «Представьте: вот книга, в ней собрание рецензий. А вы – один из отрецензированных, да еще и трижды, писателей и, к тому же, автора книги Андрея Немзера – друг. <...> И наконец, представьте, что

вам хочется о ней написать – не из чувства благодарности (которое само собой разумеется), а по именно хотению, написать не как другу и объекту, а как литератору тоже» [11, с. 204]. Порицания Слаповского выдержаны в духе Немзера: «Много хитростей можно придумать; для постмодерниста, каковым меня Андрей Немзер не считает (что мне в обиду, но уж умолчу!), это – не проблема! <...> А о постмодернизме моем Немзер все-таки мог бы хоть где-нибудь, хоть разочек упомянуть! Пусть даже ругательно. И еще о некоторых моих интересных способностях. Ничего, я ему лично намекну» [11, с. 205]. Таким образом, отношение между критиком и писателем пронизано добродушием, а серьезные и глубокие замечания подаются с видимой легкостью, доброй усмешкой, непринужденно и беззлобно.

Наблюдения за текстами рецензий могли бы уточнить представление о специфике восприятия Немзером творчества Слаповского. Критик, как правило, оснащает текст пересказом и комментариями, что является фундаментом его рецензий. В откликах на сочинения писателя фигурантами критического осмысления зачастую становятся герои произведений. Рассмотрим наиболее показательные статьи Немзера. В публикации «О нас, для нас и ради нас» рецензируется «Книга для тех, кто не любит читать». Основная цель статьи – донести до читателей, что они могут найти свое отражение в персонажах Слаповского: «Не худо и нам с этой публикой познакомиться. То есть на себя посмотреть – в кои-то веки без злости. Мы ведь тоже не какие-нибудь там “типы уходящей эпохи”, а совершенно удивительные люди» [12]. Критик не верит в то, что «мы сами себе вовсе не интересны» [12], и тем самым оказывает давление на читателя, вызывая в нем интерес к книге. В рецензиях Немзера немало примет сопоставления с собой и другими людьми: «Как и все мы – издерганные службой (или безработицей), утомленные бытом (у одних супжидок, у других жемчуг мелок), почти уверившись, что не любим читать. А также разговаривать, гулять, петь песни смотреть на небо, смеяться, работать. Короче – не любим жить» [12, с. 7]. Можно утверждать, что в литературно-критических публикациях Немзера находится место для публицистических выводов и обобщений. Следуя традициям русской литературной критики, Немзер, отталкиваясь от художественного текста, пишет о своих современниках, об их заботах, об их неумении всматриваться и вслушиваться в быстroteкущую действительность.

Такой подход мы наблюдаем в разных публикациях. Так, например, в статье «Опять про нас», посвященной «русскому народному детективу» «Участок», интерес Немзера вызывают

люди, о которых пишет прозаик, и контрастный мир, в который погружаются читатели: «...Какую бы историю Слаповский ни рассказывал, как бы ни сочетал улыбочивую бодрость и щемящую печаль, на какие бы эксперименты ни пускался, его инженеры и жулики, бомжи и литераторы, брубильщики и чиновники оставались людьми. А не монстрами. И не куклами, подчиненными обстоятельствам, игре случая или Судьбе» [9]. Немзер останавливается на жизни старшего лейтенанта Кравцова и приходит к выводу, что герой, напивавшись Анисовкой, остается собой. Вновь Немзер находит схожесть между своими современниками и персонажами Слаповского: «Как и у нас. Совсем не похожих на обитателей Анисовки (где у каждого своя статья) и все-таки похожих. В одной стране живем. Одни книжки читаем. Даже если у них обложки разные. Как у двух издательских вариантов «Участка», доброй, чистой и – при всей нелепости, а то и дикости многих ее составляющих – вселяющей надежду истории о наших общих судьбе и сути» [9].

Схожий метод наблюдаем в публикации «Слово о гибели нашего участка». Немзер обращается к роману Слаповского «Они», который, по мнению критика, имеет связь с его предыдущей книгой «Участок». Немзер дает представление о пространственной организации обоих произведений, а затем, не изменяя своему подходу, сосредоточивает внимание читателей на героях. Он сравнивает персонажей и делает акцент на их разном отношении к той местности, в которой они проживают. Однако, несмотря на все отличия между героями, новый роман писателя надиктован тем же чувством, что и «Участок». Немзер дает читателю понять, что связующей нитью этих двух книг является любовь Слаповского к грешному человеку и скорбному миру. Поэтому значительная составляющая статьи посвящена раскрытию заглавного местоимения романа «Они»: «Они – оккупанты. Они – азербайджанцы, презирующие русских и делающие бизнес в России. Они – чиновники, из которых невозможно вытрясти резолюцию для воплощения грандиозного проекта. Они – архитекторы, строящие хлипкие громадины на курьих ножках и наваривающие бешеные бабки на играх с подрядчиками. Они – менты, хватающие кого ни попадя и тянущие деньги с торгашей» [13].

Немзер не считает нужным рассказать читателю об общем ходе действия разбираемой книги, ему важно так основательно представить персонажей, поскольку критик соотносит роман «Они» с реальной действительностью. Он вскользь пишет об этом в начале статьи и полностью раскрывает свою мысль в ее заключительных строках. Прежде всего, он заметил, что в произведении «стражи порядка изображе-

ны в точном соответствии с господствующим в российском обществе представлением о работах правоохранительных органов: они жестоки, корыстны, циничны и опасны для простых людей» [13]. Кроме того, Немзер считает, что практически каждому эпизоду романа о «них» можно найти аналог в газетах, т. е. в издании, в котором публикуются материалы именно о текущих событиях.

Концептуально важной частью рецензии становится принятие критиком героев. Немзера посещает неодолимое сочувствие к ненавистным персонажам, поскольку на их месте мог быть как и сам критик, так и его читатель. Эта мысль отражается и в финальной максиме: «Это мы, Господи! Нет конца нашим глупым и злобным художествам. И если Ты все еще терпишь нас, если веришь в нашу свободу и добрую волю, если не даешь вконец перегрызть друг друга, то стыдно и смешно жалеть себя и жаловаться на “них”» [13, с. 10]. «Слово о гибели нашего участка» предстает своеобразным плачем и непременно отсылает нас к «Слову о гибели Русской земли». Не свойственная большинству текстов Немзера патетика, явленная и в стилизовании, и в обращении к великому памятнику древнерусской литературы, и в аллюзии к покаянной молитве, должна не только привлечь внимание читателя, но буквально заставить его взяться за чтение Слаповского.

Стоит сказать, что Немзеру важно дать читателю представление о месте действия. Например, в публикации «Случилось это в Саратове», посвященной «плутовскому роману» «День денег» и «житейской истории» «Талий», Немзер рисует образ города, не отделимого от Слаповского: «Саратов – город с миллионным населением, где в центре сохранились улочки с двухэтажными домиками, уютными дворами и сварливо-приятельским стилем общения тамошних обывателей. Город – в силу своего масштаба, а с недавних пор благодаря общеизвестным амбициям едва ли не самого колоритного российского губернатора – вполне модернизированный (“столица Поволжья”) и испытывавший все типовые бедствия 90-х. Город, сохранивший мощные культурные традиции (и университет, и консерватория, и картинная галерея, и драматический театр, и литературный журнал – из лучших в России). Город чиновников, бомжей, интеллектуалов, рабочих, бандитов, неудачников, поэтов, нуворишей. Такой же, как все, но особенный» [14]. Внимание к городу, в котором живут герои Слаповского, проявляется и в других статьях, так же как и внимание к колоритным персонажам, что рождает в Немзере стремление к их намеренному перечислению.

Из пласта откликов Немзера необходимо выделить рецензию «Жертвоприношение», вхо-

дядю в обзорную статью «Взгляд на русскую прозу в 1996 году». В ней критик представляет повесть «Гибель гитариста». Обращаем внимание на самую первую фразу текста: «Всякое лето кончается осенью» [15, с. 184]. Уже начальная строка создает контраст на фоне прочих публикаций Немзера и служит своего рода тумблером, помогающим автору выйти из литературно-критической обыденности. В выражении одновременно содержатся два стилевых пласта. С одной стороны, оно является следствием банального мышления, а с другой – его использование становится абсолютно оригинальным. «Несколько теплолюбивых жителей города Саратова очень боялись наступления осени. Почитали его неизбежным и отменяющим всякую возможность оживления зелени» [15, с. 184], – продолжает Немзер. Читатель получает не столько литературно-критический текст, сколько текст художественный. Во многом поэтому Немзер не называет героев Слаповского по имени, он дает им свои прозвища (мечтатель, супермен, красавица) за исключением главного персонажа Дениса Ивановича Печенегина, обстоятельство гибели которого пытается выяснить Немзер. Критик понимает, что Слаповский пародирует детектив с самого начала произведения, но при этом он ведет свое «расследование» с читателем: «Мы-то поймаем. Какой хитрый выискался. Он, явно он гитариста укокошил! Бранит ведь покойника...» [15, с. 184]. В статье, являющейся парафразом повести Слаповского, заметна ироническая тональность, присущая и самому писателю. Несмотря на то что в тексте присутствуют аналитические элементы, художественная рефлексия преобладает.

Усилению авторитета Слаповского в читательской среде способствовало его сравнение с русскими классиками XIX в. и современными писателями. В статье «Конец света по-прежнему непредсказуем», посвященной книге «Первое второе пришествие», Немзер отсылает нас к произведению Ф. М. Достоевского «Идиот» [16]. Тень этого романа прослеживается им и в повести «Гибель гитариста», в которой узнаются двойники главных героев [15, с. 184–185]. Роман «Заколдованный участок» критик связывает с повестью Л. Н. Толстого «Казачьи» и кроме этого видит в нем «гоголевские знаки» [17]. Обращаясь к «Большой книге перемен», Немзер вспоминает «Анну Каренину» [18].

Наиболее показательным примером, в котором ассоциации Немзера выступают главенствующей идеей статьи, является публикация «Завещание Дельвига». В ней критик упоминает о мемуарах П. А. Вяземского. Именно ему А. А. Дельвиг рассказал о плане книги, которую собирался написать. Схожесть с ненаписанной повестью Дельвига кажется критику ключом

к роману Слаповского «Я – не я». Немзер раскрывает образ главного героя романа Неделина через сравнение с героем повести Дельвига. Автор подмечает, что для одного происходящее за чужими окнами – только интрига, для другого – готовность войти в чужие судьбы, чтобы сделать их жизненные сюжеты своими [19]. Творение Дельвига, по мнению Немзера, оказалось осуществленным. Кроме того, в этой же статье Немзер сравнивает «Я – не я» с романом «Принц и нищий». Он отмечает, что, в отличие от персонажей Марка Твена, герои Слаповского не хотят вернуться на свои места, «они лишь поперву (в лучшем случае!) испытывают неловкость, а дальше находят массу преимуществ в свежем амплу» [19]. Такое сопоставление во многом способствует наилучшему пониманию нового текста.

Интерес вызывает и перекличка с современными произведениями. В статье Немзера «Двойной портрет на фоне заката» упоминается герой повести Зуфара Гареева «Аллергия Александра Петровича». Неслучайно Немзер обращается именно к этому писателю, его проза видится критику связующим звеном между поэзией Т. Кибирова и романами А. Слаповского, которым посвящена публикация. Немзер не только подчеркивает эту связь, но и кратко комментирует прозу Гареева («“Парк”, “Мультипроза”, “Аллергия...” – густо насыщенная фольклорно-игровыми мотивами, бликующими реминисценциями, трухой “советских” штампов, пародийными ходами, мифологизированными картинками-символами советского бытия...» [8, с. 191]), что можно назвать отдельным откликом, помещенным в литературно-критическую статью. Сходное вкрапление мы наблюдаем в статье «Некуда-2», посвященной книге «Поход на Кремль». Уже заголовок публикации становится отсылкой к рецензии Немзера «Некуда» на роман Михаила Успенского «Райская машина». Критик устанавливает связь между произведениями, отметив в первых строках, что человечество, согласно Успенскому, обречено шагать по одной дороге – в рай. Завершающие слова о новом произведении Слаповского – «...двигаться вообще некуда. Разве что в рай» [20], – образуя кольцевую композицию, отсылают нас к роману Успенского.

Отдельного внимания заслуживает статья «В поисках скрытого “я”», в которой Немзер обращается к роману Слаповского «Синдром Феникса» и замечает многочисленные отсылки к прежним произведениям писателя. Привычная структура его рецензии, в которой, как правило, преобладает пересказ и анализ нового произведения, меняется. Сначала критик формулирует ключевую тему всей романной прозы Слаповского («Русский человек рубежа столетий (и социо-

культурных эпох) в поисках собственной личности» [21]), а затем раскрывает ее, останавливаясь на десяти произведениях писателя: от «Я – не я» до «Синдрома Феникса». Статья не столько о новом романе, как это указано в подзаголовке, сколько о «романном круге» и схожести входящих в него произведений. Сопоставление приводит критика к завершающему рассуждению о том, что «Слаповскому самое время одарить читателя чем-то совершенно неожиданным» [21]. Создается ощущение, что Немзер старается обыграть замечание так, чтобы не задеть писателя: «В канун Нового года естественно желать (просить, требовать) качественной новизны. <...> Большому писателю новизна так же необходима, как верность себе» [21]. Тем не менее, в статье «Можно бы и покороче» Немзер написал, что «Синдром Феникса» – единственный безусловно нравящийся ему соискатель «Большой книги», отмечая, что роман элегантно выстроенный, человеческий и – при всей печали – улыбчивый [22].

Немзер – преданный читатель Слаповского, писателя, по мнению критика, жизненно необходимого новой России. Масса публикаций, посвященных прозаику, носит откровенно апологетический характер. Его имя становится для критика неким символом надежды на человека и веры в будущее. Для Немзера мрачен роман, в котором писатель не оставляет заплутавшим героям спасительного шанса, возможности передышки и скрытого света надежды [6]. Несмотря на дружескую близость между литераторами, начавшуюся еще в 1990-е гг., тексты рецензий лишены оценочности, положительное мнение Немзера о писателе не проявляется в открытой и привычной для читателя похвале. Она имплицитно заложена в основе рецензии и становится зримой в точках эмоционального напряжения. Немзера привлекают легкий слог Слаповского, «соединение несоединимого», его сердечная привязанность к персонажам, к городу, в котором он вырос, а, главное, соотносимость его текстов с сегодняшним днем. Очень значимым, на наш взгляд, является наполненное драматизмом высказывание Немзера об А. Слаповском и А. Дмитриеве в итоговой статье «Замечательное десятилетие»: «Да, лучшие. Да, оправдавшие наше – рожденное в конце 50-х – поколение. Да, выдержавшие испытание свободой. Да, сумевшие прочувствовать и выговорить боль, суевливость, жестокость, нелепицу нашего сегодня, “переходного периода”, в котором бессильная ностальгия по якобы уютному минувшему за просто сочетается с лихорадочным желанием “словить свой момент и свой кайф”. Увидевшие

все это – и не испугавшиеся. Не отказавшиеся ни от уважения к тайне человека, ни от “вечных ценностей”, ни от культуры, ни от свободы, ни от веры в будущее» [2, с. 217–218]. Слышащий современность Слаповский поражает Немзера своей любовью к жизни и умением увидеть в персонаже прежде всего человека.

Список литературы

1. Немзер А. Русская литература в 2006 году // *Время новостей*. 2006. № 241. С. 10.
2. Немзер А. Замечательное десятилетие русской литературы // *Новый мир*. 2000. № 1. С. 199–219.
3. Немзер А. Русская литература в 2004 году // *Время новостей*. 2004. № 238. С. 6.
4. Немзер А. Взгляд на русскую прозу в 1997 году // *Дружба народов*. 1998. № 1. С. 160–177.
5. Немзер А. Русская литература в 2005 году // *Время новостей*. 2005. № 241. С. 6.
6. Немзер А. Русская литература в 2008 году // *Время новостей*. 2008. № 237. С. 9.
7. Немзер А. Русская литература в 2007 году // *Время новостей*. 2007. № 233. С. 6.
8. Немзер А. Двойной портрет на фоне заката // *Знамя*. 1993. № 12. С. 183–193.
9. Немзер А. Опять про нас // *Время новостей*. 2004. № 100. С. 6.
10. Немзер А. Взгляд на русскую прозу в 1994 году // *Сегодня*. 1994. № 246. С. 13.
11. [Рецензия] / С. Боровиков, Р. Арбитман, О. Рогов [и др.] // *Волга*. 1998. № 10. С. 199–205.
12. Немзер А. О нас, для нас и ради нас // *Время МН*. 2000. № 14. С. 7.
13. Немзер А. Слово о гибели нашего участка // *Время новостей*. 2005. № 48. С. 10.
14. Немзер А. Случилось это в Саратове // *Время МН*. 1999. № 114. С. 7.
15. Немзер А. Взгляд на русскую прозу в 1996 году // *Дружба народов*. 1997. № 2. С. 165–186.
16. Немзер А. Конец света по-прежнему непредсказуем // *Сегодня*. 1993. № 107. С. 12.
17. Немзер А. Анисовка на своем месте // *Время новостей*. 2005. № 223. С. 10.
18. Немзер А. Кто виноват? // *Немзерески*. URL: <https://www.ruthenia.ru/nemzer/slap-BKP.html> (дата обращения: 28.08.2022).
19. Немзер А. Завещание Дельвига // *Независимая газета*. 1992. № 161. С. 7.
20. Немзер А. Некуда-2 // *Время новостей*. 2010. № 119. С. 10.
21. Немзер А. В поисках скрытого «я» // *Время новостей*. 2006. № 238. С. 9.
22. Немзер А. Можно бы и покороче // *Время новостей*. 2007. № 93. С. 10.

Поступила в редакцию 21.09.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 21.09.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 30.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 86–90

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 86–90

<https://bonjour.sgu.ru>

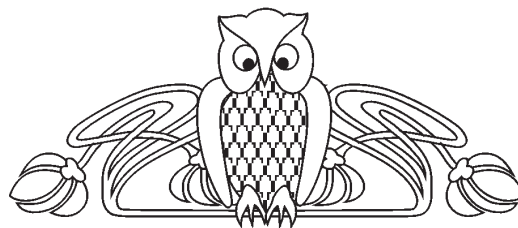
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-86-90>, EDN: LVYALK

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Сорокин

Китаизмы Владимира Сорокина в романе «Голубое сало»

Юй Линхун

Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Юй Линхун, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, yu_linghong@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-2461-8318>

Аннотация. В статье обсуждаются китаизмы, появляющиеся в романе «Голубое сало» Владимира Сорокина. В романе присутствует аллегория на русский язык будущего. Большая часть неологизмов, созданных Сорокиным в «Голубом сале», происходит из иностранных слов, в том числе включая обилие китаизмов. Автор статьи анализирует используемые китаизмы в фонетическом и семантическом аспектах, указывает на ошибку в произношении Сорокина при использовании китайских слов и выражений. Более того, автор подчеркивает слово «Мэй Го», которое в китайском языке обозначает США, и слово «Хэй Лун цзян» – провинция в КНР, или река Амур, протекающая по территории трех государств. Сорокин нарочно меняет их толкование в конце романа на «прекрасную страну» и «реку Черного дракона», создавая нормальную атмосферу антиутопического общества, лишённого геополитических границ. Сорокин вводит в роман слово «даньхуан», которое в романе обозначает русского человека прокитайской ориентации, что напоминает китайские сленги «человек-банан» и «человек-яйцо» с позиции транскультурного распространения. Таким образом, в процессе исследования автор ставит сравнение китаизмов с другими используемыми в романе иноязычными словами. Употребляя китаизмы в качестве ругательства, Сорокин буквально совершает языковое насилие. Заключительный вывод состоит в том, что китаизмы можно рассматривать в качестве продукта пересечения цивилизаций, которые появляются в русскоязычном художественном тексте. Кроме того, китаизмы вместе с другими китайскими элементами придают роману мистичный восточный колорит и абсурдный оттенок.

Ключевые слова: В. Сорокин, «Голубое сало», китаизм, варваризм, транскультура

Для цитирования: Юй Линхун. Китаизмы Владимира Сорокина в романе «Голубое сало» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 86–90. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-86-90>, EDN: LVYALK
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Chinese loanwords in the novel *Blue Lard* by Vladimir Sorokin

Yu Linghong

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Yu Linghong, yu_linghong@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-2461-8318>

Abstract. The article discusses the Chinese loanwords that appear in the novel *Blue Lard* by Vladimir Sorokin. The novel contains an allegory of the Russian language of the future. Most of the neologisms created by Sorokin in *Blue Lard* come from foreign words, including an abundance of Chinese loanwords. The author of the article analyzes the Chinese loanwords from the point of view of phonetics and semantics, points out the mistakes in pronunciation in the novel, when Sorokin uses Chinese words or expressions. The analysis also focuses on the aesthetics of the word “Mei guo”, which by pronunciation in Chinese refers to the United States, and the word “Hei long jiang” – as one of the provinces in China, or the Amur River, flowing through the territory of three countries. Sorokin purposely changes their interpretation at the end of the novel to “beautiful country” and “Black Dragon River” in order to create the normal atmosphere of a dystopian society devoid of geopolitical boundaries. Sorokin introduces the word “dan huang”, which in the novel refers to the pro-China Russians and resembles the Chinese slangs “banana-man” and “egg-man” from the position of transcultural distribution. Moreover, in the course of the research, the author provides a comparison of Chinese loanwords with other foreign-language words used in the novel. By using Chinese loanwords as swear words, Sorokin literally commits linguistic violence. The final conclusion is that Chinese loanwords can be seen as a product of the overlap of cultures, which appear in the Russian-language fiction text. In addition, the Chinese loanwords with other Chinese elements give the novel a mystical oriental flavor and an absurd tone.

Keywords: Vladimir Sorokin, *Blue Lard*, Chinese loanwords, barbarism, transculture

For citation: Yu Linghong. Chinese loanwords in the novel *Blue Lard* by Vladimir Sorokin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 86–90 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-86-90>, EDN: LVYALK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Роман «Голубое сало», написанный в 1999 г. и выпущенный на рубеже тысячелетий, принес Владимиру Сорокину большой коммерческий успех и сразу вызвал огромный критический отклик и ожесточенную полемику в обществе. По мнению Д. Смирновой, «если вы читали любой другой роман Сорокина – то “Голубое сало” вы можете спокойно не читать. Зная логику Сорокина, легко угадываются ходы» [1]. Е. Петровская полагает, что «Голубое сало» «не роман», а «набор статичных сцен» [2]. Тем не менее нельзя не признать, что это роман с «многослойной структурой текста» [3].

«Голубое сало» начитается с интимного письма от «биофилолога» Бориса Глогера, написанного якобы в 2068 г. С учетом времени, происходящего в романе, письмо наполнено «языком будущего» [4]. «Речь персонажей включает старославянизмы, фразы на идише, французском и немецком языках, а люди будущего говорят на особом жаргоне, изобилующем китайскими словами и русским матом» [5, с. 207]. «Отнесение действия в будущее позволило писателю уснастить текст значительным количеством авторских неологизмов и окказионализмов, имитируя естественное обновление языка с течением времени» [6, с. 125]. По мнению Д. Голышко-Вольфсона, «никакого аналога таким новаторским языковым играм в русской прозе, пожалуй, не наблюдается» [7, с. 78].

Большая часть неологизмов, созданных Сорокиным в «Голубом сале», происходит из иностранных слов, включая англицизмы, германизмы, галлицизмы и, конечно, китаизмы. В конце романа Сорокин включил словарь с толкованиями китайских слов и выражений, употребляемых в тексте. Поскольку в «Голубом сале» используется обилие китаизмов, мы выбираем список с толкованием китайского языка в конце романа в качестве главного объекта исследования в этой статье, из чего можно сделать вывод: большинство китаизмов, используемых в «Голубом сале», передаются с помощью транслитерации через кириллицу по произношению, а не являются результатом буквенного состава китайского фонетического алфавита. В анализе 66 китайских слов и выражений в словаре в конце романа создается впечатление, что все китаизмы, написанные кириллицей, совпадают с произношением в китайском языке, и половина из них (32) не соответствует китайскому фонетическому алфавиту. Например, если в китайском «гнусный» – это «бэбидэ», то в романе – «бейбудиди»; «слишком» – по-китайски «гофэнь», а в романе – «гаофэнь»; «Шуйляо» – «пойло для скота» в романе, тогда как в китайском это «сыляо».

Как было указано, в «Голубом сале» еще есть заимствования из других иностранных языков. Интересно, что в романе присутствуют данные в оригинале без транскрипции англицизмы, германизмы, галлицизмы и латинизмы. Причиной является то, что китайский язык принадлежит к иероглифической системе записи. В отличие от других языков в романе, у китайского языка еще есть своя письменность, которая совсем не связана с его фонетикой. Следовательно, не трудно понять, почему все китайские слова или выражения даны только в кириллической транскрипции, а не в виде письменности. Это в определенной степени доказывает мнение М. Марусенкова, что «фонетический облик новых слов явно интересует Сорокина больше, чем их семантика» [8, с. 223].

Помимо этого, Сорокин дает две интерпретации, которые в тексте упрощаются до буквально-го перевода: «Мэй го – прекрасная страна», «Хэй Лун цзян – река Черного дракона». Как имена собственные в китайском языке слова «Мэй го» и «Хэй Лун цзян» имеют другое значение: Мэй го – США, а Хэй Лун цзян – это провинция в КНР или река Амур, которая протекает по территории трех государств – России, Монголии и Китая.

Как известно, в 1990-е гг. в стране, где писатель родился и жил, произошли большие изменения по многим направлениям, в том числе и «наплыв» разнообразной культуры из-за рубежа. На этом фоне в «Голубом сале» используется обилие неологизмов. Интересно наблюдать, что из этих неологизмов большую часть занимают китаизмы и кальки из китайского, а не другие макаронизмы, как англицизмы, германизмы или галлицизмы, которые были более широко распространены тогда в России. По сравнению с другими иностранными языками, о китайской культуре и заимствовании китайского языка россияне узнают благодаря общению с китайскими эмигрантами, большая часть которых занимаются мелким или средним бизнесом. Важным источником является кухня, отсюда много слов связано с китайскими блюдами. С. Соколов в одной статье описывает популярность китайских блюд в России: «Основными блюдами заведения стали паровые пельмени (которые часто называют «димсамами») и паровые булочки бао» [9]. Кроме этого, других культурных обменов было очень мало. Тем не менее, если учитываем политические и экономические факторы, нельзя не отметить, что Китай в качестве второго социалистического государства после Советского Союза, опираясь на его экономический опыт, добился больших успехов в развитии экономики. Сорокин в своем раннем творчестве старался уходить от политических или геополитических оценок

и акцентов. Как сам признался, он «сформировался как литератор в московском андерграунде, где хорошим тоном считалась аполитичность» [10]. И этот факт является причиной одного любопытного явления в романе: в одном и том же контексте два географических названия, относящихся к совершенно разным источникам, меняются, например, «Мэй го» и «Хэй Лун цзян». Это сближение в конечном счете указывает на нормальную атмосферу антиутопического общества, лишённого геополитических границ.

Еще один любопытный пример – слова, указывающие на пересечения цивилизаций: слово «даньхуан». Сорокин следующим примером феномена межкультурного взаимодействия интерпретирует его в словаре: «Даньхуан – желток (кличка русского прокитайской ориентации)» [11, с. 297]. В Китае есть похожее сленговое выражение – 鸡蛋人 (букв.: «человек-яйцо»), которое появилось в 90-е гг. XX в. в связи с богатыми культурными обменами между Китаем и Западом и широко используется работниками в области СМИ, образования и культурной коммуникации. Понятие «человек-яйцо» обозначает людей белой расы, которые с детства живут в азиатских странах или долгое время учились или работают в Китае, имеют высокий уровень владения китайским языком и знают его культуру. Как указывает китайский ученый Ван Чжэньдин, у них азиатские привычки, образ мышления и моральные нормы, они не знают или мало знают «о культуре, традициях и историческом прошлом своей собственной страны» [12, с. 77]. В настоящее время понятие «человек-яйцо» в Китае относят к «иностранцам, которые долгое время находятся в Китае, любят и изучают китайскую культуру» [13].

Схожую функцию имеет и другое сленговое выражение – «человек-банан», которое первоначально означало «китаец американского происхождения». Сейчас «человеком-бананом» называют и молодых китайцев, родившихся и выросших за границей, включая тех, кто учился там с детства и прожил многие годы за рубежом. Как указывают в одной статье, «желтая оболочка снаружи, белая суть внутри» (黄皮其外、白瓤其内), «желтая кожа, белое сердце» (黄皮白心) – так характеризуют «человека-банана». Также называют «человеком из щели», «слепцом или неграмотным китайцем» (夹缝中的人, 中文盲, 边缘化) [14]. В общем, теперь «человек-банан» – это метафора, используемая в Китае для высмеивания молодых китайцев, которые забыли свой родной язык и свою родину. Таким образом, по сравнению с контекстом, где употребляется сленг «человек-банан» в Китае, когда выражение

«человек-яйцо» используется на Западе или в России, будет ли оно также иметь иронический подтекст? Учитывая, что роман «Голубое сало» был написан в конце 1990-х гг. и опубликован почти в то же время, когда появилось понятие «человек-яйцо», мы считаем, что писатель сослался на китайские выражения «человек-яйцо», «человек-банан» и изобрел свое – «даньхуан», переведенное на русский как «желток» в качестве «клички русского прокитайской ориентации».

Наше исследование насчитывает в «Голубом сале» более 60 китайских слов и выражений. Встречаются даже полные предложения, например «Цзюцзин нинь шэмма шихоу нэн чжуаньбэйхао ни?» [11, с. 25] (И когда вы будете готовы?). В частности, слова «Нимада» (мать твою), «Хушо бадао» (чушь), «Пеньтань» (тупой), «Лаовай» (чужак) используются довольно часто. Обнаружено, что китаизмы в тексте в основном употребляются как ругательства. На примере четырнадцати интимных посланий Бориса Глогера слово «Нимада» употреблено 23 раза, «Лаовай» – 15 раз, «Сяочжу» (поросенок) и «Шагуа» (дурак) – 8 раз, «Пеньтань» (тупой), «Сяотоу» (воришка) – 6 раз, «Байчи» (идиот), «Лянмяньпай» (двурушник), «Хуайдань» (мерзавец), «Хушо бадао» (чушь) – 5 раз. Перемежается в романе и немало вульгарных слов, заимствованных из китайского: «Сяобень» – срать, «Табень» – срать, «Гаовань» – яйца (мужск.), «Гунмынь» – задний проход и т.д. Они обычно употребляются в сочетании со словом «рипс», под которым в романе подразумевается «международное ругательство» [11, с. 299].

Обилие китайских слов и выражений, используемых в тексте, затрудняет чтение. Почему же Сорокин в своем романе так широко употребляет китайский язык, который он не понимает так хорошо, как немецкий и английский? В тексте есть такое предложение: «Бэйбиди сяотоу, кэчиди лянмяньпай, чоуди сяочжу, кэбиди хуайдань, рипс нимада табень!» [11, с. 19]. По мнению М. Марусенкова, «непривычно звучащие китаизмы в функциональном отношении вплотную приближаются к фонетической зауми» [8, с. 224]. Мы согласимся с этим взглядом. Во-первых, все китаизмы в «Голубом сале» даны в кириллической транскрипции в контексте без объяснения, и толкование этих слов появляется только в конце романа, что затрудняет чтение. Во-вторых, в китайском языке существует определенный порядок слов в предложении, который помогает восприятию смысла. Сорокин разрушает нормальную логику построения фразы: «Бэйбиди сяотоу, кэчиди лянмяньпай, чоуди сяочжу, кэбиди хуайдань, рипс нимада

табень!» Здесь имеет место исключительно нагромождение ругательных китайских слов, из-за чего невозможно сформировать самую простую логическую структуру предложения. Таким образом, хаотичное использование китаизмов усиливает какофонический характер в сочетании с вымышленным словом «рипс», которое обозначает международное ругательство в мире будущей России. Когда мы говорим о поэтике Сорокина, трудно обойтись без элемента насилия. На этой основе мы считаем, что ругательные китайские слова со словом «рипс» в романе также используются для совершения языкового насилия с тоталитарностью, что заставляет людей терять свою индивидуальность. Как указывает в одном интервью Сорокин: «Текст – очень мощное оружие. Он гипнотизирует, а иногда просто – парализует» [15, с. 651].

Вспомним, что действие в «Голубом сале» начинается 2 января 2048 г., поэтому это фантастический роман с «футуристической» поэтикой. Таким образом, заимствование китаизмов и других иностранных языков в русском языке в нарисованном мире будущего соответствует динамичному процессу языкового развития. Помимо этого, обилие использования китаизмов придает тексту экзотический характер. Вместе с другими азиатскими элементами, такими как тибетские медицинские термины (названия болезней – скран, римс, гланг-тхабс, рмен-бу, древний трактат по тибетской медицине «Чжуд ши»), привычные китайские элементы (ткань китайского производства, Великая Китайская стена, китайский чайный столик, китайская ваза и т.д.) создают интенсивный восточный колорит. Вкрапленные элементы китайского языка и другие варваризмы вместе с их использованием в контаминации являются результатом авторской языковой игры, что приводит к отстраненности текста и неожиданно добавляет юмористический эффект в текст.

Увлечение китайской культурой также является одной из причин многочисленных упоминаний китайского языка в «Голубом сале». В одном интервью Сорокин рассказал, что он «с юности интересуется китайской культурой, прочитал такие китайские классические произведения, как “Речные заводы”, “Путешествие на Запад” и “Сон в красном тереме” и т.д. Также интересовался китайской поэзией и философией. <...> Китай оказал большое влияние на мировую культуру» [16, с. 10]. В другом интервью он отметил, что после публикации «Голубого сала» еще побывал в Китае: «И мне рассказали любопытную вещь, что на северо-западе Китая живут этнические русские, которые общаются между собой, пи-

шут китайские слова кириллицей» [17]. Кроме романа «Голубое сало», китаизмы существуют и в таких последующих произведениях Сорокина, как «День опричника», «Сахарный Кремль» и «Метель».

Все вышесказанное доказывает, что китаизмы и китайская культура играют важную роль в понимании художественного мира писателя в «Голубом сале». Китаизмы, которые появляются в русскоязычном художественном тексте, можно рассматривать в качестве продукта пересечения культур. В отличие от других используемых иноязычных слов, китаизмы употребляются как ругательства, а это, по нашему мнению, является языковым насилием. Более того, китаизмы вместе с другими китайскими элементами придают роману восточный колорит и абсурдный оттенок. Заимствование китаизмов и слов из других языков проходит через творчество Владимира Сорокина. Как можно заметить, пересечение межкультурных феноменов в одном пространстве также является особенностью художественного мира писателя.

Список литературы

1. Смирнова Д. Плохой хороший Сорокин // Афиша. 2001. URL: <http://old.guelman.ru/slava/writers/sor2.htm> (дата обращения: 14.08.2020).
2. Петровская Е. Голубая вата // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 416–417.
3. Генис А. Страшный сон как подсознание русской литературы // Общая газета. 1999. № 27. С. 10.
4. Сорокин В. «Мне не грозят какие-либо премии» : интервью // НГ Ex Libris. 1999. № 12. С. 1.
5. Липовецкий М. Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе // Знамя. 1999. № 11. С. 207–215.
6. Марусенков М. Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина. Заумь, гротеск и абсурд. СПб. : Алетей, 2012. 304 с.
7. Гольинко-Вольфсон Д. Владимир Сорокин // Художественный журнал. 2000. № 28–29. С. 78–79.
8. Марусенков М. П. Заумный язык в романе Владимира Сорокина «Голубое сало» как средство отражения социокультурной ситуации в России 1990-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 1. С. 222–226.
9. Соколов С. В гостинице на Ленина открылась первая в Новосибирске китайская «димсамочная». URL: <https://ngs.ru/text/food/2018/11/05/65576971/> (дата обращения: 05.11.2018).
10. Сорокин В. Темная энергия общества : интервью журнала Spiegel с Владимиром Сорокиным. URL: <https://srkn.ru/interview/spiegel.shtml> (дата обращения: 29.01.2007).

11. Сорокин В. Собр. соч. : в 3 т. М. : Ad Marginem, 2002. Т. 3. 814 с.
12. 王振顶, 汉语国际传播界新词语:“香蕉人”“芒果人”和“鸡蛋人”[J]. 渤海大学学报: 哲学社会科学版, 2016, 38(4): 76–80页 (Ван Чжэньдин. Новые слова в китайском СМИ: «человек-банан», «человек-манго» и «человек-яйцо» // Журнал Бохайского университета. Философия и социальная наука. 2016. Т. 38, № 4. С. 76–80).
13. 陆春艳, “香蕉人”血脉烙中国印 情迷中华文化诞“鸡蛋人” (Лу Чуньянь. В «человеке-банане» ген китайской нации, и «человек-яйцо» появляется из любви к китайской культуре). URL: <https://www.chinanews.com.cn/hr/hr-mzhrxw/news/2009/06-26/1750349.shtml> (дата обращения: 26.06.2009).
14. 鸡蛋人 («Человек яйцо» как разновидность лаовая в Китае). URL: <https://magazeta.com/jidanren> (дата обращения: 18.11.2018).
15. Рассказова Т. Текст как наркотик. Интервью с В. Сорокиным // «Это просто буквы на бумаге...». Владимир Сорокин: после литературы : сб. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 649–655.
16. 任光宣, 文学是最烈的毒品 – 俄罗斯作家索罗金访谈录 [J]. 外国文学动态, 2012, 第6期, 8-10页 (Жэнь Гуансюань. Литература – самый сильный наркотик: интервью с русским писателем В. Сорокиным // Динамика зарубежной литературы, 2012. № 6. С. 8–10).
17. Сорокин В. Мы все отравлены литературой : интервью. URL: <https://srkn.ru/interview/arba.shtml> (дата обращения: 01.01.2004).

Поступила в редакцию 02.06.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 21.09.2022
The article was submitted 02.06.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 21.09.2022

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 91–98
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 91–98
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-91-98>
EDN: KUJLOM

Рецензия
УДК 821.161.1.09|19|+929

«Мы – содружество, мы – общество, но мы не школа...»: К столетию объединения «Серрапионовы братья»

Рецензия на: Серрапионовы братья: взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества : коллективная монография / отв. ред. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева; сост. Д. А. Слюзова. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. 179 с.

И. Ю. Иванюшина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

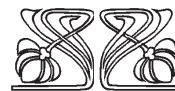
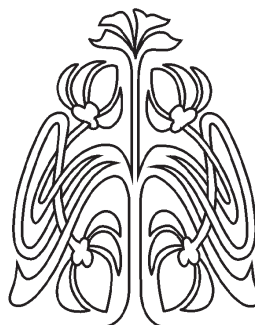
Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, iyu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7980-4030>

Аннотация. Рецензия посвящена обзору материалов коллективной монографии, приуроченной к столетнему юбилею литературного содружества «Серрапионовы братья». Проект объединил ученых из Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, являющихся признанными специалистами по истории отечественной литературы 1920–1930-х гг. Исследования базируются на вводимых в научный оборот уникальных документах из наследия Серрапионов (К. Федина, Вс. Иванова, Н. Тихонова, В. Каверина, И. Груздева), хранящихся в фондах РГАЛИ, ИМЛИ РАН (Москва), ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Государственного музея К. А. Федина (Саратов). Их осмысление позволяет восполнить фактологические лакуны в истории содружества и биографиях отдельных его членов, уточнить систему их творческих и личных взаимоотношений. Единство монографического замысла обеспечивается и самим материалом, и общими методологическими принципами работы с архивными источниками, и наличием нескольких сквозных сюжетов, переходящих от статьи к статье. Среди них вполне оправданный в рамках юбилейного издания сюжет серрапионовских годовщин разных лет, дискуссии о евразийстве, о природе жанра, о «красном Линкертоне». Важное место на страницах монографии занимают проблемы цензуры и самоцензуры, вопросы текстологии и принципов издания эго-документов. В рамках подготовки к публикации полного текста дневников К. А. Федина, над которым работает творческий коллектив, эти вопросы имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Реализацию провозглашенных принципов демонстрирует и сама монография, снабженная богатым справочным аппаратом, открывающим перспективы дальнейших исследований литературного феномена Серрапионова братства.

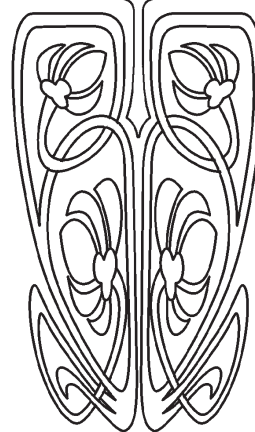
Ключевые слова: Серрапионовы братья, К. А. Федин, эго-документы, дневник писателя, жанр, цензура, текстология

Для цитирования: Иванюшина И. Ю. «Мы – содружество, мы – общество, но мы не школа...»: к столетию объединения «Серрапионовы братья» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 91–98. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-91-98>, EDN: KUJLOM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ

Review's report

“We are an association, we are a community, but we are not a school” – to the 100th anniversary of the “Serapion brothers” association
Review of: Serapion brothers: A 21st century perspective. To the 100th anniversary of the literary association: A multi-authored monograph. Executive ed. I. E. Kabanova, I. V. Tkacheva, compiling ed. D. A. Slyuzova. Saratov, ITs “Nauka”, 2021. 179 p. (in Russian)

I. Yu. Ivanyushina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina Yu. Ivanyushina, iiyu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7980-4030>

Abstract. This article reviews the materials of a multi-author monograph dedicated to the 100th anniversary of the literary association “Serapion brothers”. This project has united researchers from Saratov, Moscow, St Petersburg, considered to be renowned experts in the history of Russian literature of the 1920–1930s. The research is based on the unique documents from the Serapion brothers' legacy being introduced into the scientific circulation (K. Fedin, Vs. Ivanov, N. Tikhonov, V. Kaverin, I. Gruzdev). The documents are kept in the funds of the Russian State Archive of Literature and Art, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Literary Museum of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (The Pushkin House), National Library of Russia (Saint Petersburg), State Museum of K. A. Fedin (Saratov). Their interpretation allows to fill the factual gaps in the history of the association and in the biographies of its members, to define the system of creative and interpersonal relationships between them more precisely. The monograph's intention is unified by the material itself, by the general methodological principles of working with archive materials, by the presence of several recurrent plots, appearing in different articles. Among them there is a plot, rather appropriate for the anniversary edition, about different anniversaries of Serapion brothers, discussions of Eurasianism, of the nature of genre, of the “red Pinkerton”. The issues of censorship and self-censorship, questions of text studies and principles of ego-documents' publication hold a prominent place on the pages of the monograph. These questions are not only theoretical, they have a rather practical significance in preparing the full texts of K. A. Fedin's diaries for publication, on which the creative team is working. The monograph itself manifests the implementation of the proclaimed principles, as it is supplemented by wide-ranging reference materials, which offer great opportunities of further research of the literary phenomenon of Serapion brothers.

Keywords: Serapion brothers, K. A. Fedin, ego-documents, writer's diary, genre, censorship, text studies

For citation: Ivanyushina I. Yu. “We are an association, we are a community, but we are not a school” – to the 100th anniversary of the “Serapion brothers” association. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 91–98 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-91-98>, EDN: KUJLOM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Яркая, спорная, новаторская отечественная литература 1920-х гг. вступила в пору вековых юбилеев. В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня образования литературного содружества «Серрапионовы братья». Этому событию была посвящена Всероссийская научная конференция «“Серрапионовы братья”: взгляд из XXI века», которая проходила 10–11 марта в Государственном музее К. А. Федина (Саратов) – одном из ведущих центров изучения этого уникального литературного феномена – братства без единой идеологии.

В фондах музея хранится богатейшая коллекция документов из истории Серрапионов, переданная в дар семьей К. А. Федина. Десять лет назад наглядный и содержательный обзор этих материалов (писем, рукописей произведений, фотографий, книг с автографами, первых изданий, редких журнальных публикаций) был представлен в прекрасно изданном альбоме «Почему мы Серрапионовы братья: Раритеты из собрания Государственного музея К. А. Федина: каталог» [1].

К девяностой годовщине содружества была организована международная научная конференция, по материалам которой вышел сборник статей «Серрапионовы братья: Философско-эстетические и культурно-исторические

аспекты: К 90-летию образования литературной группы: материалы международной научной конференции» [2].

Обладая уникальными фондами, музей сумел объединить вокруг себя ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, специалистов по литературе первой трети XX в. Работа над проектами, поддержанными РФФИ, «Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века» и «Константин Федин. Дневники», направленная на подготовку, комментирование, публикацию эго-документов К. Федина и широкого круга отечественных писателей [3], позволила исследовательской группе под руководством доктора филологических наук, члена-корреспондента РАН, заведующей отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ им. А. М. Горького РАН Н. В. Корниенко и заместителя директора по научной работе Государственного музея К. А. Федина И. Э. Кабановой выработать единую методологию исследования, соответствующие стандартам академического издания принципы публикации и комментирования архивных материалов.

Все эти достоинства нашли свое отражение и в юбилейной монографии «Серрапионовы братья: взгляд из XXI века. К 100-летию литературного

содружества». Сильной стороной работы авторского коллектива является опора на впервые вводимые в научный оборот материалы из наследия Серапионов (К. Федина, Вс. Иванова, Н. Тихонова, В. Каверина, И. Груздева), хранящиеся в РГАЛИ, ИМЛИ РАН (Москва), ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН, Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), Государственном музее К. А. Федина (Саратов).

Открывающая монографию статья Н. В. Корниенко задает масштаб рассмотрения истории литературного сообщества на фоне крупнейших событий 1920-х гг.: политических (пик крестьянских восстаний, Кронштадтский мятеж, X съезд партии, нэп), литературных (смерть А. Блока, выход № 1 журнала «Красная новь», дискуссия о природе романа и проблематике повествовательных жанров, о путях обновления языка русской прозы). Автор статьи заявляет о необходимости «от публикации источниковедческих материалов наследия Серапионов <...> переходить к более крупным темам» (с. 4) и намечает некоторые перспективные направления. Среди них, например, проблема «Серапионы и евразийство». Отмеченное Е. Замятинным разделение Серапионов на восточную и западную группы предлагается осмыслить в большом историческом и философском контексте споров о «закате Европы», о будущем европейской культуры и цивилизации. В свете этих идей роман К. Федина «Похищение Европы» предстает как «пронизанный евразийскими идеями» (с. 5). Рассматривая его как третью часть трилогии («Города и годы», «Братья», «Похищение Европы»), Н. В. Корниенко называет еще одну тему, «которую Серапионы заострили для всего XX и даже XXI века» (с. 11), – тему «русской интеллигенции в ее отношении к собственной истории, культуре, свободе творчества, народу, массовому читателю» (с. 11).

Исключительный теоретический интерес, по мнению исследователя, имеют «рефлексии Серапионов на тему романа» (с. 8), которые необходимо включить в контекст «оригинальной философско-литературоведческой мысли первых двух советских десятилетий» (с. 8), имея в виду не только классические работы М. Бахтина, но и дискуссию о романе 1934 и 1935 гг., развернувшуюся вокруг работ главного теоретика журнала «Литературный критик» Г. Лукача. Ждут своего исследователя и такие проблемы, как интертекстуальные связи в произведениях участников сообщества, вклад Серапионов в развитие детской литературы и многие другие.

Обозначенные в статье Н. В. Корниенко направления изучения творческого наследия Серапионов находят свое развитие в ряде вошедших в монографию исследований.

Так, например, проблема «Запад – Восток» в самосознании членов литературного сообщества так или иначе затрагивается в статьях Е. М. Трубиловой, Е. А. Папковой, Е. Г. Елиной, Н. М. Щедриной, Г. Н. Воронцовой, М. В. Григорьевой и подробно рассматривается в работе Н. А. Гуськова «“Географические” оппозиции в творческой системе “Серапионовых братьев”». Под знаком антиномий «культура – природа», «свое – чужое» анализу подвергаются такие парные топосы, как «город – деревня», «столица – провинция», «Петербург – Москва», «север – юг». Они становятся поводом для серьезного разговора об идеологических и эстетических предпочтениях членов Серапионова братства. Особенно интересным видится сопоставление Серапионов с писателями одесской школы. По наблюдениям исследователя, противостояние «севера» и «юга» многое предопределяет в художественной манере авторов двух ведущих литературных сообществ 1920-х гг. – юго-восточного и северо-западного.

Наряду с бинарными оппозициями в статье Н. А. Гуськова возникает тернарная: «Запад – Россия – Восток». При этом автор высказывает сомнение в связи Серапионов с идеями евразийства: «Россия, хотя четко противопоставлялась в серапионовских текстах Западу, <...> не отождествлялась ни с Востоком, ни с евразийским синтезом культур» (с. 18); «Западники по преимуществу, они занимали патриотическую позицию, избегая при этом евразийства» (с. 19). Таким образом, проблема «Серапионы и евразийство», поставленная во вступительной статье, получает на страницах монографии полемическое развитие.

Еще одним сквозным мотивом монографии является история трансформации жанровой системы русской прозы 1920-х гг., сопровождавшаяся бурными дискуссиями о романе, о сюжете, о массовой литературе. Серапионы включились в осмысление этих вопросов как теоретически (см. речь К. Федина на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, процитированную в статье Н. В. Корниенко (с. 4), суждения в письмах и дневниках (с. 41)), так и практически, своими экспериментами в области жанра. Им посвящены статьи Е. М. Трубиловой, Н. М. Щедриной, Е. Г. Елиной.

Как отмечает автор статьи «Серапионы в романе-буриме “Большие пожары”» Е. М. Трубилова, «провозглашенный в 1922 г. Н. И. Бухариным курс равенства на “красного Пинкертон» на короткий исторический момент совпал с призывом идеолога Серапионов Л. Лунца учиться авантюрной фабуле» (с. 33). Наложившись на идею коллективизма, охватившую все области советской жизни, включая творческую, установ-

ка на динамичность, увлекательность сюжета породила «веселый проект журнала “Огонек”» (с. 33) по созданию «коллективного романа» «Большие пожары». Принцип литературной игры буриме стал шутивным вызовом Серапионам, программно провозглашавшим «уменье обращаться со сложной интригой, завязывать и развязывать узлы, сплести и расплести» (с. 35). В эксперименте «Огонька» приняли участие четыре члена содружества: К. Федин, М. Слонимский, М. Зощенко, В. Каверин. Статья Е. М. Трубиловой восстанавливает историю создания серапионовских глав романа, показывает, как в коллективном труде проявились творческая и человеческая индивидуальность каждого автора, особенности его языка и стиля.

На бухаринский призыв создать «красного Пинкертона» откликнулись и другие писатели. Попытке Мариэтты Шагинян освоить авантюрно-приключенческий жанр посвящена статья Н. М. Щедриной «Экспериментализм в духе “Серапионовых братьев” в произведениях Мариэтты Шагинян 1920-х годов». Проанализированные исследователем романы писательницы «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» и «Кик» демонстрируют жанровый эклектизм. «Месс-Менд» характеризуется как «роман-сказка», «изысканная пародия на западный детектив», «пинкертоновщина» (с. 85). Эти жанровые разновидности получают в статье теоретическое обоснование, обнаруживая общность в развитии сюжета: динамичность, калейдоскопичность, абсурдность, «неправдоподобность мотивировок <...> при сохранении внешней обусловленности и логичности» (с. 85), нарастание напряжения, внезапность концовки и т. д.

«Кик» представляет собой еще более сложный жанровый синтез – «роман-комплекс», соединение поэмы, киносценария, новеллы, критической статьи, фельетона, очерка, газетной передовицы и т. д. Сама М. Шагинян объясняла его появление желанием «сдать экзамен по жанрам» (с. 88) и считала своей неудачей.

Поставленные Н. М. Щедриной в широкий контекст теоретической рефлексии и художественной практики 1920-х гг. романы М. Шагинян предстают характерным и закономерным звеном тех динамических процессов, которые протекали в советской литературе этого периода.

Возникшее в 1920-е гг. тяготение Серапионов к сложным жанровым образованиям сказывалось в их творчестве и в более поздние годы, о чем свидетельствует, например, статья Е. Г. Елиной «Мемуары В. А. Каверина о “Серапионовых братьях” в контексте филологической прозы». Автор теоретически обосновывает феномен «филологизма», распространя характерные

признаки «субжанра» «филологического романа» (В. Новиков) на мемуаристику и доказывая, что «“филологизм” присущ не только романистике, но и литературной публицистике Каверина» (с. 66). «Время, пространство, любовь, человеческие отношения даны здесь через призму литературы и “олитературенного” слова, а цитата относится к личностному дискурсу писателя. Изображаемый мир становится литературоцентричным» (с. 66). Е. Г. Елина отмечает синтетические особенности мемуаров профессионального филолога В. Каверина. Воспоминания вбирают в себя элементы текстологии, литературоведения, изобилуют аллюзиями, цитатами. Это «литература в квадрате» (с. 72). Проведенный анализ выводит автора на обобщающий вывод о «филологичности» Серапионова братства в целом «и по самому своему происхождению, и по названию, и по творческим идеям, манифестированным членами объединения» (с. 67).

Устойчивый интерес вызывает у авторов монографии история взаимоотношений Серапионов с представителями формальной школы. Ранее к этой проблеме обращалась И. Э. Кабанова [4]. В настоящем издании различные аспекты этих отношений затрагиваются Е. Г. Елиной, Е. А. Папковой, М. К. Свиченской, Н. М. Щедриной, Л. А. Посадской. Более подробно они освещены в статье Л. Ю. Коноваловой «“Возрождение Серапионова братства...” (на материале эго-документов К. Федина 1929–1931-х годов)». В ней кратко, но отчетливо охарактеризованы биографические связи и теоретические дискуссии Серапионов и формалистов, проанализированы причины и последствия серьезных разногласий между ними на рубеже 1920–1930-х гг., в один из драматичных периодов истории отечественной литературы.

Трансформация идеологических, творческих, человеческих позиций в условиях нарастающего политического давления, отмеченная Л. Ю. Коноваловой, подробно проанализирована в статье Т. А. Кукушкиной «“Молчавшие заговорили”»: Серапионы на дискуссии в Ленинградском отделении Всероссийского Союза советских писателей об идейно-творческой перестройке (1931)». На основе архивных материалов и периодики 1929–1931 гг. показано, как воплощался в жизнь рапповский лозунг – «не попутчик, а союзник, или враг» (с. 61). Серапионы М. Слонимский, Н. Тихонов и Н. Никитин «выступили с пересмотром прежних творческих принципов» (с. 58) и призвали членов Союза писателей стать союзниками пролетарской литературы. Отголоски этого события запечатлелись в строках впервые публикуемого М. К. Свиченской шуточного стихотворения Н. Тихонова: «...Покаемся ж нын-

че на чистоту / Во всех отклоненьях от нормы.
/ Ну, если мы даже и отошли / В какой-нибудь
там загиб кривой, / Писателя труд – это тот же
шашлык, / На палку надел и жги его!» (с. 28).

В монографии, посвященной юбилею литературного сообщества, значительное внимание уделено такому феномену «литературного быта», как празднование годовщин основания Серапионова братства (статьи Л. Ю. Коноваловой, Л. А. Посадской, Е. А. Папковой). Подробные сведения и обширную библиографию по этому вопросу содержит исследование М. К. Свиченской «“Юбилейная ложка дегтя”: (к истории стихотворения Н. С. Тихонова)». В нем отражены традиции ежегодных встреч 1 февраля с их атрибутами – стенной газетой, «кинематографом» и произведениями «на случай» как самих Серапионов, так и приглашенных друзей – Ю. Н. Тынянова, С. Я. Маршака, А. М. Ремизова, Е. Л. Шварца. Брат-«летописец» Илья Груздев (см. о нем статью О. В. Быстровой «Литературовед Илья Александрович Груздев» (с. 74–82)) собирал автографы этих шуточных произведений (в частности, публикуемый текст Н. Тихонова), благодаря чему они дошли до современных исследователей.

Разрозненные свидетельства из дневников, писем, воспоминаний о праздновании «лицейских годовщин» дают серию «моментальных снимков» истории Серапионова братства на фоне меняющегося времени, со взаимными сближениями, охлаждениями, личными и групповыми кризисами. Эти вехи отмеряют не только время существования содружества, но и психологический возраст его участников, состояние их духа: 1928 г. – «Годовщина серапионовская прошла скучновато. Так себе прошла. Вроде как лицейская годовщина седовласых маститых старцев. Авось помолодеем к следующему году» (с. 49); 1929 г. – «Как ни традиционен этот день, было внезапно весело и молодо» (с. 49); 1931 г. – «...десятилетие серапионов, у Каверина. Все спасает издевка и самопародирование» (с. 53); 1932 г. – «Очередная “лицейская годовщина”, конечно, произойдет. Сойдутся старцы, бывшие серапионы, бывшие Гофманы, выпьют, закусят и, может быть, очередным образом поругаются. Романтика есть романтика» (с. 53).

Отдельные страницы истории Серапионова братства восстанавливаются в монографии по воспоминаниям участников, свидетелей, современников происходивших событий. Статья Е. А. Папковой «“Есть здесь талантливейшая молодежь...”: “Серапионовы братья” в эго-документах Всеволода Иванова», опирающаяся на малоизученные и неопубликованные материалы из семейного архива, дополняет и корректирует

имеющиеся сведения о позиции Вс. Иванова внутри литературного сообщества. Статьи Л. А. Посадской «Серапионы глазами Евгения Шварца» и Т. Д. Беловой «Дом искусств как культурный центр революционного Петрограда и его обитатели (по воспоминаниям современников)» обобщают сведения из опубликованных мемуаров, дневников, писем, художественных произведений Е. Шварца, М. Горького, В. Каверина, Вс. Рождественского, М. Слонимского, О. Форш, Вл. Ходасевича, связанные с разными периодами деятельности Серапионов.

Интересный аспект обозначенной в названии монографии темы: «Серапионовы братья: взгляд из XXI века» предложен в статье М. А. Черняк «Сборники “Как мы пишем” (1930/2018) и проблема авторской идентичности». В ней предпринят сопоставительный анализ двух сборников, разделенных почти столетием и объединенных общей задачей исследовать природу литературного творчества и технологию литературного труда. В первом из них приняли участие как сами Серапионы – М. Зоценко, В. Каверин, Н. Тихонов, М. Слонимский, К. Федин, Н. Никитин, так и близкие к ним Ю. Тынянов, В. Шкловский, Е. Замятин, О. Форш. При всем различии подходов и полученных результатов сборники дали автору статьи повод говорить о некотором родстве нашей современности с «литературными 1920-ми». Это родство видится в трансформации видов и жанров художественного творчества, в рождении нового типа писателя, в радикальном обновлении литературного поля. Очевидно, этой близостью объясняется живой интерес к творчеству Серапионов в начале XXI в.

Вторая часть монографии всецело посвящена К. А. Федину, но и в первой части его фигура занимает значительное место, присутствуя в подавляющем большинстве статей.

Государственный музей К. А. Федина давно является признанным центром изучения жизни и творчества писателя. Результаты исследований находят отражение в продолжающейся серии сборников «Фединских чтений», в изданиях, посвященных юбилеям писателя [5, 6]. Введение в научный оборот, комментирование, анализ архивных материалов – одно из главных направлений научной работы музея.

Большинство статей второй части монографии опирается на еще не опубликованные материалы дневника К. А. Федина и содержат богатый материал о раннем периоде творчества писателя, о его «мироощущении <...> на пороге большого литературного пути» (с. 114) (И. Э. Кабанова «“Для меня писать значит жить...” Штрихи к портрету К. Федина (по днев-

никам 1920–1921 годов»)), о круге его профессионального и дружеского общения (Е. Л. Куранда «Константин Федин в архиве Эриха Голлербаха в отделе рукописей Российской национальной библиотеки», Д. А. Слюзова «Сотрудничество К. А. Федина с издательством “Прибой” (на материале переписки К. А. Федина и М. А. Сергеева)», Г. Н. Воронцова «Очерк К. А. Федина “У Роллана”: к истории создания и публикации (по письмам и дневниковым записям писателя)», об истории иллюстраций книг писателя (М. Л. Круглова «“Дар лирического книжника”. Опыт прочтения романа К. А. Федина “Первые радости” художником Б. А. Протоклитовым»)).

В связи с публикацией до сих пор не изданных или изданных с купюрами материалов на страницах монографии обсуждаются две важнейшие и взаимосвязанные проблемы: цензуры/самоцензуры и текстологических принципов публикации документов.

Эпизодически вопрос о цензуре возникал и в первой части издания (в статьях Н. В. Корниенко о работе К. Федина над собранием сочинений, в процессе которого «редакторы беспощадно правили тексты его произведений» (с. 7); Е. А. Папковой в связи с правкой по требованию редактора воспоминаний Вс. Иванова о Серапионах (с. 44–45)). Во второй части эта тема становится сквозной.

В статье Г. Н. Воронцовой, анализирующей историю создания и публикации очерка К. Федина о Ромене Роллане, на локальном материале дан широкий спектр мыслей и чувств писателя, связанных с феноменом цензуры. Публикация в газете «Известия» очерка «У Роллана» с купюрами вызвала у автора взрыв негодования: «Меня взбеленило бесстыдство наших редакций. Автор для них совсем перестал быть личностью. Тоска!» (с. 139). Отправляя публикацию Р. Роллану, он восстановил пропущенные фрагменты. В то же время дневник К. Федина безжалостно отразил и факты самоцензуры. В очерк не были включены несколько сюжетов: «слишком болезненный для страны» (с. 141) разговор с французским писателем о пребывании Горького в Италии в период становления там фашистского режима; недоумение Роллана по поводу интереса Сталина к искусству; его объяснения неготовности посетить Россию («...во-первых, он боится, будет ли он там сыт. Во-вторых – что ему будут “мешать” смотреть и видеть все так, как он хочет – своими глазами» (с. 142)). Двойное давление цензуры и самоцензуры драматичным образом обернулось и для автора, которого больше не пускали в Швейцарию, и для героя очерка, на которого обрушились западные газеты («Бедный Роллан! Тут явно виноват я...» (с. 134)).

Чрезвычайный интерес представляют статьи И. В. Ткачевой «Малоизвестные страницы биографии К. А. Федина военных лет (по материалам дневников писателя) и М. В. Григорьевой «Этика и цензура: что скрывается за купюрами в опубликованных дневниках К. А. Федина конца 1945 – начала 1946 года», заполняющие лакуны в опубликованных дневниках К. Федина и объясняющие причины их возникновения.

Проведенное исследователями сопоставление изданных в 1986 г. в 12-м томе Собрания сочинений К. А. Федина дневников с рукописными оригиналами, хранящимися в РГАЛИ, показало наличие многочисленных изъятов: «Пропускались не только целые абзацы, страницы; иногда изымались из текста отдельные слова или часть фразы (зачастую без каких-либо указаний на сокращения), и это существенно влияло на смысловые оттенки повествования» (с. 151–152).

Купированные фрагменты позволяют по-новому осветить отношение писателя к событиям военных и первых послевоенных лет. Интересен, например, сюжет эволюции отношения К. Федина к немцам. Как известно, о своем пребывании в гражданском плену в Германии в годы Первой мировой войны он вспоминал с благодарностью и мягкой иронией. Не удивительно, что во фрагменте дневника, рассказывающем об эвакуации штатских немцев из Москвы в 1941 г., сквозит неуместное, по мнению редакторов или цензоров, сочувствие. Позднее, став свидетелем бесчеловечности фашистов на Орловщине и в Ленинграде, К. Федин делает жесткие прогнозы о развитии военной кампании 1943 г., публикация которых тоже признается нецелесообразной, очевидно, в силу недостаточной оптимистичности.

Особенно показателен случай двойного, если не тройного цензурирования. Побывав на разоренной Орловщине, К. Федин написал цикл очерков, который хотел, но по цензурным соображениям не позволил себе озаглавить «Освобожденные кладбища», и выбрал для него демонстративно безликое название «Несколько населенных пунктов». Однако это не спасло очерки от цензурного вмешательства. В дневнике автор с горечью замечает: «<...> одно описание запрещено по такому мотиву: “очень ярко изображается разорение”. Вся беда искусства заключается в том, что запрещено все, что “очень ярко”» (с. 148). В свою очередь, этот фрагмент также был изъят при публикации дневника К. Федина.

За пределами изданного также остаются размышления о разоренной военной Москве 1943 г. («На сколько еще веков обречена Россия

на такую лютую нищету? Сколько поколений будет выращено такими разоренными дворами?...» (с. 147)), о собственной писательской судьбе («<...> не пора ли признать, что судьба не удалась? <...> Если я не захочу стоять нищим на углу, то меня заставят продавать на старости перо художника по цене репортера. <...> Вся мера, отпущенная мне природой, могла бы сейчас скажаться в свободной, непринужденной ненужной вещи. Но я делаю только “нужные” <...> А роман лежит. Ибо он “не нужен”...» (с. 148) (подчеркнуто автором. – И. И.).

В статье М. В. Григорьевой предпринимается попытка классифицировать произведенные при публикации дневников К. Федина купюры и объяснить их природу. Это тем более актуально, что в записях конца 1945 – начала 1946 гг. «было “утеряно” чуть больше половины оригинального текста» (с. 152). Анализируя причины «изъятий», автор ставит проблему «этика и цензура», доказывая, что «цензура» – это не всегда «документально подтвержденное вмешательство органов власти в подготовку издания» (с. 152), часто речь идет о «внутренней цензуре лиц, работавших над составлением текста и комментария, и об их видении последствий обнародования тех или иных фактов в контексте общественно-политической жизни нашей страны» (с. 152). В соответствии с этим М. В. Григорьева выделяет пять типов купюр, осуществляя которые, публикаторы руководствовались соображениями этического характера (личная информация, негативные суждения о друзьях и знакомых, критические высказывания о коллегах); своими представлениями о том, что может быть неинтересно читателям (курьезные случаи из повседневной жизни, несущественные бытовые подробности). Пожалуй, только один тип купюр можно отнести к числу идеологически обусловленных – «философские размышления о природе нацизма и немецком самосознании» (с. 152). Их восстановление становится своеобразным завершением сюжета об эволюции взглядов К. Федина на Германию и немцев. Частично эти размышления вошли в текст подготовленного, но так и не опубликованного предисловия к роману «Города и годы», рукопись которого хранится в музее К. А. Федина, а история неосуществленного переиздания романа в 1947 г. ждет своего исследователя.

Восстанавливая и комментируя купюры в предыдущих изданиях, авторы статей тем самым декларируют свои текстологические принципы, которыми руководствуются при подготовке полного издания дневников К. Федина.

Проблем текстологии так или иначе касаются многие участники коллективной моно-

графии. В практическом плане их решают исследователи, публикующие новые документы (М. К. Свиченская, Е. Л. Куранда) и неопубликованные фрагменты документов (Е. А. Папкина, Г. Н. Воронцова, И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева, М. В. Григорьева). О вызовах текстологической науке в эпоху тотальной диджитализации размышляет М. А. Черняк.

Теоретические аспекты текстологической работы затрагивает в своей статье И. Э. Кабанова. Она убедительно показывает, как невнимание к особенностям публикуемого документа, к уровням его правки порождает искажения и анахронизмы. Так, например, при сопоставлении первой публикации дневников 1920–1921 гг. [7] с рукописью, хранящейся в музее К. А. Федина, обнаруживается ряд текстологических недоразумений: «<...> часть поздних помет (в том числе скобки и подчеркивания) в первой публикации занесены в основной текст дневника, что зачастую искажает первоначальные записи, порой серьезно меняя смысловые акценты» (с. 116). При корректном же подходе дневник писателя открывает множество ценных сведений об эволюции его взглядов и оценок: о «трансформации отношения Федина к Горькому» (с. 115), об иронической корректировке интерпретации событий и собственной позиции ранних лет.

Сталкиваясь с такими сложными случаями многослойного текста, исследователь встает перед дилеммой синхронии и диахронии и решает эту проблему так: «В готовящейся публикации дневников основной текст будет дан в первоначальном виде, а все поздние пометы уйдут в примечания, что сохранит весь рабочий материал для книги “Горький среди нас” и при этом исключит возможность неверных толкований раннего текста дневника» (с. 116).

Изложенные в статье И. Э. Кабановой текстологические принципы имеют как теоретическое, так и вполне практическое значение для подготовки к публикации полного текста дневников К. А. Федина, над которым работает творческий коллектив. Будучи представленным в своей оригинальной полноте, этот документ советской эпохи позволит не только заполнить фактологические лакуны в биографии и творчестве писателя, обогатит знания о событиях литературной и общественной жизни, но и скорректировать некоторые устоявшиеся мнения и оценки, а, возможно, и открыть «другого Федина». Реализацию провозглашенных принципов демонстрирует и сама монография, снабженная богатым справочным аппаратом, открывающим перспективы дальнейших исследований литературного феномена Серапионова братства.

Список литературы

1. Почему мы Серапионовы братья: Раритеты из собрания Государственного музея К. А. Федина : каталог / сост. Л. Ю. Коновалова, М. В. Григорьева, вступ. ст. Л. Ю. Коноваловой ; ред. И. В. Ткачева. Саратов : Орион, 2012. 120 с.
2. Серапионовы братья: Философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: К 90-летию образования литературной группы : материалы междунар. науч. конф. / ред., сост. Л. Ю. Коновалова, И. В. Ткачева. Саратов : Орион, 2011. 272 с.
3. Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века : в 2 кн. / под ред. Н. В. Корниенко, сост. И. Э. Кабанова, М. : ИМЛИ РАН, 2016–2018.
4. К истории отношений «серапиона» К. А. Федина и «опоязника» Б. М. Эйхенбаума (из переписки) / вступ. ст., коммент. И. Э. Кабановой, подгот. текста И. Э. Кабановой, Д. В. Неустроева // Литературный архив советской эпохи : сб. ст. и публикаций. Кн. 2 / отв. ред.-сост. Н. А. Прозорова. СПб. : Росток, 2020. С. 296–324.
5. Константин Федин и его современники (Фединские чтения. Вып. 5): К 120-летию со дня рождения К. А. Федина : материалы Всерос. науч. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. Саратов : ИЦ «Наука», 2013. 240 с.
6. Русская интеллигенция и революция в литературе XX века: К 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К. А. Федина : сб. науч. ст. / отв. ред., сост. И. Э. Кабанова. Саратов : ИЦ «Наука», 2018. 550 с.
7. Федин К. А. Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов / публ. Н. К. Фединой, В. В. Перхина, коммент. В. В. Перхина // Русская литература. 1992. № 4. С. 139–164.

Поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 05.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 30.11.2022

ISSN 1817-7115

23001

9 771817 711502

ISSN 1817-7115 (Print). ISSN 2541-898X (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Филология. Журналистика. 2023. Том 23, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

